

ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2020, № 12

Санкт-Петербург
2020

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФC 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2020, № 12

Saint-Petersburg
2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., заведующий научно-исследовательским отделом Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Керимов А.Д., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Багаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Даниила Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2020

© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2020

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal “Legal science: history and the present”, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Head of the Research Department of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Saint Petersburg, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Kerimov A.D., Chief Scientist at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2020

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities
«University», 2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабидулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Member of the Bureau of the Presidium of the Russian Bar Association; Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair and Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Professor of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

<i>Гутман М.Ю.</i>	Мораль, права человека и революционная целесообразность	11
<i>Копосова Т.Ю., Петров П.А., Сальников С.П.</i>	Правовые и организационные формы взаимодействия общей и политической полиции в Российской империи на уровне центральных органов власти и на местах (конец XIX – начало XX вв.)	18

**Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс.
Административное право и административная деятельность**

<i>Расторгуева К.С.</i>	Меры предупреждения коррупционной направленности в органах местного самоуправления	27
<i>Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.</i>	Новый взгляд на демократию. Рецензия на монографию Керимова А.Д. «Демократия: опыт критического анализа» (М.: Норма, 2019. 184 с.) и некоторые в связи с этим размышления	32
<i>Боброва Н.А., Власова М.А., Рузанов И.В.</i>	Уникальная книга о науке «Управление». Рецензия на монографию И.А. Бажутина и М.М. Бажутиной «Наука «Управление»: от истории к постиндустриальному развитию России. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2019. – 100 с.»	41

**Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право.
Гражданский и арбитражный процесс**

<i>Имомова Н.М.</i>	Судебная защита в системе механизмов обеспечения юрисдикционных семейно-правовых способов защиты прав ребенка	47
---------------------	--	----

**Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное
право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное
и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность
и правоприменительный процесс**

<i>Кривоносова Д.В.</i>	Юридический конфликт: теоретико-правовые основания подхода к пониманию	71
<i>Кошкина С.А.</i>	Организация социального обслуживания в период пандемии: проблемы виктимологической и психолого-педагогической профилактики девиантной активности	88
<i>Суховецкий М.И.</i>	Коррупциогенные факторы в Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»	95

**Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс.
Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность**

<i>Безрядин В.И., Исмагилов Р.Ф., Шахов В.С.</i>	Теоретико-правовые основы обеспечения безопасности участников уголовного процесса	103
--	--	-----

<i>Александрин А.С.</i>	Об опыте правовой регламентации получения компьютерной информации и прослушивания телефонных переговоров в зарубежных государствах	118
<i>Горячев М.С.</i>	Принцип охраны права на неприкосновенность частной жизни, соотношение понятий «персональные данные» и «частная жизнь» в контексте развития информационных технологий	126

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

<i>Антонов И.А., Бадзгардзе Г.Д.</i>	Реклама потребительских кредитов как угроза экономической безопасности Российской Федерации	134
<i>Ивашкина Е.А.</i>	Политика кредитных организаций Российской Федерации по противодействию коррупции	140
<i>Чельшева П.Ю.</i>	Особенности функционирования органов обеспечения экономической безопасности рынка ценных бумаг	145

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

<i>Антонов И.А., Антонова Л.Г.</i>	Судебная власть в механизме государства и нравственно-правовая культура судьи	149
<i>Погорелова Г.М., Семенова И.В.</i>	Некоторые особенности включения сотрудников, ныне военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в реестр участников накопительной ипотечной системы	157

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

<i>Литвинов Н.Д., Сальников М.В., Милькевич Н.Д.</i>	Западная Европа как фронт гибридной войны	164
--	---	-----

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

<i>Захарцев С.И., Сальников В.П.</i>	«Диссернет», «самоплагиат» и разумность. Обсуждение корректности отдельных публикаций «Диссернета»	189
--	--	-----

Информация для авторов	194
------------------------------	-----

CONTENTS
Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Gutman M.Yu.</i>	Morality, law and revolutionary expediency.....	11
<i>Koposova T. Yu., Petrov P.A., Sal'nikov S.P.</i>	Legal and organizational forms of interaction between the general and political police in the Russian Empire at the level of central authorities and at the local level (late 19th – early 20th centuries).....	18

**Constitutional and municipal law. Constitutional litigation.
Administrative law and administrative activities**

<i>Rastorgueva K.S.</i>	Measures to prevent corruption in local government bodies.....	27
<i>Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P.</i>	A new look at democracy. Review of the monograph by A.D. Kerimov «Democracy: experience of critical analysis "(Moscow: Norma, 2019. 184 p.) and some thoughts in connection with this.....	32
<i>Bobrova N.A., Vlasova M.A., Ruzanov I.V.</i>	Unique book about the science «Upravlenie». Review of the monograph by I.A. Bazhutin and M.M. Bazhutina «The Science «Upravlenie»: from the history to the post-industrial development of Russia. – Kirov: MCITO, 2019. – 100 p.».....	41

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Imomova N.M.</i>	Judicial protection in the system of mechanisms for ensuring jurisdictional family legal methods of protecting the rights of the child	47
---------------------	--	----

**Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law.
Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law.
Legislation and enforcement process**

<i>Krivososova D.V.</i>	Legal conflict: theoretical and legal foundations of the approach to understanding.....	71
<i>Koshkina S.A.</i>	Social security during the pandemic: problems of victimological and psychological-pedagogical prevention of deviant activity.....	88
<i>Sukhovetskiy M.I.</i>	Corruption generating factors in Federal law “On anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts”	95

**Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure.
Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities**

<i>Bezryadin V.I. Ismagilov R.F. Shahov V.S.</i>	Theoretical and legal basis for ensuring the security of participants in criminal proceedings	103
<i>Aleksanin A.S.</i>	On the experience of legal regulation of obtaining computer information and wiretapping telephone conversations in foreign countries.....	118

Goryachev M.C. The principle of protecting the right to privacy, the relationship between the concepts of «personal data» and «private life» in the context of information technology development.. 126

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

*Antonov I.A.,
Badzgaradze G.D.* Advertising of consumer loans as a threat to the economic security of the Russian Federation..... 134

Ivashkina E.A. Anti-corruption policy of credit institutions of the Russian Federation..... 140

Chelysheva P.Yu Features of functioning of bodies for ensuring economic security of the securities market 145

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

*Antonov I.A.,
Antonova L.G.* Judicial power in the mechanism of the state and moral and legal culture of the judge 149

*Pogorelova G.M.,
Semyonova I.V.* Some features enable staff, now soldiers of regardie in the register of participants of the accumulative mortgage system..... 157

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

*Litvinov N.D.,
Sal'nikov M.V.,
Milkevich N.D.* Western Europe as a front for hybrid warfare 165

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

*Zakhattsev S.I.,
Sal'nikov V.P.* Dissertnet, self-plagiarism and rationality. Discussion of the correctness of individual Dissertnet publications..... 189

Information for the authors..... 194

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ГУТМАН Матвей Юрьевич,
профессор кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, кандидат историче-
ских наук, профессор, Заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации, Почётный
председатель Региональной общественной орга-
низации ветеранов Санкт-Петербургского универ-
ситета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mygutman@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

МОРАЛЬ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы морали, права и целесообразности в связи с потребностью государства в повышении доверия и поддержки граждан. Отмечается, что карательные аппараты, созданные после революции 1917 года, действовали по принципам политической целесообразности в период смены социально-экономической парадигмы, когда рост преступности носил взрывной характер и необходимость борьбы с ней становилась острой проблемой, стоящей перед новым обществом.*

***Ключевые слова:** право; мораль; классовый подход; ответственность; общественное мнение; революционная целесообразность; партийный коллектив.*

GUTMAN M.Yu.

MORALITY, LAW AND REVOLUTIONARY EXPEDIENCY

***The summary.** The article discusses the issues of morality, law and expediency in connection with the need of the state to increase confidence and support of citizens. It is noted that the punitive apparatuses created after the 1917 revolution acted according to the principles of political expediency during the period of the socio-economic paradigm change, when the growth of crime was explosive and the need to combat it became the most acute problem facing the new society.*

***Key words:** law, morality; class approach; a responsibility; public opinion; revolutionary expediency; party collective.*

В начале октября 2019 г. я, вслед за двумя пожилыми мужчинами, вошёл в троллейбус № 20 на остановке «Нарвская» и сел на свободное

место рядом с ними. Мужчины, видимо знавшие друг друга, или познакомившиеся недавно, как я понял, продолжили разговор, начатый ранее. Со

слухом у них, или у одного из них, было не очень хорошо, и они разговаривали достаточно громко, что было слышно многим, находившимся в троллейбусе. Тема разговора этих пассажиров оказалась настолько актуальной, что, по моему наблюдению, привлекла внимание многих, оказавшихся в троллейбусе. Они продолжали начатый ранее разговор о недавно освобождённых досрочно из исправительно-трудовой колонии бывших нападающего петербургского «Зенита» Александра Кокорина и полузащитника «Краснодара» Павла Мамаева.

Эти, достаточно известные профессиональные футболисты, бывшие членами сборной команды России, отбывали наказание в виде лишения свободы по обвинению в побоях и хулиганстве из-за двух драк в Москве, произошедших утром 8 октября 2018 года.

Один из мужчин заметил, что они «отсидели» правильно, но мало. «Я бы дал им больше. Помнишь, сколько дали Эдуарду Стрельцову – нападающему московского «Торпедо» – 12 лет, а ведь его вина не была точно установлена».

Второй возразил ему: «Не знаю, правильно или неправильно осудили и Стрельцова, и Кокорина, и Мамаева, но меня возмущает то, что вокруг этого поднялась такая «шумиха», что они – хулиганы в данном случае, превратились в «звёзд» в СМИ. Пока они «сидели», эти хулиганы, не было дня, чтобы о них не упоминалось. Значит, чтобы прославиться, надо что-то сотворить? А ведь сколько прекрасных дел совершают наши люди, сколько героических поступков? О них скажут один раз, а то и ни разу, и «баста». Так кто же будет кумиром для нашей молодёжи? Кто не нарушает законы и моральные нормы или те, кто считает, что им всё сойдёт с рук, что их быстро отпустят, так как они «знаменитые», о них вещают все? Нужно наказывать так, чтобы другим запомнилось!»

Первый: «Я думаю, что это будет уроком для других, когда говорят о них, пишут, как они отбывают наказание. Но меня возмущает другое – ты видел, как многие футболисты, да и не только они, украшают себя татуировками? Один из этих футболистов – Мамаев – в татуировках как в футболке. Зачем они это делают? Дикари украшали себя по традиции, крестьяне клеймили скот, дураки клеймят себя сами, придурки – разукрашивают друг друга, а всех остальных – любителей татуировок, разрисовывают профессионалы

и, нередко, за большие деньги. Что это за эпидемия?»

Ответа не последовало, так как один из приятелей, пожав другому руку, вышел из троллейбуса. И тут начались разговоры между пассажирами, ранее сидевшими тихо и слушавшими этот диалог. О чём они говорили, не знаю, но, вероятно, об услышанном.

Задумался об этом диалоге и я, но не о татуировке, отношении к которой в общественном сознании неоднозначно. Я видел немало людей, чьи тела были покрыты искусно выполненными наколками. Видел я и особей, чьи тела были «разукрашены» наколками весьма низкого качества и пошлостью, выставяемой напоказ (я не имею ввиду «широкое распространение татуировки среди преступного мира, в котором она является своеобразным языком, способом общения, как пишет Л.Я. Мильяненко, с себе подобными как на свободе, так и в местах заключения» [40]). Но не встречались мне татуировки на телах людей с высоким интеллектуальным уровнем. Видимо, они не нуждаются в таком выражении своей индивидуальности.

Меня больше интересуют вопросы права и морали, ответственности и справедливости. Это те проблемы, которые с античных времен и по сегодняшний день находятся в поле зрения исследователей [20; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 38; 46; 51; 53]. Диалог пассажиров автобуса, который я невольно слушал, касался этих вопросов, проблемы профилактики и воспитательного значения наказания. По мнению этих людей, наказание не обязательно должно быть вынесено в соответствии с законодательством – оно должно быть как можно строже, быть целесообразным. Но ведь это мы уже проходили. Вспомним революционную целесообразность, классовый подход к нравственности и др.

Прежде всего напомним, что моральные и правовые нормы являются главным регулятором человеческого поведения. Правда, сегодня ученые доказали, что на сознание человека и его поведение оказывает влияние вся совокупность социальных регуляторов, кроме права и морали, это еще и эстетические нормы, корпоративные правила, обычаи, традиции, религиозные догмы и т.д. В юридической науке такая ситуация с легкой руки профессора Ф.Х. Галиева получила наименование «синкретизм современной правовой культуры» [5; 6; 7; 8; 9; 10;

11]. Что же касается морали, то она представляет собой исторически сложившуюся в общественном сознании систему принципов, понятий, норм поведения, основанных на идеалах добра и зла, должного и справедливого в отношениях людей; право же является системой общеобязательных и формально определённых норм, выражающих меру свободы человека, принятых или санкционированных государством и охраняемых от нарушений. Вспомним и понятие нравственность, которое, хотя и очень близко к понятию мораль, но они имеют и различия, заключающиеся в том, что нравственность – это совокупность внутренних установок человека, опирающихся на его представления о добре и зле, а мораль – это набор внешних требований к поведению человека со стороны социума.

Человечество за свою долгую историю выработало моральные ценности, общечеловеческие нормы. К моральным ценностям относятся добро, любовь, справедливость, долг, ответственность, совесть, стыд и т.д. На защите этих моральных ценностей и должно стоять право.

Конечно, наше российское общество имеет, чтит эти ценности и считает их своими. У Запада сегодня иные ценности, которые для нас зачастую выступают как антиценности [1; 2; 3; 16; 19; 44; 52; 54; 55; 58; 60; 61]. Их нам пытаются навязать коллективный Запад. Мне представляется, что российское право должно обеспечивать и охранять именно наши, а не чуждые ценности. В этом состоит, как утверждают отечественные исследователи, суверенитет нашей государственно-правовой идеологии и философии права [17; 18; 21; 33; 43; 56; 57; 59].

В.И. Ленин большое внимание уделял проблемам нравственности, считал, что она носит классовый характер. В своей речи «О союзах молодёжи» на III съезде РКСМ в 1920 г. он подчеркнул, что «нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов. Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». И когда летом 1918 г. Советская республика оказалась в тяжелейшем положении, Совет комиссаров Союза коммун Северной области 20 августа

опубликован декрет, согласно которому контрреволюционеры, шпионы, спекулянты, грабители, налетчики и погромщики, задержанные на месте преступления, подлежали немедленному расстрелу [35].

2 сентября 1918 г. ВЦИК объявил Советскую республику «единым военным лагерем», а 5 сентября СНК принял постановление о введении «красного террора». М.Я. Лацис писал, что ВЧК не оставалось ничего другого, как приступить к массовому расстрелу, т. е. к «красному» террору [47, стр. 52]. По сути, в стране вводилась внесудебная расправа с политическими противниками и с уголовными преступниками. М.Я. Лацис рекомендовал свой метод определения виновности человека. Он писал, что «Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какого его образование и какова его профессия? Эти вопросы должны решать судьбу обвиняемого. В этом сущность и смысл красного террора» [36].

Безусловно, это было не совсем так, хотя и Ленин в подобном ключе высказывался и писал неоднократно. Но по поводу содержания этой публикации Лациса он сделал резкое заявление: «...вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своём казанском журнале «Красный террор» товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо этого написал на с. 2 в № 1 своего журнала «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом» [37, стр. 410].

О красном терроре написано много и ранее, сразу после революции 1917 г., пишется и сейчас [15; 39; 42; 48; 49; 50; 63].

Но не только «красные» осуществляли в эти годы террор. А.И. Семенникова пишет, что «и белые, выйдя на простор гражданской войны, насаждали жестокую диктатуру, подавляя силы, не принимавшие белую идею, широко использовали террор для уничтожения сторонников Советской власти и красных. Были созданы карательные аппараты, которые действовали по

принципам политической целесообразности, не признавая юридические нормы, официально провозглашённые. Расстрелы без суда и следствия, мародёрство и грабежи, жестокость и насилие – всё это было и у белых» [62, стр. 430].

От рук белогвардейцев и интервентов погибли также десятки тысяч ни в чём неповинных людей. С ними также расправлялись без суда и следствия. Но в эти жернова попадали, и в немалом числе, уголовники, дезертиры, деклассированные, люмпенизированные элементы, которые в периоды кризисов и революций играют хотя и активную, но только разрушительную роль, стремясь обрести статус и благополучие без труда за счёт общества. Именно они первыми начинают погромы, убийства, экспроприации и т.п. Об этом тоже имеется литература [12; 34].

Как известно, в периоды смены социально-экономической парадигмы обостряются все противоречия в обществе, как правило, взрывной характер носит рост преступности, необходимость борьбы с которой становится острее проблемой, стоящей перед новым обществом [32]. Для этой цели создаются правоохранительные органы. Так было и в России после Октябрьской революции 1917 г.

В РСФСР были созданы Всероссийская Чрезвычайная Комиссия и Рабоче-крестьянская милиция, важнейшими задачами которых являлась борьба с контрреволюцией и преступностью, обеспечение охраны революционного порядка в стране. Вполне естественно, что в первые годы Советской власти укомплектовать эти органы честными, хорошо подготовленными и высоконравственными людьми было невозможно, и в эти структуры нередко проникали и недостойные люди, а нередко и преступники. Безусловно, они из органов удалялись, были случаи расстрела по приговорам судов и трибуналов сотрудников ВЧК и милиционеров за совершенные ими должностные преступления, о чём нередко сообщалось в средствах массовой информации (СМИ).

Однако СМИ было в те годы явно недостаточно, особенно в сельской местности. Более того, царская полиция оставила о себе недобрую память [4; 41], и она нередко переносилась и на вновь созданную милицию, особенно тогда, когда для этого были основания. Поэтому нередко для показа того, как новая, Советская власть, Коммунистическая партия искореняет из

органов правопорядка недостойных, проводились публичные процессы, осуществлялись наказания за совершенные ими преступления, в том числе и с нарушением права.

Я приведу один из документов, который в этом плане представляет для нашей темы несомненный интерес. Это Протокол общего собрания членов РКП(б) Тосненского района Петроградского уезда, партийных коллективов 3-го пограничного участка и Колпинского Ижорского завода от 3 июля 1919 г., зачитанный начальником Детскосельской уездной Советской рабоче-крестьянской милиции Петроградской губернии 19 июля 1919 г. [64, л. 11].

На общем собрании названных партийных коллективов был зачитан протокол дознания, проведённого следователем 3-го участка пограничной чрезвычайной комиссии (ПЧК), по обвинению милиционера Тосненской волости беспартийного А. Смирягина в краже серебряных часов, совершенной им во время обыска в деревне Пельгора.

Материалы дознания свидетельствовали о том, что вина А. Смирягина в совершении преступления была доказана. А далее партийное собрание приняло совершенно неправомерное решение, руководствуясь не законодательством, а революционным правосознанием. Решение было следующим: «Заслушав протокол дознания, в котором ясно доказана его вина и после обмена мнениями по данному вопросу общее собрание коммунистов постановило – милиционера Смирягина расстрелять в селе Пельгора (где было совершено преступление)».

Затем излагались причины принятия этого решения: «Этот проступок дискредитирует Советскую власть, авторитет экспедиции (экспедиция осуществляла сбор оружия у населения, поиск и задержание дезертиров с фронта) и Коммунистической партии (Смирягин был беспартийным и следовательно партию он дискредитировать не мог – М.Г.). Этим даётся повод для белогвардейской агитации и пропаганды, терроризируется население, население возбуждается против Советской власти и коммунистов».

Коммунисты, принимавшие это постановление, понимали, что поступают неправомерно – партийное собрание не суд, не трибунал, не другой орган, имевший право принимать подобное решение, тем более выносить приговор.

Поэтому в протоколе была сделана попытка освободить собрание от ответственности за данное решение. В протоколе записано: «Вместе с тем, общее собрание коммунистов снимает с себя юридическую ответственность за выполнение акта расстрела, как и с председателя 3-го участка ПЧК (пограничной чрезвычайной комиссии) товарища Тимофеева, о чём и предлагает вышеупомянутому товарищу довести до сведения Центра.

Акт расстрела привести в исполнение участникам экспедиции. При исполнении приговора и акта расстрела должен присутствовать Председатель Совета депутатов».

К сожалению, нам не удалось найти документов о том, было ли исполнено это решение

или нет.

Скорее всего, подобных решений было немного, но отступлений от законов в тот период было великое множество, имели они место и позже. Так Г.Г. Ягода, нарком внутренних дел СССР (1934-1936 гг.) [14, стр. 13-18; 45, стр. 422-427] на собственном суде в марте 1938 г. заявил, что «наш суд в отличие от буржуазных судов, не опирается на законы как на догму, он руководствуется лишь революционной целесообразностью» [65].

И не так просто уходили из теории и практики в стране эти «революционная целесообразность» и «социалистическое правосознание». Потребовались годы, для того чтобы восторжествовала законность.

Список литературы

1. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
2. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
3. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
4. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. – М.: РИПОЛ-классик, 2017. – 608 с.: ил. – (Историческая библиотека)
5. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
6. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36-73.
7. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
8. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
9. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
10. Галиев Ф.Х. Философская основа синкретизма культур народов Башкортостана // Образование, язык, культура на рубеже XX – XXI вв.: Материалы международной научной конференции. Ч. 2. – Уфа: ВЭГУ, 1998. – С. 105-106.
11. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.
12. Голуб П.А. Белый террор в России (1918-1920 гг.). – М.: Патриот, 2006. – 477, [2] с. : табл.
13. Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917-1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 320 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
14. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Народные комиссары/министры внутренних дел СССР (июль 1934 – декабрь 1960) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 11-45.
15. Дойков Ю. Памятная книжка: красный террор в советской Арктике. 1920-1923: (документальные материалы). – Архангельск, 2011. – 212 с.
16. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противозаконным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики

- и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
 18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Ученые о демократии. А.Д. Керимов. Демократия: опыт критического анализа // *Государство и право*. – 2020. – № 11. – С. 174-178.
 19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
 20. Захарцев С.И., Сальников В.П., Абубакаров А.А. Идея единства права и справедливости в теории российского государства и права: онтологический и гносеологический аспекты // *Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 49-54. – в сб. 256 с.*
 21. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // *Мир политики и социологии*. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
 22. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
 23. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея справедливости в традициях неокантианской философии права // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 6. – С. 121-133.
 24. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: актуальность теоретико-правовой концепции // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 8. – С. 168-172.
 25. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 7. – С. 174-181.
 26. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях середины XX – начала XXI веков // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 8. – С. 181-189.
 27. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
 28. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и правда как идея в русской философии права // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 7. – С. 102-115.
 29. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и право в концепции Джона Ролза // *Мир политики и социологии*. – 2017. – № 1. – С. 11-17.
 30. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и право в творчестве представителей теоретического коммунизма // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 11. – С. 22-29.
 31. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
 32. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с. – Серия: «Юридическая конфликтология: прошлое, настоящее, будущее».
 33. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // *Мониторинг правоприменения*. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
 34. Корсак В.В. У красных. У белых. Великий исход // *Красная смута: Сб. ист.-лит. произв / Сост. Р.Г. Гагкуев. – М.: Посев, 2011. – С. 52-470. – в сб. 624 с.: ил. (Серия «Голоса истории»)*.
 35. Красная газета. – 1918. – 20 августа.
 36. Лацис М.Я. Красный террор. // *Красный террор*. – 1918. – 1 ноября.
 37. Ленин В.И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // В.И. Ленин. Полн. Собр. соч. Т. 37.
 38. Матузов Н.И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969. – 90 с.
 39. Мельгунов С.П. Красный террор в России. – 1918-1923 гг. – М.: СП «RuifCO», «PS», 1990. – 208 с.
 40. Милюженков Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира / Оформл. Г. Семёнова. – СПб.: Редакция журнала «Дамы и господа», 1992. – 118 с ил.
 41. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 42. Мозолин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов безопасности (1918-1953 г.). – М.:

- Кучково поле, 2006. – 479, [1] с. : табл.
43. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 44. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
 45. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 46. Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 160 с.
 47. Отечественная история. – 1993. – № 6.
 48. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в Советском государстве (1917- 1941 гг.): Монография. – М.: Академия МВД РФ, 1994. – 466 с.
 49. Ратьковский С.И. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. – 285 с.
 50. Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX века: Монография / Научный редактор и автор вступительной статьи В.П. Сальников. – Н. Новгород: Арника, 1996. – 278 с.
 51. Сальников В.П. Проблема отношения права и справедливости в контексте задачи развития российской правовой идеологии // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 9-15. – в сб. 170 с.
 52. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
 53. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
 54. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
 55. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
 56. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
 57. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
 58. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
 59. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
 60. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
 61. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
 62. Семенникова А.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для вузов. – М.: Интерпракс, 1994. – 608 с.
 63. Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 472 с.
 64. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. – Фонд 33. – Описание 3. – Дело 83.
 65. <http://amnesia.pavelbers.com/Zabitie%20imena%207%20Graf%20Ignatiev.htm>
 66. <https://pravo.ru/process/view/27760>

КОПОСОВА Татьяна Юрьевна,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета
МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: disse77@bk.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО
«Лидер Консалт Право» (г. Санкт-Петербург,
Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
мировой судья судебного участка 6 Сормовского
судебного района г. Нижний Новгород Нижегородской области, доктор юридических наук
(г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА УРОВНЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НА МЕСТАХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. Формулируется вывод о том, что в общем итоге российских реформ рубежа XIX – XX столетий Министерство внутренних дел сосредоточило в своих руках всю совокупность функций по охране правопорядка. Это во многом обеспечило эффективность деятельности полиции в начале XX столетия и по уголовной преступности, и по противодействию преступности политической. Принятые меры позволили избежать стремительного срыва России в экономическую, социально-политическую и духовную катастрофу, что во многом определило возможность возрождения страны в XX столетии и достижения ею ведущих позиций в мировой цивилизации.

Ключевые слова: полиция; жандармерия; Российская империя; реформы; Министерство внутренних дел.

**KOPOSOVA T. Yu.
PETROV P.A.
SAL'NIKOV S.P.**

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FORMS OF INTERACTION BETWEEN THE GENERAL AND POLITICAL POLICE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE LEVEL OF CENTRAL AUTHORITIES AND AT THE LOCAL LEVEL (LATE 19TH – EARLY 20th CENTURIES)

The summary. The conclusion is made that in the overall result of the Russian reforms at the turn of the XIX – XX centuries, the Ministry of Internal Affairs concentrated in its hands the entire set of functions for the protection of law and order. This largely ensured the effectiveness of the police at the beginning of the twentieth century, both in criminal offense and in countering political crime. The measures taken made it possible to avoid a rapid breakdown of Russia into an economic, socio-political and spiritual catastrophe, which largely determined the possibility of the country's revival in the twentieth century and its achievement of leading positions in world civilization.

Key words: police; gendarmerie; Russian Empire; reforms; Ministry of Internal Affairs.

В эпоху Великих реформ Александра II центр тяжести преобразований полиции был смещен к уровню низшей структурной единицы государственной организации – к уровню уезда и стана, что в общем и целом соответствовало подходу к реформированию полиции, заложенному еще в начале Великих реформ. Однако это не означает, что параллельно не осуществлялись реформы центрального аппарата управления полицией. Исследовать процесс продвижения реформ на этом уровне тем более важно, что именно здесь разрабатывались теоретические и организационные основы реформы полиции в целом.

Важным шагом на пути объединения сил общей и политической полиции стал опыт такого объединения в столице империи – в Санкт-Петербурге. Этот опыт сыграл роль своего рода социального эксперимента для дальнейшего развития реформ полиции. Преобразования столичной полиции осуществлялись на основании императорского указа Сенату от 4 мая 1866 г. Согласно этого Указа, для «предоставления полицейскому управлению в городе Санкт-Петербурге большей самостоятельности и для упрощения порядка производства дел этого управления» упразднялась должность столичного военного генерал-губернатора с передачей в ведение обер-полицеймейстера всех, без исключения, вопросов деятельности полиции в городе. Однако при этом сохранялось двойное подчинение столичного обер-полицеймейстера: по делам общей полиции – Министерству внутренних дел, по делам политической полиции («по делам охранения общественной безопасности и общественного порядка») III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии [5, стр. 275].

Отметим, что в этом же году были приняты меры к усилению политической полиции в губерниях России и дальнейшей согласованности ее деятельности с деятельностью общей полиции. С этой целью были учреждены уездные жандармские управления в Петербургской и Московской губерниях, а также в восточных губерниях России [24, стр. 2-13]. В столице в 1866 г. было создано первое охранное отделение, именовавшееся «Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице». Правовые основы его организации и деятельности были закреплены 9 сентября 1867 г. в новом «Положении о Корпусе жандармов», которое действовало до

1917 г. При Корпусе была открыта подготовительная школа.

16 сентября 1867 г. было принято новое (с 1827 г.) Положение о Корпусе жандармов, предполагавшее уже систематическое создание первых губернских жандармских управлений. Это Положение действовало вплоть до 1817 года. По мнению А.М. Лаврениной, «период Великих реформ отмечен значительным ростом числа местных подразделений корпуса жандармов, что было связано, в первую очередь, с интенсификацией железнодорожного строительства в России» [15, стр. 42].

Таким образом, в 1860-е гг. обозначились некоторые тенденции развития органов полиции, ставшие определяющими на ближайшие десятилетия: «Во-первых, по мере того, как все явственней проявлялись признаки расширения и организованности антиправительственного движения, власти постепенно предпринимали шаги к объединению сил общей и политической полиции. Во-вторых, освобождение полиции от обязанностей, непосредственно не связанных с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью, повлекло за собой меньшую бюрократическую зависимость от других органов и большую самостоятельность в отпращивании выполнявшихся функций» [15, стр. 44].

К началу 1880-х гг. понимание того, что ключевым моментом в становлении полиции как единой системы органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, должно быть именно преобразование центральных органов ее управления, сосредоточенных в Министерстве внутренних дел, имелось и у руководства полиции, и у руководства государства. Первоначально речь шла о возможности создать единую общую полицию, взяв за образец подразделения жандармского корпуса. Но этот план с течением времени посчитали слишком дорогим, остановившись на возможности периодически использовать жандармерию для борьбы с наиболее значительными уголовными преступлениями. Таким образом, вопрос встал о сохранении общей и политической полиции как самостоятельных подразделений и о более эффективной координации их деятельности в результате организационного объединения в рамках Министерства внутренних дел.

Необходимость такого рода принципиальных изменений в системе центрального управления

правоохранительными органами спустя два десятилетия после начала Великих реформ стала вполне очевидной. Стало ясно, что без централизованной координации деятельности всех полицейских подразделений нельзя успешно противостоять стремительному росту преступности, спровоцированному социальными и экономическими последствиями реформ, и ставшему спутником российской социально-экономической модернизации.

Крестьянство, освобожденное от крепостной зависимости без земли, стремительно разорялось, пополняя ряды сельских батраков или промышленных пролетариев в условиях быстро развивающегося капитализма. Разрушение традиционного уклада крестьянской жизни, прежде всего связанное с деградацией сельской общины, сезонная или постоянная миграция в городские промышленные центры, где крестьян ждали невыносимые условия труда или безработица, пауперизация широких слоев населения, с одной стороны, и концентрация богатств в руках новых, зачастую в высокой степени криминализованных [29, стр. 16], «хозяев жизни» – капиталистов, банкиров, коррумпированных чиновников – все это создавало питательную среду для стремительного роста преступности.

Не следует забывать и о том, что развитие капитализма вызывало быстрый рост товарно-денежных отношений. В отличие от предшествующих исторических эпох, когда главным богатством в России была недвижимость, прежде всего земля, теперь быстро формировались денежные капиталы, которые были гораздо «удобнее» в качестве объекта преступных посягательств.

Современный исследователь М.А. Смирнов указывает и на такой фактор роста преступности в России, как усилившееся во второй половине XIX века влияние на социально-экономической жизни нашей страны Западной Европы и сложившихся там к этому времени организованных преступных сообществ [29, стр. 14, 18]. Именно на 1870-е годы, согласно его данным, приходится также зарождение отечественной организованной преступности [29, стр. 18]. В итоге, по данным выдающегося русского криминолога XIX века Е.Н. Тарновского, только за десятилетие с 1874 по 1884 г. число осужденных общими и мировыми судами возросло более чем на 20%: с 49 367 человек до 61 253 человек [30, стр. 123-124]. При этом негативная динамика в

условиях форсированного развития капитализма в России только продолжала нарастать: спустя два десятилетия, т.е. в 1904 году, число осужденных достигло 917 175 человек [31, стр. 57].

В конечном итоге те же результаты социально-экономических преобразований, которые стимулировали рост уголовной преступности, вели и к усилению радикального революционного движения. Его основные этапы, связанные с переходом от фронды либерально настроенного дворянства к подпольным организациям революционеров-разночинцев широко известны и неоднократно обсуждались в историко-правовой литературе [32, стр. 155-158]. Радикализм народников-разночинцев подпитывался радикализмом либеральной интеллигенции, в среде которой (также в значительной степени криминализованной и связанной с зарождавшимися преступными сообществами [29]) в это время начинает активно формироваться негативное отношение к российскому государству, его законам и институтам, включая и правоохранительные органы.

Неразрывную духовную связь народников и либералов с большой художественной силой раскрыл в эти годы Ф.М. Достоевский в своем романе «Бесы» и в ряде статей в «Дневнике писателя» [10; 11; 12; 12; 13, стр. 179-191, 273-329]. Следует особо отметить, что в пореформенной России происходило постепенное сближение протестного движения либеральной интеллигенции и криминальной деятельности организованной преступности. Так, например, либеральная «Партия народной свободы» в течение ряда лет финансировалась сложившейся в Японии (г. Нагасаки) группировкой уголовных заключенных, сбежавших с каторги или из ссылки [29, стр. 21-22].

Также историки российского государства и права неоднократно указывали на связь и даже системное взаимодействие организованной преступности и террористических группировок радикальных революционеров: «Вполне понятно, что созданный теневой сектор экономики стал активно использоваться и для приумножения преступного капитала, экономического и политической шпионажа, а также финансирования террористической деятельности. Особенно это проявилось в процессе политической борьбы революционных группировок с правительством России, когда революционеры создали за

рубежом несколько центров противодействия режиму... в 1881 г. в Западной Европе проживало более 20 тыс. политэмигрантов, а значительные суммы криминальных денежных средств революционеры свободно перевозили и расходовали за рубежом на приобретение типографского оборудования и печатания революционных изданий» [14, стр. 516].

С учетом сказанного понятно, что намеченные к началу 1880-х гг. преобразования полиции должны были удерживать два вектора цели:

- 1) оптимизацию центральных органов власти, имевшую целью повышение уровня управляемости всех полицейских подразделений сверху донизу;
- 2) обеспечение взаимодействия полицейских подразделений в противостоянии усиливающейся антиправительственной деятельности политических радикалов (в особенности революционного терроризма) и организованной преступности.

При таком взаимодействии общая полиция могла бы более успешно перенимать опыт более развитой в профессиональном плане политической полиции. В то же время политической полиции явным образом не хватало опыта работы с низшими сословиями, которые в лице разночинцев активно вливались в ряды революционеров: «Агенты III Отделения, долгое время следившие за представителями высших классов, чиновничеством, а также за полицией, плохо знали ту среду, которая давала радикальных борцов с существующим строем, – разночинцев, выходцев из низших слоев российского общества» [5, стр. 291].

При наметившейся в пореформенной России «диффузии» социальных кругов радикальных революционеров-разночинцев, либеральной (преимущественно буржуазной) интеллигенции и уголовного преступного мира проблему противодействия им невозможно было решить без систематического взаимодействия общей и политической полиции. За этими структурами, безусловно, стоял разный опыт практической деятельности. Тем не менее, опираясь на него, дополняя и суммируя этот опыт, общая и политическая полиция могли бы резко повысить эффективность своей работы. Радикальным шагом в этом направлении должна была стать не просто координация деятельности общей и политической полиции, но именно их гарантированное взаимодействие,

обеспечить которое могло бы только организационное объединение этих структур в рамках единого управляющего целого.

Именно такой шаг был сделан в начале 1880 г., когда была создана Верховная распорядительная комиссия, которая пыталась подготовить новые реформы, делая упор на проведение интегративных процессов в деятельности карательных органов и на расширение их социальной базы [6, стр. 29]. В соответствии с предложениями, Верховной распорядительной комиссии, 6 августа 1880 года в составе Министерства внутренних дел было образовано новое структурное подразделение – Департамент государственной полиции, которому были переданы функции III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, решавшего до этого задачи центрального органа политической полиции. «Выполняя требования указа от 6 августа 1880 г. о сосредоточении всего управления полиции в одном учреждении, – читаем в двухтомном очерке по Истории МВД России, – Департамент полиции исполнительной 15 ноября 1880 г. вошел в состав Департамента государственной полиции. Кроме того, в Министерстве внутренних дел был образован особый судебный отдел, который предназначался для производства дел по обвинениям в государственных преступлениях» [22, стр. 187].

Само III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было ликвидировано Высочайшим указом от 6 августа 1880 года «О закрытии Верховной распорядительной комиссии, упразднении Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфов». Таким образом, подразделения общей и политической полиции оказались в подчинении единого центра – Министерства внутренних дел.

Предложение ряда чиновников о возрождении Министерства полиции, которое бы объединило общую и тайную полицию и действовало бы параллельно с Министерством внутренних дел, Александр II не принял, остановившись на варианте М.Т. Лорис-Меликова. Последний считал, что параллельное существование Министерства внутренних дел и Министерства полиции «поставит органы губернской и уездной администрации в зависимость от двух министерств, воззрения которых могут не всегда совпадать» [5, стр. 298].

Следующим важным шагом на пути централизации системы управления полицией и соответствующего реформирования центрального аппарата Министерства внутренних дел стал подписанный императором Александром II по представлению М.Т. Лорис-Меликова 15 ноября 1880 года указ «О соединении Департаментов государственной полиции и полиции исполнительной в одно учреждение – Департамент государственной полиции». В соответствии с этим указом общая полиция переходила в подчинение Департамента государственной полиции, который до этого представлял собой, по сути, только реформированное и подчиненное Министерству внутренних дел III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

В соответствии с Указом 18 февраля 1883 года Департамент государственной полиции получил окончательное наименование Департамента полиции. «Примером объединения политической и общей полиции стала столица, в которой по предложению М. Т. Лорис-Меликова, поддержанному царем, тайная полиция III Отделения и общая полиция, занимавшаяся сыском, вошли в состав Секретного отделения санкт-петербургского градоначальника» [5, стр. 298]. Данная реорганизация структур общей и политической полиции значима также тем, что она стала итогом деятельности III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, сыгравшего достаточно заметную роль в политической и культурной жизни России XIX века и накопившего значительный опыт и кадровый потенциал, который будет в дальнейшем реализован политической полицией уже в рамках новой административной структуры [16, стр. 297 – 299].

Корпус жандармов, подчиненный III отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, был переименован и соответственно преобразован в Отдельный корпус жандармов, – специализированное воинское соединение, деятельность которого регламентировалась особым «Положением о Корпусе жандармов». После наделения в 1871 году жандармов правом проведения дознания и следствия по делам о государственных преступлениях вопрос о объединении с общей полицией буквально встал на повестку дня, поскольку теперь «две структуры отличались только категориями дел, принимаемых к расследованию»

[16, стр. 297-299].

В целом, по сравнению с общей полицией, которую на местах представляли выборные лица из числа крестьян – сотские и десятские – не обладавшие специальными навыками для выполнения полицейских задач, жандармерия представляла собой профессиональную службу и в этом смысле могла служить образцом для совершенствования структуры, организации и работы общей полиции.

Вместе с тем, к началу 1880-х гг. жандармерия ни по кадровому составу, ни по уровню своей деятельности уже не соответствовала масштабу тех задач, которые вставали перед ней в связи с резким ростом революционного движения и перехода его к активным террористическим действиям. Как стало ясно за прошедшее десятилетие, «III Отделение проявило полную неспособность вести оперативно-розыскную и аналитическую работу по предотвращению террористических актов, в том числе против императора» [5, стр. 261]. Об этом свидетельствовали такие громкие события, как покушение Д.В. Каракозова на императора в 1866 г., взрыв в Зимнем дворце, подготовленный С.Н. Халтуриним в 1880 г., убийство С.М. Степняком-Кравчинским в 1878 г. шефа жандармов Н.М. Мезенцова, которые имели самый широкий резонанс в российском обществе и стимулировали рост революционного терроризма [3; 17; 18; 19; 20; 21].

В условиях, когда в глубоких преобразованиях нуждалась как общая, так и политическая полиция, первым шагом в этом направлении должно было стать создание организационной структуры, которая могла бы послужить субъектом этих преобразований. С учетом того, что общая и политическая полиция могли бы успешно восполнить недостатки друг друга, их объединение в 1880 г. под началом единого управляющего органа – Департамента полиции, безусловно, было правильным шагом, который мог бы иметь по своим последствиям своего рода синергетический эффект развития той и другой структуры.

Согласно ст. 362 «Учреждения Министерства внутренних дел», Департамент полиции был обязан заниматься следующими основными вопросами:

- 1) предупреждение и пресечение преступлений и охрана общественной безопасности и порядка;

- 2) ведение дел о государственных преступлениях;
- 3) организация и наблюдение за деятельностью полицейских учреждений;
- 4) охрана государственных границ и пограничных сообщений; выдача паспортов русским подданным, видов на жительство в России иностранцам, высылка нежелательных иностранцев из России;
- 5) наблюдение за всеми видами культурно-просветительной деятельности и утверждение уставов различных обществ.

Штат Департамента государственной полиции первоначально составлял 67 человек, что было меньше, чем штат упраздненного III отделения, но при этом на службу отбирались лучшие в профессиональном и нравственном отношении чиновники.

Структура Департамента полиции первоначально включала в себя 3 делопроизводства. В дальнейшем они были неоднократно реорганизованы, но общее распределение функций между подразделениями департамента оставалось неизменным. I делопроизводство занималось кадровыми вопросами и внутренней организацией работы департамента, вело переписку с иностранными государствами о выдаче российских подданных, задержанных за границей. II делопроизводство являлось важнейшим структурным подразделением: оно отвечало за организацию полицейских учреждений во всех местностях империи, занималось разработкой законопроектов Министерства внутренних дел, наблюдением за точным исполнением законов на местах, утверждением уставов общественных организаций, собраний, клубов и т.п. III делопроизводство отвечало за противодействие антигосударственной политической деятельности, контролировало деятельность внутренней и заграничной агентуры и т.п., кроме того отвечало за охрану императора и высших должностных лиц империи. Количество делопроизводств в зависимости от обстановки в стране изменялось. Тесно взаимодействовал с Департаментом полиции Судебный отдел, созданный по указу 15 ноября 1880 года «Об учреждении Судебного отдела в составе Министерства внутренних дел». Судебный отдел в рамках Министерства внутренних дел занимался ведением дел по дознаниям о государственных преступлениях.

Важное место в структуре Департамента

полиции также занимал архив, в котором хранились материалы ликвидированных учреждений – III Отделения, Следственной комиссии 1862 г., Верховной распорядительной комиссии, Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (что определяет также и их ценность для современных историко-правовых исследований [28, стр. 3-8]). В задачу архива Департамента полиции входило, в первую очередь, обеспечивать сохранность документальных материалов, осуществлять прием дел, законченных делопроизводством, определять срок их хранения, составлять внутренние реестры к делам, проводить техническое оформление дел [2, стр. 35-40].

Департаменту полиции был также подчинен Отдельный корпус жандармов, который являлся органом дознания по политическим преступлениям. В целом на сотрудников Отдельного корпуса жандармов возлагалось исполнение следующих обязанностей:

- 1) обнаружение и «исследование» преступлений;
- 2) охрана внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог;
- 3) содействие местным гражданским властям в охране порядка и внутренней безопасности;
- 4) осмотр паспортов в некоторых портах и пограничных пунктах империи;
- 5) надзор за содержащимися в местах заключения государственными преступниками и лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях;
- 6) несение военно-полицейской службы в пределах крепостей и их районов.

При этом Отдельный корпус жандармов сохранял свою, оставшуюся еще с николаевских времен, функцию по оперативному информированию центральной власти о состоянии общества и контролю за деятельностью органов государственного управления и местного самоуправления. Последнее было особенно важно в условиях проведения в 1860-1870-х гг. масштабных реформ в области местного управления и самоуправления и не менее значительных так называемых «контрреформ» в 1880-х гг., а также имело существенное значение для координации взаимодействия общей и политической полиции на уровне губерний.

В итоге реформ конца XIX в., имевших

непосредственным результатом включение структур полиции и жандармерии в состав Министерства внутренних дел, последнее стало ведущим ведомством страны, в компетенцию которого теперь входило прямое управление общей и политической полицией, осуществляемое через Департамент полиции. При этом Министерство внутренних дел продолжало существовать как многофункциональная система в механизме государственного управления, занимавшаяся внутренними делами страны, затрагивающими практически все сферы, не связанные с внешней политикой, внешнеэкономическими связями и чисто военными делами.

Выдающийся русский ученый-юрист А.Д. Градовский, являвшийся постоянным консультантом М.Т. Лорис-Меликова с момента создания Верховной распорядительной комиссии, следующим образом характеризовал компетенцию Министерства внутренних дел: «Министерство внутренних дел сосредоточивает в своих руках самые разнообразные задачи внутреннего управления. Вообще оно может быть названо министерством полицейским, в обширном смысле этого слова; вверенные ему задачи касаются как области полиции благосостояния, так и полиции безопасности. Но оно имеет своим предметом и другие задачи администрации» [7, стр. 488].

Во главе министерства, как правило, ставились лица, наиболее близкие императору. Так, после реформ, Министерство внутренних дел возглавил М.Т. Лорис-Меликов [1; 4, стр. 118-131; 8, стр. 22-26; 23, стр. 160-175], который также исполнял обязанности шефа Отдельного корпуса жандармов. В 1882 г. была учреждена должность товарища министра внутренних дел, «заведующего государственной полицией». Эту должность занимал директор Департамента полиции, который одновременно являлся командиром Корпуса жандармов. При этом за министром внутренних дел сохранялось звание шефа жандармов и значение главноначальствующего

над всеми управлениями и частями корпуса жандармов (за исключением частей, состоящих в военных округах). Ему был подчинен санкт-петербургский обер-полицеймейстер [9], а в отношении губернаторов и градоначальников он осуществлял «руководство их деятельностью по предупреждению и пресечению преступлений» [5, стр. 306]. Характер компетенций министра внутренних дел и товарища министра по вопросам полицейской деятельности не было точно определен и постоянно изменялся.

С принятием Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. на Министерство внутренних дел была возложена общая функция координации охраны «государственного порядка и общественного спокойствия», требования и установки которого в этой части подлежали немедленному исполнению в губерниях [26, стр. 11-14]. Согласно данного Положения, все органы исполнительной власти были обязаны содействовать должностным лицам Министерства внутренних дел, ответственным за «охранение порядка и общественного спокойствия», в выполнении их служебных обязанностей. Начальники местной полиции, жандармских управлений, а также их помощники получили чрезвычайные полномочия по предварительному задержанию «подозрительных лиц» на срок до 14 суток, по производству соответствующих обысков и арестов.

Суммируя сказанное можно отметить, что полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. являлась не только органом обеспечения общественного порядка и безопасности, но и важнейшим государственным органом в решении фактически всех задач местного управления. При этом необходимость реформы полиции вызывалась всем ходом развития пореформенной России, однако эта реформа осуществлялась медленно и в основных своих чертах была завершена только в начале XX в.

Список литературы

1. Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Сальников С.П., Щербатых И.М. Министр внутренних дел России граф М.Т. Лорис-Меликов: неподтвержденная биография // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 46-97.

2. Андреева Н.С. К истории формирования архивного фонда Департамента полиции: по материалам «Летописи БАН» // Петербургская библиотечная школа. – 2019. – № 4 (69). – С. 35-40.
3. Балан В.П., Литвинов Н.Д., Числов А.И. А.Ф. Кони, Вера Засулич и терроризм в Российской империи конца XIX – начала XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 15-37.
4. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
5. Борисов А.В., Мальгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века российской полиции: служение обществу – защита Отечеству! – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 605, [2] с. : ил., портр. – (Историческая библиотека).
6. Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. Дис... канд. истор. наук. Самара, 2012. – 259 с.
7. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: О государственном устройстве. В 2-х тт. Т. 2. – М.: Зерцало, 2006. – 533 с.
8. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Российской империи (1861 – 1899 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 8. – С. 11-40.
9. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Градоначальники Санкт-Петербурга (1873 – февраль 1917 гг.) и руководители полиции (милиции) переходного периода (февраль – октябрь 1917 г.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 20-65.
10. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
11. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1 (34). – С. 4-7.
12. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56) – С. 17-24.
13. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
14. Карлеба В.А. Особенности легализации (отмывания) криминальных доходов в Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 130. – С. 510-526.
15. Лаврёнова А. М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг.: Дис. ... канд.истор. наук.. – М., 2018. – 303 с.
16. Лаврик Т.М. Политика по формированию кадрового состава жандармерии на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 8 (64). – С. 297-300.
17. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Ликвидация императора России Александра II. 1 марта 1881 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 137-149.
18. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Покушение на Александра II в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 171-182.
19. Литвинов Н.Д., Балан В.П., Литвинова А.Н. Покушения на императора Всея Руси Александра II на объектах железнодорожного транспорта (1879 г.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 74-84.
20. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Сопко В.В. Спецоперация гибридной войны Запада «хождение в народ»: проблемы расследования преступлений // Мир политики и социологии. – 2018. – № 5-6. – С. 126-148.
21. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Числов А.И. Ликвидация генерала Н.В. Мезенцева в 1878 году как спецоперация гибридной войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 53-80.
22. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
23. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Библиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
24. О необходимости усиления полицейского наблюдения в империи: Положение об учреждении уездных жандармских управлений в двух столичных губерниях и в губерниях восточной полосы России. – СПб, 1866. – 14 с.
25. Пашенко А.П. Губернское жандармское управление, как основа структуры отдельного корпуса жандармов (на примере Самарского губернского жандармского управления) // Пробелы в российском законодательстве.

- 2009. – № 2. – С. 251-253.
26. Рыжова Ю.В. К вопросу о подготовке и реализации «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 14 августа 1881 г.» // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 11(179). – С. 11-14.
27. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // *Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.)* / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72-79.
28. Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX – начала XX вв.: (III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Департамент полиции МВД): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 24 с.
29. Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861 – 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист. наук. – Кострома, 2006. – 33 с.
30. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-1894 гг. // *Журнал Министерства юстиции*. – 1899. – № 3. – С. 123-134.
31. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // *Журнал Министерства юстиции*. – 1909. – № 9. – С. 57-69.
32. Юрьев А.В. Эволюция правоохранительных органов в Российской империи в конце XIX века, вызванная террористической деятельностью революционных организаций // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*. – 2011. – № 4 (7). – С. 155-158.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

РАСТОРГУЕВА Кристина Сергеевна,
магистрант кафедры экономических и финан-
совых расследований Высшей школы государ-
ственного аудита (факультета) Московского госу-
дарственного университета им. М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

Специальность 12.00.02 – Конституционное
право; конституционный процесс; муниципальное право

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Коррупция – негативное явление, которое получило широкое распространение в различных отраслях экономики нашей страны, направленное на подрыв всех уровней власти и финансовой безопасности государства. Анализируются актуальные меры предупреждения коррупции в органах местного самоуправления.*

***Ключевые слова:** органы местного самоуправления; противодействие коррупции; коррупция в органах; меры предупреждения.*

RASTORGUEVA K.S.

MEASURES TO PREVENT CORRUPTION IN LOCAL GOVERNMENT BODIES

***The summary.** Corruption is a negative phenomenon that has become widespread in various sectors of the economy of our country, aimed at undermining all levels of government and financial security of the state. The article analyzes current measures to prevent corruption in local governments.*

***Key words:** local self-government bodies; anti-corruption; corruption in bodies; prevention measures.*

Органы местного самоуправления признаются одной из категорий, которые в России подвержены коррупционным проявлениям [5; 26]. Как правило, наличие различных взаимосвязанных факторов в пределах одной территории оказывают воздействие на рост коррупции. Коррупция в органах местного самоуправления, как негативное явление появилось значительно давно.

Алчность и стремление к незаконному обогащению относится к большинству должностных лиц органов местного самоуправления, что не позволяет полностью искоренить преступность данного вида [28].

Существование коррупции на муниципальном уровне во многом аналогично проблемам, существующим на государственном уровне власти.

Исключение коррупции на любом уровне власти, в том числе и органов местного самоуправления как публичной власти возможно в результате принятия эффективных мер предупреждения коррупции среди органов местного самоуправления.

Все меры предупреждения преступлений коррупционной направленности среди органов местного самоуправления могут быть дифференцированы в зависимости от объекта, характера, территории и др. Поэтому фактически, такие меры могут носить общий характер, так как направлены на решение общих проблемных моментов, связанных с таким негативным явлением, как коррупция. Известно, что коррупция – институализированное явление [29; 30; 32]. И поэтому необходимы специальные превентивные меры, которые направлены на исключение коррупционной преступности конкретных должностных лиц или групп лиц, на профилактику преступлений [31].

Общие меры предупреждения коррупционных нарушений среди органов местного самоуправления составляют достаточную группу, которую следует систематизировать в зависимости от субъектов, объектов и характера воздействия.

Первую группу составляют экономические меры по предупреждению коррупции на местном уровне. На сегодняшний день уровень благосостояния муниципальных органов оставляет желать лучшего. Целесообразно стремиться к созданию оптимальных условий для развития личности, культурных и иных потребностей, повышения качества жизни в целом. Все это возможно в результате достаточного финансирования муниципального уровня [10]. Как показывает практика, основным источником дохода муниципального образования признаются налоговые поступления [6; 7; 17; 18; 20; 37; 38]. Доходная часть муниципального бюджета формируется по остаточному принципу, что свидетельствует о недостаточности объема такого финансирования. Дефицит местных органов власти становится предпосылкой для совершения коррупционных преступлений.

Назрела вполне обоснованная необходимость по ужесточению процедуры экспертизы нормативных актов, выпускаемых органами местного самоуправления [2; 21], как в общем и иных законодательных актов [3; 19; 24]. Как показывает практика, на сегодняшний

день, в издаваемых правовых актах допускается значительное количество технических ошибок, которые влекут возникновение противоречий с иными законодательными актами более высокой юридической силы. Необходимо предусмотреть ответственность служащих за разработку таких нормативных актов муниципального уровня.

Целесообразно совершенствовать правовое регулирование отдельных общественных отношений. Так, на сегодняшний день значительное количество таких отношений либо не получили правового регулирования, либо получили его недостаточным образом. Например, на сегодняшний день недостаточно урегулированным стоит признавать вопрос об определении правил урегулирования конфликта интересов на муниципальной службе. В Федеральном законе «О муниципальной службе Российской Федерации» [1] конфликт интересов не получил должной регламентации.

Основательный подбор кадров, принимаемых на муниципальную службу, стоит признавать в качестве меры возможного предупреждения преступлений коррупционной направленности. Отмечается, что участие общественности в деятельности должностных лиц муниципальных органов будет способствовать снижению коррупции на местном уровне. Согласиться с такой позицией довольно сложно ввиду того, что общественные представители могут оказывать воздействие на избрание на должность кандидатов на муниципальную службу, но не как не в деятельность муниципального служащего, так как это, наоборот, повлечет возникновение негативных последствий. А осуществление контрольно-надзорной деятельности производится и так достаточным количеством субъектов. Следовательно, качественная работа по подбору кандидатов на муниципальную службу обеспечит эффективное противодействие коррупции среди органов местного самоуправления. Целесообразно совершенствовать структуру органов местного самоуправления.

Идеологическая работа с населением с конца прошлого столетия практически не велась, что оказало негативное влияние на коллективное сознание населения всей страны [8]. Чувства патриотизма, общественного долга, гуманизма, необходимости оказания взаимной помощи и поддержки стремительно вытеснялись как нечто

ненужное и препятствующее для успешной (в современном представлении) общественной жизни. Это также создало условия для распространения коррупции, которая стала восприниматься в качестве одной из успешных форм ведения предпринимательской деятельности. Для преодоления ситуации в современной России предпринимаются попытки для надлежащего морально – психологического воспитания населения с целью привития идеи о недопустимости как осуществления коррупционной деятельности, так и безразличия к фактам подобного поведения со стороны любых должностных лиц. В методологическом плане такой подход может быть обеспечен только лишь благодаря обосновываемой сегодня исследователями суверенной российской государственно-правовой идеологии [12; 13; 23; 34] и русской суверенной философии права [14; 15; 16; 33; 35; 36].

Выше нами рассмотрены общие превентивные меры по предупреждению коррупции в органах местного самоуправления. На сегодняшний день общие меры носят шаблонный характер и в полной мере не позволяют сокращать количественные показатели коррупции.

Кроме общих, целесообразно отметить и ряд мер специального характера. Специальные меры предупреждения коррупционной преступности входят меры, которые направлены на конкретную группу лиц, обладающих специальным правовым статусом, субъектом реализации данных мер выступают преимущественно представители правоохранительных и судебных органов, сущность данных предупредительных мер сводится к возложению дополнительных правоограничений или лишений, применяемых к представителям отдельных категорий граждан. В настоящее время в России разработано достаточно большое количество антикоррупционных специальных мер [22; 25; 27; 39], но их реализация пока не дала эффективных результатов в снижении коррупционного уровня.

Практика свидетельствует о том, что коррупция на муниципальной службе – это проблема не только России, но и ряда зарубежных государств, однако, для ее искоренения в зарубежных странах принимаются более эффективные специальные меры. Использование зарубежного опыта может быть полезным для российской системы предупреждения коррупции. Так, например, в Финляндии разработана

отдельная «Программа по борьбе с коррупционными преступлениями», где предусматривается особая ответственность за совершение коррупционных преступлений [11]. Охрана государственной казны и государственных интересов в экономической сфере основное направление антикоррупционной направленности Германии. Германское законодательство предусматривает усиленную ответственность за совершение коррупционных преступлений среди органов местного самоуправления. Интересными видятся меры предупреждения, предпринимаемые в Сингапуре. Практика свидетельствует о том, что именно в Сингапуре предпринимаются наиболее эффективные меры по борьбе с коррупцией, и данные меры являются наиболее успешными. Разработан и принят национальный план борьбы с коррупционной преступности. Кроме того, за совершение коррупционных преступлений основным наказанием является смертная казнь, лишение свободы на длительный срок [9].

Учитывая зарубежную практику, в том числе и по вопросам борьбы с коррупцией, российские исследователи обращают внимание на необходимость изучения антикриминальной ресоциализации этого опыта [4].

Обобщая специальные меры по предупреждению коррупции в зарубежных странах можно отметить следующее:

- меры государственного принуждения, применяемые к виновным лицам, носят строгий характер;
- высокая степень межведомственного и внутриведомственного контроля над доходами и расходами муниципальных чиновников;
- отсутствие льгот и иммунитетов для муниципальных чиновников;
- гласность коррупционных расследований и стимулирование общественности в случае предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений.

Таким образом, предупреждение коррупции среди органов власти возможно в результате не только общих, но и специальных мер, которые сталкиваются с рядом проблемных моментов затрудняющих осуществление антикоррупционных мероприятий. Положительных результатов в данной сфере можно достичь повышения доверия к действующей власти со стороны населения и общества в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
2. Акчина А.Н., Евдокимов К.Н., Земцова Е.С. Актуальные вопросы проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 155-158.
3. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
4. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
5. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
6. Булатов Р.Б. О необходимости и путях укрепления налоговой базы муниципального строя // Налоги – журнал. – 2006. – № 1. – С. 12-15.
7. Булатов Р.Б. О совершенствовании законодательства в сфере финансовых средств муниципального строя // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 314-318.
8. Воробьев А.В. Коррупция в системе органов местного самоуправления: условия, причины и меры предупреждения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3 (45). – С. 80-83.
9. Дудник В. Коррупция в Сингапуре и методы борьбы с ней в 2018 году // Emigranto: все о визах и эмиграции // <http://emigranto.ru/stranyazii/singapur/korruptciia-v-singapore.html>
10. Ермоленко А.А., Кузякин Ю.П. Правовое регулирование финансов муниципальных образований: состояние и перспективы развития // Вестник Московского ун-та. Серия: Государственный аудит. – 2017. – № 3. – С. 116-128.
11. Жилкин В. А. Коррупция в Финляндии как угроза политической стабильности и национальной экономике // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 2. – С. 186–191.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
13. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
14. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
15. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
16. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибуллин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
17. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.В. Мозякова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 224 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
18. Крючков Р.А., Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в правовом поле современной экономики и «право на риск» // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 109-119.
19. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика. Научно-практическое пособие. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. – 368 с.
20. Лудинова Ю.В. Особенности формирования доходных источников бюджетов с учетом налогового потенциала территориальных образований // Правовое поле современной экономики. – 2010. – № 1. – С. 121-124.
21. Мигущенко О.Н. Проблема предупреждения коррупционного поведения муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2015. – № 2. – С. 17-18.

22. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
23. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
24. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
25. Правовые средства противодействия коррупции: Научно-практическое пособие / Н.А. Власенко, С.А. Грачева, Е.Е. Рафалюк и др.; отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – 344 с.
26. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Л.В. Андриченко, О.А. Беляева, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; редколлегия Л.В. Андриченко, Е.И. Спектор, А.М. Цирин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 236 с.
27. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М., 2019. – 384 с.
28. Рябова В.С. Общая характеристика причин коррупции в органах местного самоуправления // Актуальные вопросы юридической науки и практики: Сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. – С. 295-301. – в сб. 424 с.
29. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
30. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
31. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
32. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
33. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 177-188. – в сб. 243 с.
34. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
35. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
36. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
37. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
38. Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84.
39. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24-25 апреля 2014 г.) / С.Е. Нарышкин, Т.А. Голикова, Т.Я. Хабриева и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 224 с.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
проректор Русской христианской гуманитарной академии по научной работе, доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия),

E-mail: dwm61@inbox.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия),

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕМОКРАТИЮ.

Рецензия на монографию Керимова А.Д. «Демократия: опыт критического анализа» (М.: Норма, 2019. 184 с.) и некоторые в связи с этим размышления

***Аннотация.** Рецензируется монография А.Д. Керимова «Демократия: опыт критического анализа» [25]. Обращается внимание на то, что в книге глубоко и всесторонне оценивается феномен демократии, рассматриваются как ее позитивные, так и негативные стороны. Рецензенты приходят к выводу об актуальности и значимости работы А.Д. Керимова для современной юридической науки. Издание адресуется как ученым-юристам, так и широкому кругу читателей.*

***Ключевые слова:** демократия; власть; принцип разделения властей; право.*

**ZAKHARTSEV S.I.
MASLENNIKOV D.V.
SAL'NIKOV V.P.**

A NEW LOOK AT DEMOCRACY.

Review of the monograph by A.D. Kerimov "Democracy: experience of critical analysis" (Moscow: Norma, 2019. 184 p.) and some thoughts in connection with this

***The summary.** The monograph by A.D. Kerimov "Democracy: the experience of critical analysis" [25]. The book deeply and comprehensively assesses the phenomenon of democracy, examines both its positive and negative aspects. The reviewers come to the conclusion that the work*

of A.D. Kerimov for modern legal science. The publication is addressed to both legal scholars and a wide range of readers.

Key words: *democracy; power; the principle of separation of powers; law.*

Мы внимательно ознакомились с книгой А.Д. Керимова и пришли к выводу, что она получилась крайне актуальной и острой.

Дело в том, что на протяжении последних десятилетий для нашей страны примером в построении государственности выступают демократические политические режимы западных стран. Однако объективных и честных исследований таких демократий было явно недостаточно. Не достаточно был изучен и сам феномен демократии. Это при том, что подсказанные нам из-за рубежа так называемые демократические принципы нашли отражение даже в Конституции Российской Федерации.

Рецензируемая монография претендует на восполнение этого пробела.

В книге А.Д. Керимов поднял несколько актуальных и наиболее острых для современной юридической науки и российского общества вопросов. Кратко остановимся на них.

Как известно, в соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. Однако А.Д. Керимов задается вопросом: должно ли демократическое государство в приоритетном порядке защищать интересы отдельной личности или его предназначение состоит в том, чтобы заботиться о всеобщем благе?

В ходе проведенных исследований автор рецензируемой монографии пришел к выводу, что абсолютное большинство россиян склонны на основе приобретенного опыта, рационально-прагматического выбора, твердых убеждений и аксиологических установок полагать, что для каждого из них права и потребности общества и государства существеннее. Как продолжил А.Д. Керимов далее, когда речь идет о политико-правовой сфере, т.е. сфере динамичной, насыщенной разнообразными событиями, вбирающей в себя множество различных организационных структур и институтов, чутко реагирующих даже на незначительные изменения во всех других областях общественного бытия и т.п., не следует стремиться окончательно и

безапелляционно (в том числе и законодательно) решать вопрос: кто, условно говоря, значимее: государство или гражданин и чьи интересы – социума или личности целесообразно обеспечивать в первую очередь? В подтверждение своих слов А.Д. Керимов ссылается на известного русского философа права В.С. Соловьева, пояснившего что «сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага» [30; 31; 52]. Поэтому, как считает автор, гораздо разумнее руководствоваться поиском «золотой середины», другими словами попытаться максимально сочетать и наиболее полно обеспечить интересы и государства, и права отдельного индивида, поставить его на один уровень с обществом [25, стр. 93-94].

О том же не раз говорили служители Русской Православной Церкви. Православная Церковь, являясь носителем и выразителем мнения народа, выступает против навязывания России западных правовых ценностей. В Декларации о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 года, принятой X Всемирным русским Национальным собором, говорится: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями» [2].

Патриарх Кирилл видит в них какую-то

синтетическую продукцию. Выступая на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре в Москве 22 февраля 2012 года, он подчеркнул: «...Никакой живой организм не может долго питаться синтетической продукцией – рано или поздно он заболевает. Так и общество, как живой организм, не может питаться псевдокультурой и глянцем – копеечными бульварными детективами вместо литературы, «звездными» шоу вместо настоящей музыки. Такая синтетическая «культура» тоже несет в себе некие «ценности» – псевдоценности потребительского «края», любви к роскоши, легкомыслия, безответственности.

Псевдоценности ведут к деградации любого общества. Нам всем остается выбирать между живыми, подлинными ценностями, и суррогатной продукцией, подменяющей собой настоящую культуру. Кто-то может возразить: «Но не всем же и не все же время слушать и читать шедевры. И вообще дурной вкус – это не грех. Чего же Церковь так беспокоится?». Я предвижу такие вопросы. Да, дурной вкус – не грех, но на практике очень часто может привести к греху, греховному состоянию. Поэтому воспитание вкуса имеет, в том числе и духовное измерение. Не здесь ли источник великой фразы Достоевского, что красота спасет мир?...» [29, стр. 152].

На то, что в ментальности россиян общественные интересы государства стоят, как минимум не ниже чем личные и собственные, не раз обращали внимание и мы [8; 19; 20; 32].

Укреплению суверенитета России посвящены последние поправки в Конституцию Российской Федерации, сделанные в 2020 году. Суверенитет Российской Федерации, суверенная идеология и суверенная философия права всегда находились в поле наших научных интересов [17; 22; 23; 24; 34; 35].

Весьма интересен другой поднятый в рецензируемой монографии вопрос. В нашей стране слово «демократия» в последние десятилетия ассоциировалось с чем-то неизбежно добрым, правильным, честным, означающим власть народа и большинства. Однако А.Д. Керимов провел достаточно убедительные исследования и пришел к выводу, что еще со времени зарождения государственности и до наших дней, независимо от кажущейся мнимой демократичности, в государстве всегда явно меньшинство (элита) правит большинством. При этом обнаруживается

явно демонстрируемое как господствующим меньшинством, так и подчиняющимся большинством стремление к сохранению и поддержанию статус-кво, в соответствии с которым существует класс правящих и класс управляемых. Происходящие время от времени смены властвующих элит (либо в результате борьбы между элитами и контрэлитами, либо в силу народного волеизъявления, выраженного в той или иной, чаще революционной, форме), не отменяют этого правила и своеобразного консенсуса [25, стр. 50].

Обеспечивается названное правило, в том числе с помощью права. И в подтверждение приведенного вывода А.Д. Керимов привел цитату нашего выдающегося писателя Л.Н. Толстого. Он писал: «Ведь все дело очень просто: есть насилующие и насилуемые, и насилующим хочется оправдать свое насилие. И вот свои распоряжения о том, как они в данном случае и в данное время намерены насиловать людей, они называют законами, разрешение же, которое они сами себе дают совершать свои насилия, и предписания насилуемым делать только то, что не запрещается им, называют правом» [42, стр. 55-56]. Л.Н. Толстой своим творчеством будирует многие научные мысли, в том числе и современных исследователей – философов и юристов, не являемся исключением в этом и мы [9].

Заслуживает внимания и другая цитата. А.Д. Керимов пишет, что высший слой мировой буржуазии совершенно подчинил себе демократию, умело приспособил её идеологию, структуры и институты к своим нуждам. Более того, именно она на современном этапе исторического развития оказалась наиболее приемлемой для капиталистической элиты и посему наиболее востребованной формой её властвования. И о том же: на современном этапе исторического развития дуумвират крупного капитала и высшего слоя политического истеблишмента осуществляет свою деспотическую власть отнюдь не открыто, а, напротив, в тщательно завуалированной разнообразными демократическими институциями форме и при этом чрезвычайно искусно и изощренно. Так что у перманентно обманываемого и эксплуатируемого плебса, к которому сегодня уверенно можно отнести и средний класс (или по крайней мере большую его часть), нередко возникает абсолютная пустая и удручающе наивная иллюзия сопричастности к делам и помыслам властвующей демократической

элиты. Столь же призрачны иллюзии масс насчет свободы и равенства. Свобода в условиях четко классово ориентированной политики верхов, полнейшей бездуховности и жесткого идеологического диктата общества потребления практически невозможна. Что касается равенства, то если оно заключается лишь в том, что у всех членов государственно-организованного социума, точнее у всех граждан, есть равные возможности раз в несколько лет отдать свой голос за того или иного представителя правящего класса для подтверждения его легитимности в качестве легата власти, то грош цена такому равенству [25, стр. 144].

Слова А.Д. Керимова подтверждает и член-корреспондент Российской академии наук, профессор Г.В. Мальцев. Он считает, что практика проводимых президентских, парламентских и региональных выборов свидетельствует о том, что демократия не способна призвать к государственному правлению людей одаренных и честных [28, стр. 599].

Здесь важно заметить, что и западные, в том числе американские исследователи все чаще стали писать о кризисе собственной демократии. Вспоминается работы американского философа Фрэнсиса Фукуямы и немецкого политолога Тило Саррацина. На данное обстоятельство обратил внимание в свое время профессор М.В. Сальников, проанализировав соответствующие публикации в нескольких своих работах [36; 38]. Мы обратимся лишь к некоторым из них, в частности к статьям «Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ)» и «Политико-правовая традиция: итоги и размышления».

Возникают вопросы, – *указывает М.В. Сальников*, – есть ли сегодня общества и государства, где демократия господствует в полный рост, где она расцвела и раскрыла полностью свои универсальные свойства». И продолжает далее; «До недавнего времени западные исследователи, обосновывая уникальность западно-европейской традиции права и других политических ценностей, отвечали на этот вопрос положительно, ссылаясь на ситуацию в США и странах Западной Европы». В качестве примера он приводит позицию известного американского исследователя, историка и философа права Гарольда Дж. Бермана, который писал об

уникальности для всех мировых государств европейских политико-правовых ценностей [4].

Далее М.В. Сальников указывает: «В свое время и другой очень известный американский политолог, уже упоминаемый нами в этой статье профессор Фрэнсис Фукуяма утверждая, что альтернативы мировому развитию и мировой демократии больше нет, после развала СССР наступил конец истории, и мир должен развиваться только по западному образу», и ссылается на хорошо известную русскому читателю книгу Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории. Последний человек» [47].

М.В. Сальников обращает внимание на то обстоятельство, что в последующем оба американских исследователя скорректировали свою позицию. «Гарольд Дж. Берман в книге «Вера и закон: примирение права и религии» уже сомневается в универсальности европейской правовой традиции и ее ценности для не западных культур, в том числе для России». Действительно, данная позиция Бермана убедительно представлена в его исследовании [3].

Скорректированную позицию Фрэнсиса Фукуямы профессор М.В. Сальников представляет со ссылкой на его интервью корреспондентам «Шпигеля» (Германия) Гансу Хоингу и Грегору Петеру, в котором он заявил о важности разработки в США стратегии защиты демократии, среднего класса в условиях глобализации, с позиции получения пользы для широких масс людей. По его мнению: «Никто из демократов не способен реально это сделать». Он предлагает собственную оценку демократии: «Вся современная демократия больна, и болезнь состоит в том, что демократическим процессом, как правило, заправляют хорошо организованные группы, которые не являются репрезентативными для населения в целом».

Завершая интервью, Фрэнсис Фукуяма высказывается совсем откровенно: «Наша сегодняшняя западная модель действительно не работает по ряду фундаментальных направлений» [50].

И здесь мы полностью соглашаемся со следующей мыслью М.В. Сальникова: «Более откровенной оценки «уникальности» западных политико-правовых ценностей и состояния современной демократии в США и Европе трудно себе представить» [37, стр. 15].

Далее исследователь обращается к творчеству известного немецкого политика Тило Саррацина,

в частности, к его книге «Германия: самоликвидация», вышедшей в Мюнхене на немецком языке в 2010 году и изданной в России сравнительно недавно [40; 53], и оценивая публикацию, пишет: «В этой книге мы находим гимн краху концепции западных правовых ценностей, в том числе демократии, их универсальности и уникальности для всех государств мирового сообщества. И крах этот показывает и обосновывает на примере Германии, одной из самых развитых и демократических государств Европы, где идея равноправия нашла свое воплощение в германском социальном государстве, – член правления Бундесбанка, влиятельное лицо в социал-демократической партии Германии, известный немецкий политик Тило Саррацин.

Он пишет о падении рождаемости, проблематичной иммиграции, растущем количестве необеспеченного и малообразованного слоя населения в Германии. В своей книге, опираясь на реальные факты и объемную статистику, анализирует наиболее острые проблемы социального государства в современной Германии. Обращает внимание на замедление темпов роста ВВП, подчеркивает, что одна десятая часть трудоспособного населения не имеет работы и живет за счет государственных пособий. Наблюдаются значительные демографические изменения и не в лучшую сторону, которые привели к росту доли пенсионеров по отношению к трудоспособному населению. Сегодня тот, кто трудится, работает чуть меньше, чем его родители, а отдыхает чуть дальше, чем представитель поколений. По мнению Т. Саррацина, проблема финансирования социального государства остается нерешенной, и есть все основания полагать, что в будущем социальные расходы будут расти».

С указанным мнением приходится соглашаться. Российские исследователи придерживаются такой же позиции. В частности, журналист Н. Тоганова, прочитавшая книгу Т. Саррацина, отмечает, что «все реформы последних трех десятилетий в Германии были так или иначе связаны с решением проблемы финансирования социального государства» и уточняет: «Правда, проходили они сложно и не без попятных движений» [41].

Оценивая далее приведенную работу Тило Саррацина, М.В. Сальников пишет: «Опираясь на статистические данные, характеризующих безработицу, анализируя состояния преступности в

стране и национальный состав лиц, совершивших преступления, среди которых много мигрантов, Т. Саррацин приходит в выводу, о том что население Германии из-за постепенного изменения этнического состава все более «тупеет», то есть падает его общий интеллектуальный уровень, происходит быстрая и жестокая «дебилизация» низов общества. И это в стране, которая всегда гордилась своими демократическими достижениями. При сохранении динамики существующих процессов, – *считает Т. Саррацин*, – коренное население Германии не только сократится до минимума, но станет качественно хуже. И вряд ли кто может опровергнуть немецкого политика. Германия действительно испытывает серьезные трудности с мигрантами из Турции, африканских и арабских стран. Турецкие, африканские и арабские мигранты не хотят, либо просто не способны интегрироваться в немецкое общество» [37, стр. 16].

Если же вернуться к Фрэнсису Фукуяме, то важно отметить, что он во многих своих работах говорит о кризисе западной демократии. Так, он указывает: «Проблема большинства современных демократий заключается в том, что они не могут принять свои культурные предпосылки как нечто незыблемое. Наиболее процветающими из них, включая США, повезло в том, что они сочетают сильные официальные учреждения с гибкой неформальной культурой, обеспечивающей устойчивость. Однако само по себе наличие таких государственных институтов еще не гарантирует, что упорядочиваемое ими общество под давлением технологических, экономических и социальных перемен будет продолжать пользоваться именно правильным видом культурных ценностей и норм. Имеет место как раз обратное: индивидуализм, плюрализм и толерантность, встроенные в формальные институты, обычно способствуют культурному разнообразию и, таким образом, несут в себе угрозу подрыва моральных ценностей, унаследованных из прошлого, а динамическая экономика технологических инноваций может, в силу своей природы, разрывать существующие социальные связи.

В таком случае вполне возможно, что общественная жизнь является в большей мере циклической, хотя крупные политические и экономические институты эволюционируют по долгосрочному секулярному пути. Социальные нормы, действующие на протяжении одного

исторического периода, разрушаются в результате успехов технологии и экономики, и общество вынуждено сыграть в догонялки, чтобы переустроить себя в изменившихся условиях» [44, стр. 24].

Оценивая позицию Ф. Фукуямы по поводу демократии, М.В. Сальников опирается не только на его работу «Великий разрыв», а обращается и к другим его произведениям: «Конец истории. Последний человек» [47], «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» [46], «Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке» [48], интервью корреспондентам «Шпигеля» (Германия) Гансу Хоингу и Грегору Петерсу 2 февраля 2012 г. [50], статью «Две Европы» [45], и приходит к выводу о том, что Фрэнсис Фукуяма считает, что «демократия на Западе стагнирует, она очень сильно больна и умирает, вряд ли кто из демократов способен что-то реальное сделать для ее выздоровления». И далее российский исследователь замечает: «не отказываясь от либеральной демократии как основе общественного развития человечества и Фрэнсис Фукуяма и другие американские, да и не только американские, исследователи» обращая «внимание на тупиковую ситуацию, в которой оказалась западная демократия сегодня... пытаются найти пути выхода из» установившегося положения [39, стр. 178].

Действительно, как это ни парадоксально, на либеральную концепцию демократии и сегодня, когда она подвергается жесткой и обоснованной критике, в том числе и западными учеными, многие исследователи из США и Европы, среди них и Фрэнсис Фукуяма, продолжают возлагать большие надежды. В частности, Ф. Фукуяма в том же интервью «Шпигелю» подчеркивал: «Либеральная демократия на самом деле по-прежнему остается единственным оптимальным выбором по всему миру, несмотря на все ее недостатки» [50].

Мы можем подтвердить, что и в последующих своих работах Ф. Фукуяма придерживается этих же мотивов [49; 51]. Вместе с тем и он уже начинает сомневаться в возможностях оздоровления западной, в том числе и американской демократии.

В конце 2016 года особенно откровенно Фрэнсис Фукуяма это выразил в своей статье «Америка в упадке. Источники политической дисфункции», опубликованной на информа-

ционном ресурсе Foreign affairs.

И если ранее американский философ и политический экономист из Стэнфордского университета видел возможность теоретической разработки для Европы направлений выхода из кризиса демократии, ее вылечения с помощью научных достижений ученых из США, то сейчас, нам показалось, уже начинает в этом сомневаться. Прежний представитель и апологет либерального миропорядка, наблюдая его кризис, пытается объяснить ситуацию в США и найти причину существующих проблем с демократией не в контексте либерализма, а в ошибочности конкретной политической модели именно американской демократии, которая, по его мнению, стала источником дисфункции.

И совсем уж безнадежно звучат заключительные слова американского ученого: «В результате развитие политической болезни страны и маловероятная перспектива конструктивных и постепенных реформ продлят процесс распада американской политической системы, который, вероятно, продолжится до тех пор, пока какой-нибудь внешний удар не вызовет в свет настоящую коалицию реформ и активизирует ее к действию» [43].

В то же время приходится констатировать, что 2020 год для США, оценивая их политическую ситуацию, привел к полному краху демократии в преддверии очередных выборов президента. И вся американская правовая система, особенно федеральное законодательство, не может избавить страну от хаоса. Право не способно сегодня здесь обеспечить не только благополучие всего населения США, даже спокойствие властвующей элиты.

Что ж, такая грань как «обеспечение спокойствия власть имущих и их обслуживание» у права тоже имеется. Мы рассматривали эту грань права в рамках сформулированной нами комплексной теории права, вызвавшей интерес у специалистов России и зарубежья [5; 6; 7; 11; 13; 54]. А вывод А.Д. Керимова о том, что в государстве, несмотря на наличие различных демократических выборных институтов и как бы равенстве всегда незначительное меньшинство правит большинством, требует размышлений и дальнейших исследований. Указанная проблема показывалась нами в статьях про запрограммированное общество [10; 12; 16; 18].

Следующий хорошо освещенный в

рецензируемой монографии вопрос связан с демократичным принципом разделения властей. Как известно, в демократических странах выделяется три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Этот постулат воспринят Россией и закреплен в Конституции Российской Федерации. Однако А.Д. Керимов отмечает, что с некоторых пор и российских, и зарубежных ученых-юристов, политических деятелей волнует вопрос: правомерно ли, оправдано ли, наконец, целесообразно ли вычленение лишь трех ветвей государственной власти? [25, стр. 68]. И действительно в подавляющем большинстве демократических стран имеются государственные институты, которые крайне затруднительно отнести к любой из трех традиционных ветвей власти, но играющие в государстве не менее важную роль.

Далее автор такие власти кратко рассмотрел. Так, многие отечественные и зарубежные государствоведы не дают четкого и однозначного ответа на вопрос, к какой из властей относится президент страны и его администрация (или секретариат), оказывающая, как известно, огромное влияние на функционирование как государственного механизма, так и всей политической системы общества.

Аналогичный вопрос возникает и в отношении прокуратуры. По непонятным причинам посвященная прокуратуре статья 129 Конституции Российской Федерации находится в главе «Судебная власть». Вместе с тем, прокуратуру к судебной власти вряд ли можно отнести. В подтверждение своих слов А.Д. Керимов привел четкую и справедливую мысль В.В. Путина, высказанную еще в 2001 году: «Конституция Российской Федерации оставила открытым вопрос о месте прокуратуры в системе органов власти». «К сожалению, – продолжил он, – действующий Закон о прокуратуре не восполняет этот пробел в полном объеме. Действующая концептуальная модель не дает полного и ясного ответа как на теоретические, так и на многие практические вопросы» [25, стр. 72].

Далеко не очевидно место в системе разделения властей и многих других государственных институтов, в частности, таких как

Уполномоченный по правам человека (омбудсмен), Центральный банк, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия.

К органам власти, правда, не государственным, но функционирующим в государстве, относят средства массовой информации. Как написано в монографии, практически все солидарны с тем, что средства массовой информации, манипулируя общественным мнением, оказывают огромное влияние на политический климат в стране, результаты выборов в представительные и иные государственные органы всех уровней и даже на кадровые перестановки во властных структурах [25, стр. 77].

На основе этой поднятой проблемы А.Д. Керимов делает совершенно справедливый вывод, что формирование новых ветвей власти, как и модификация традиционных – процесс неизбежный и исторически закономерный [25, стр. 78]. Таким процессам мы дали название правовой прогресс [14; 15]. Научное сообщество с наличием правового прогресса в целом согласилось и признало нашу правоту. Так же, видимо, думает и А.Д. Керимов.

В работе много и других интересных положений и выводов, требующих отдельных исследований.

По содержанию монография выдержана в строго научном академическом стиле. Однако в ней приводятся и достаточно простые примеры, делающие аргументацию автора легко доступной и не для специалистов. Можно с уверенностью сказать, что книга удалась.

Особо приятно то, что ее автор является достойным продолжателем династии ученых Керимовых. Отец – Джангир Аббасович Керимов – был известнейшим теоретиком и философом права, член-корреспондентом АН СССР, доктором юридических наук, а мать – Керимова Тамара Викторовна – известнейший философ, доктор философских наук. Мы хорошо знали этих выдающихся людей и благодарны им за внимание к нашим скромным работам [26; 27] и оппонирование по диссертации [33].

Пожелаем А.Д. Керимову новых научных достижений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2020.
2. X Всемирный русский Национальный собор (2006 г.). Выступление патриарха. Декларация о правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 г. // <https://mospat.ru/archive/2006/04/30728/>
3. Берман Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. яз. (Harold J. Berman. Faith and Order. The Reconcillation of Law and Religion. Scholars Press, Atlanta, 1993). – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 464 с. (печатается по одноименному изданию Ad Marginem, 1999).
4. Берман Дж. Гарольд. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е издание. – М.: МГУ: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 624 с.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 4-13.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 4(54). – С. 91-103.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-180.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрехендной теории познания права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 168-177.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. О праве в программируемом обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): Сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.: отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. – С. 93-99. – в кн. 368 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Познание права через компрехендный подход с помощью афоризмов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2020. – № 1(5). – С. 5-12.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и правосудия // Информационное право. – 2020. – № 3. – С. 9-15.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право как ремесло или новая грань права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 162-166.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 189-194.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Роль права в программировании жизни людей и их подконтрольности // Теория государства и права. – 2020. – № 3(19). – С. 86-102.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Русский менталитет и право // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4(54). – С. 41-47.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
23. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
24. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1 (34). – С. 4-7.
25. Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. – М.: Норма, 2019. – 184 с.
26. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75.

27. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168-172.
28. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 607 с.
29. Патриарх Кирилл. Диалог с обществом. Выступление на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре. Москва, 22 февраля 2012 года // Предстоятель. – М.: Индрик, 2012. – 260 с.
30. Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4. – С. 143-146.
31. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
32. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве / Под общ. ред. В.И. Рохлина. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2007. – 407 с.
33. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л.: ЛГУ, 1990. – 35 с.
34. Сальников В.П., Гер О.Е., Захарцев С.И., Ивановская А.Е. Соотношение государственного суверенитета и норм международного права во взглядах С.А. Котляревского // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 152-161.
35. Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Морозов А.И. К вопросу об историко-философских основаниях суверенной философии права как формы выражения национальных социально-правовых ценностей // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 174-180.
36. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
37. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
38. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
39. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
40. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. – М.: АСТ, 2013. – 400 с.
41. Тоганова Н. Манифест Саррацина // http://www.Polit.ru/article/2011/04/15/sarrazun_buch/.
42. Толстой Л.Н. Письмо студенту о «праве» // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Серия первая. Т. 38. Произведения 1909-1910 гг. – М., 1936. – XI, 616 с. со схем.: 4 л. ил.
43. Фукуяма Ф. Америка в упадке. Источники политической дисфункции // <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/12/frensis-fukuyama-amerika-v-upadke-istochniki-politicheskoy-disfunkcii>
44. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ., под общ. ред. А.В. Александровой. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 464 с.
45. Фукуяма Ф. Две Европы // <http://blogs.the-american-interest.com/fukuyama/2012/05/08/the-two-europes/>; <http://forum.polismi.org/index.php/2297->
46. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 730 с.
47. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 732 с.
48. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ М.: Владимир: ВТК, 2010. – 222 с.
49. Фукуяма Фрэнсис. Государственный порядок: Научно-популярное издание / Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: АСТ, 2015. – 688 с. – (Политика).
50. Фукуяма Фрэнсис. Интервью «Шпигелю». Где «восстание слева»? 2.02.2012. // <http://www.spiegel.de/.../12208-2.00.html> (<http://www.spiegel.de/international/World/o.1518.812208-2.00.html>).
51. Фукуяма Фрэнсис. Угасание государственного порядка: Научно-популярное издание / Пер. с англ. К.М. Королева. – М.: АСТ, 2017. – 704 с. – (Политика).
52. Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства // Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Алетей, 1999. – 255 с.
53. Sarracin T. Dents c Nland schaffi sich ad: Wie wir unser land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags – Anstalt, 2010.
54. Zakhartsev S.I., Salsnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

БОБРОВА Наталья Алексеевна,
профессор Международного института рынка,
доктор юридических наук, профессор, Заслу-
женный юрист Российской Федерации (г. Самара,
Россия)

E-mail: bobrovana@mail.ru

ВЛАСОВА Мария Алексеевна,
консультант ЗАО «Защита» (г. Тольятти, Россия)

E-mail: MAZ80@yandex.ru

РУЗАНОВ Илья Владиславович,
аспирант кафедры конституционного и админи-
стративного права Тольяттинского государствен-
ного университета (г. Самара, Россия)

E-mail: iruzanov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве; 12.00.02 – Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муницип-
альное право

УНИКАЛЬНАЯ КНИГА О НАУКЕ «УПРАВЛЕНИЕ».

**Рецензия на монографию И.А. Бажутина и М.М. Бажутиной «Наука
«Управление»: от истории к постиндустриальному развитию России. –
Киров: Изд-во МЦИТО, 2019. – 100 с.»**

Аннотация. Рецензируется монография, имеющая междисциплинарный характер на стыке экономики, управления, конституционного права и получившая положительные отклики научной общественности. Монография издана полтора года назад, но с течением времени высказанные в ней идеи, как дорогие вина, будут еще больше цениться в их высокой научной себестоимости.

Ключевые слова: управление; экономика; право; мировые технологические уклады; постиндустриальные технологии; прогнозирование.

**BOBROVA N.A.
VLASOVA M.A.
RUZANOV I.V.**

UNIQUE BOOK ABOUT THE SCIENCE «UPRAVLENIE».

**Review of the monograph by I.A. Bazhutin and M.M. Bazhutina «The Science
«Upravlenie»: from the history to the post-industrial development of Russia. – Kirov:
MCITO, 2019. – 100 p.»**

The summary. The peer-reviewed monograph is interdisciplinary at the intersection of economics, governance, and constitutional law. It received positive feedback from the scientific community. The monograph was published a year and a half ago, but over time the ideas expressed in it, as expensive wines, will be further valued in their high scientific cost.

Key words: management; economics; law; world's technological modes; post-industrial technologies; forecasting.

Исследования на стыке права и экономики в последнее время приветствуются и умножаются [1; 4; 15; 16; 18; 19; 22]. Рецензируемая монография И.А. Бажутина и М.М. Бажутиной является уникальным междисциплинарным исследованием на стыке экономических наук и науки конституционного права, объединяемых наукой управления. Идея обоснования науки управления как самостоятельной науки является ключевой.

Монография получила положительные отклики научной общественности, на неё ссылаются в фундаментальных монографиях [5; 12]. Но по достоинству она пока не оценена. Монография издана полтора года назад, но с течением времени высказанные в ней идеи, как дорогие вина, будут еще больше цениться в их высокой научной себестоимости.

В монографии убедительно доказывается нетождественность понятий «управление» и «менеджмент», хотя в английском языке они тождественны. Доказательства тезиса об отсутствии тождества между менеджментом и управлением выводят авторов монографии на глубокие идеологические пласты, мировоззренческие и философские изыскания и выводы [9; 11; 12; 24].

Актуальность и значимость междисциплинарных исследований в области управления, экономики, социологии и конституционного права заключается в построении фундаментальной основы и выработке конкретной программы действий, приемлемых с точки зрения управленческой практики на разных государственных уровнях, в правовой, экономической, политической и социальной сферах. Именно этой цели и посвящена монография И.А. Бажутина и М.М. Бажутиной. Представленная в монографии модель постиндустриального общества в корне отличается от той, что обрисована в ряде работ западных социологов и экономистов.

Новизна монографии в сфере перспективного общественного развития России и права заключается в том, что:

- 1) сферы человеческой жизнедеятельности рассматриваются в комплексе, показывается их взаимосвязь, включая взаимосвязь между конституционным правом и технологическим развитием России;
- 2) наука «Управление» исследуется в аспекте интеграции и оптимизации научных знаний, совершенствования управленческой деятельности во всех сферах

человеческой жизнедеятельности;

- 3) совершено открытие «Периодической таблицы управления и развития систем» (ПТУРС);
- 4) предложена новейшая классификация технологических укладов как критерия оценки государственного развития стран мирового сообщества;
- 5) разрабатываются постиндустриальные технологии 2050-2170 гг. (технологии единства, виртуальные технологии и др.);
- 6) предлагаются пути преодоления технологического отставания России от мировых лидеров и перехода государственного развития России в масштаб постиндустриальных технологических укладов;
- 7) даётся авторское понятие конституционной экспертизы;
- 8) предлагается авторский взгляд на содержание частей 1 и 2 статьи 13 Конституции РФ и понятие конституционной идеологии;
- 9) предлагается понятие и даются основные характеристики Общественного договора между Народом и Государством, основанного на конституционном праве;
- 10) проектируются государственные системы управления в соответствии с Конституцией РФ;
- 11) анализируется экономическое и политическое развитие России в аспекте реализации конституционного положения о единственном источнике власти – народе России (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ);
- 12) доказывается переход от индустриальной парадигмы развития к постиндустриальному развитию России на основе конституционного права.

Вектор индустриальных технологических укладов сменяется развитием в сторону постиндустриализма. При этом выбор магистрального пути развития России требует чёткого представления о цели и средствах. Постановка данного вопроса является насущным вопросом наших дней. Смена парадигмы общественного и технологического развития должна происходить в рамках конституционного права. Проект такой смены в тесной взаимосвязи технологических укладов с развитием общества требует комплексных и всепроникающих управленческих решений и стратегий.

Безусловно, заслуживает внимания созданная

авторами книги новейшая классификация постиндустриальных технологических укладов на основе широко распространённых классификаций индустриальных технологических укладов Н.Д. Кондратьева и С.Ю. Глазьева.

Авторами впервые дана классификация постиндустриальных технологических укладов, следующих за индустриальными и переходной стадией – гибридным технологическим укладом. Выделение производительных сил седьмого гибридного (2050–2090 гг.) и первых двух постиндустриальных укладов (2090–2170 гг.) – науки «Управление» индустриального и постиндустриального формата, гибридной экономики, виртуальных технологий, инновационной экономики, постиндустриального общества и постиндустриальных технологий – обосновывается в четырёх главах рецензируемого научного труда. Авторы считают, что динамичное развитие России и выход в мировые лидеры возможны, если наша страна совершит «прыжок» из 4-го индустриального технологического уклада сразу в эру постиндустриальных технологических укладов (2090–2170 гг.) с последующим восстановлением недостающих производительных сил 5-го, 6-го и 7-го ТУ.

Согласно классификации Бажутиных, ядро 1-го постиндустриального технологического уклада (ПТУ) включает науку «Управление», виртуальные технологии и инновационную экономику, а ядро 2-го ПТУ составляют постиндустриальное общество и общественные науки. Авторы доказывают, что неизбежная эволюция науки в самостоятельную производительную силу и самую рентабельную отрасль экономики требует выделения управления в фундаментальную науку, призванную прогнозировать общественное развитие, сделать его управляемым при помощи постиндустриальных управленческих технологий. При этом развитие потенциала человека является приоритетным перед научно-техническим прогрессом.

Исследование Бажутиных в области перспектив государственного и общественного развития России на основе постиндустриальных технологий и конституционного права прошло социологическую экспертизу, отражённую на заседании юбилейного круглого стола в Центре социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН в мае 2017 года. А.В. Тихонов, отмечая достоинства исследования

Бажутиных, заявил: «При таком подходе можно браться за разработку стратегии развития страны в условиях будущего постиндустриального технологического уклада с горизонтом на 2090–2130-е гг.» [23, стр. 106].

В первой главе «Менеджмент: мифы и реальность» убедительно доказывается полная несостоятельность менеджмента на роль движущей силы научно-технического и социального прогресса. Замещение управления новомодным менеджментом пагубно сказывается на любой отрасли народного хозяйства и на непродовственных сферах в силу того, что цель любой стратегии менеджмента – извлечение максимальной прибыли за счёт исчерпания ресурсов объекта. Данные выводы основаны на работах П.Ф. Друкера [8], американского учёного, создавшего, как считает мировое академическое сообщество, менеджмент. Суть менеджмента – нового «лица» капитала – не оставляет сомнений в том, что он никоим образом не может быть производительной силой общества на пути его совершенствования и развития в реально надвигающуюся эпоху постиндустриализма. Авторы справедливо отмечают, что управление в нашей стране зачастую подменяют менеджментом как в теории, так и на практике [2, стр. 24].

Наука «Управление» видится авторами как отправная точка оптимизации научных знаний на пути к постиндустриализму, что является смелой заявкой в научном сообществе, поскольку в научном обиходе действительно отсутствует представление об управлении как самостоятельной науке.

Основываясь на предыдущих мировых достижениях управленческой мысли, авторы предлагают использовать выявленные закономерности управленческой деятельности в виде универсального управленческого алгоритма – «Периодической таблицы управления и развития систем» (ПТУРС), которая, с одной стороны, упорядочивает и совершенствует управленческую практику; с другой – интегрирует все области научного знания с целью выделения науки в ведущую производительную силу. Открытая Бажутиными трёхчастная «Периодическая таблица управления и развития систем» является основой создаваемой науки «Управление» индустриального масштаба с трансформацией в постиндустриальную науку «Управление».

Определение создаваемой науки «Управление» носит глубокий философский смысл и отражает стремление познать истину и претворить её в жизнь, качество которой напрямую зависит от того, для чего и каким образом осуществляется управление. В этой связи вторая глава («Наука «Управление»») и третья («Индустриальная ПТУРС – основа науки «Управление»») носят методологический и одновременно прикладной характер. Авторы заявляют о создании сначала индустриальной науки «Управление», относящейся к индустриальным технологическим укладам, для решения управленческих задач, возникающих в эпоху индустриального развития: борьба с потерями, повышение производительности труда, интенсификация производства, повышение качества продукции и др. В будущем индустриальная наука «Управление» должна перерасти в постиндустриальную посредством создания уже не двухмерной ПТУРС, а многомерной периодической таблицы, имеющей другие принципы и формы. Нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что все предпосылки для создания новой науки уже есть.

Описанный в монографии алгоритм управленческой деятельности является универсальным в любой деятельности человека, основанной на последовательности «планирование – выполнение – контроль – действие».

Авторы особо подчёркивают, что индустриальная наука «Управление» в будущем перерастает в постиндустриальную на базе многомерной «Периодической таблицы управления и развития систем» с целью создания постиндустриальных управленческих технологий.

В монографии отмечается роль науки «Управление» в формировании гибридной экономики и управленческих технологий будущего. На конкретных примерах показано, что уже сегодня возможно использование управленческих технологий на основе ПТУРС применительно к качественному и структурному изменению системы государственного управления (четвёртая глава «Управленческие и постиндустриальные технологии – основа постиндустриального развития России»).

Авторы монографии подводят читателя к пониманию того, что в постиндустриальном обществе происходит превентивное развитие человеческого потенциала над технологическими открытиями, где человек выступает субъектом и

центром управления, а не слепая случайность.

Интерес представляет применение таких технологий для решения актуальных правовых проблем. Новым для конституционного права является авторское видение общественного договора между обществом и государством, народом и властью. Создание института общественного договора, механизмом реализации которого становится конституционная экспертиза, является примером постиндустриальных управленческих технологий. Как отмечает В.Д. Зорькин, «конституция – это формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства. Но его базой обязательно должен быть реальный общественный договор между основными социальными слоями и группами нашего общества» [14, стр. 6]. Следуя этому пониманию роли конституции, авторы монографии представляют схему реализации общественного договора с подробным изложением механизма взаимодействия народа и органов государственной власти на основе Конституцией РФ. Конституционная экспертиза составляет предмет детального исследования в рамках отечественного конституционного права применительно к российским реалиям.

Проведение конституционной экспертизы, по мысли авторов, позволяет определить оптимальный путь государственного и общественного развития, гарантирует соблюдение прав граждан при разработке нормативных актов, при решении любых значимых социальных, политических и экономических вопросов. В настоящее время процессы, происходящие в мировом сообществе, оказывают непосредственное влияние на процессы, происходящие в социальной системе России как участника геополитических процессов. Задачи правового регулирования существенно усложняются и требуют создания государственных механизмов для многоуровневой координации правовых аспектов конституционного строительства России, позволяющих перевести общественное, государственное, экономическое развитие России на принципиально новый уровень.

Конституционная экспертиза, по мысли авторов, является гарантом сохранения государственности России в условиях глобализации. Они приходят к выводу о том, что последовательная и планомерная реализация положений Конституции – необходимое условие для

государственного и экономического развития России, включая развитие в масштабе постиндустриальных технологических укладов (2090–2170 гг.). Обосновывается необходимость принятия в скором времени новой российской Конституции, что доказывают и юристы.

Несогласие юристов может вызвать параграф 2.2. «Общественный договор: конституционная экспертиза и постиндустриальные управленческие технологии», однако позиция Бажутиных интересна как раз «незамыленным» взглядом на конституционную проблематику.

Дискуссионным представляется включение в конституционное право новой отрасли – конституционной идеологии наряду с конституционной политологией, конституционной социологией и конституционной экономикой. Однако идеи Бажутиных, не являющихся юристами, удивительным образом перекликаются с публикациями ученых-юристов [3; 6; 20; 10; 13; 17; 21]. Авторы

предлагают комплексный подход к решению этого вопроса в виде краткой и достаточно ёмкой формулировки принципов правового оформления идеологии нашего государства.

Рецензируемый научный труд содержит фундаментальные построения и представляет собой междисциплинарное исследование, изложенное логично и доказательно с охватом широкого круга вопросов относительно движения России в эпоху постиндустриализма. Вполне конкретные очертания будущего нашей страны, представленные в данной монографии, нуждаются в дальнейшей детализации и служат базой для последующих междисциплинарных изысканий.

Рецензенты приходят к выводу о значимости данной книги [2] для юридической науки. Безусловно, монография интересна учёным и практикам, аспирантам, студентам и всем читателям, неравнодушным к судьбе России.

Список литературы

1. Андреева Г.Н. Об использовании понятия «конституционные основы экономической системы» в российской науке конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 8. – С. 3-11.
2. Бажутин И.А., Бажутина М.М. Наука «Управление»: от истории к постиндустриальному развитию России. – Киров: МЦИТО. – 2019. – 100 с.
3. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 10-17.
4. Боброва Н.А. Конституционная экономика и пределы её регулирования указным правом Президента // Конституционно-правовые аспекты формирования концепции регулирования общественных отношений: Материалы XV Международной конференции. Ч.I // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55). – С. 144-148.
5. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. – М.: Юрлитинформ. – 2019. – 544 с.
6. Боброва Н.А. Александров И.А. Идея как скрытый элемент законодательной техники (на примере законодательства о местном самоуправлении) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 28-38.
7. Болдырев О.Ю. Конституционное право и экономика: поиск методологии и бегство от идеологии // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 9-14.
8. Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента / Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2004. – 421 с.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С.171-188.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ. – 2019. – 424 с.
12. Захарцев С.И., Сальников М.В. Фундаментальная книга о юридической ответственности. Рецензия на монографию Н.А. Бобровой «Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: 2019. – 544 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 110-113.
13. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной

- идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
14. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 33-41.
 15. Мазаев В.Д. Деформация российской конституционной экономической модели: оценка и варианты реагирования // Сравнительное и конституционное обозрение. – 2017. – № 6 (121). – С. 115-130.
 16. Мач В.Я. Ограниченность социалистической идеи и общественно-экономические процессы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 118-125.
 17. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 18. Невинский В.В., Гринчинко Н.Я. К вопросу о «двойных» стандартах финансово-правового регулирования реализации конституционных норм в социальной сфере // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 15-18.
 19. Рузанов И.В. Право на участие в процессе принятия экономических решений в российском конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 4. – С. 26-28.
 20. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
 21. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
 22. Самигуллин В.К. Экономический потенциал конституции // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 6-8.
 23. Тихонов А.В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. – 2018. – № 2. – С. 106. DOI: 10.7868/S0132162518020113
 24. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ИМОМОВА Нилуфар Махмайсифовна,
заведующая кафедрой международного права
и сравнительного правоведения Российско-
Таджикского (Славянского) университета,
кандидат юридических наук, доцент (г. Душанбе,
Таджикистан)

E-mail: nilufar-2010@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИСДИКЦИОННЫХ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА

***Аннотация.** Анализируется судебная защита прав ребенка как основная форма юрисдикционной защиты его прав и интересов. Рассматриваются особенности обеспечения стабильности правового положения ребенка в ходе судебного производства. Исследуются теоретические подходы к первичности категории «юрисдикции» и вторичности «судебной защиты», а также возрастные пределы защиты семейных прав ребенка в суде.*

***Ключевые слова:** права ребенка; несовершеннолетние; семейное право; юрисдикция; судебная защита; расторжение брака; лишение родительских прав; усыновление; взыскание алиментов.*

ИМОМОВА N.M.

JUDICIAL PROTECTION IN THE SYSTEM OF MECHANISMS FOR ENSURING JURISDICTIONAL FAMILY LEGAL METHODS OF PROTECTING THE RIGHTS OF THE CHILD

***The summary.** The article analyzes the judicial protection of the rights of the child as the main form of jurisdictional protection of his rights and interests. The features of ensuring the stability of the legal status of a child in the course of court proceedings, theoretical approaches to the primacy of the category of "jurisdiction" and the secondary nature of "judicial protection", as well as the age limits of protection of the child's family rights in court are considered.*

***Key words:** child's rights; minors; family law; jurisdiction; judicial protection; divorce; deprivation of parental rights; adoption; collection of alimony.*

Тезис о том, что ребенок является самой уязвимой социальной категорией, вызывает ощущение правоты не только в идеях, но и в гармониях его продуктивности, что порождает многочисленные проблемы в личностном становлении ребенка как среды первичной социализации [49; 50; 51; 52; 53]. Безусловно, данная концепция имеет глубокий фундаментальный смысл для теории защиты прав ребенка, являясь необходимым условием для его выделения как отдельной, но зависимой социальной категории. Однако при рассмотрении этих вопросов следует исходить из двух существенных положений, посредством которых ребенку приходится от кого-то и с помощью кого-то, либо самого себя защищать.

Первое – это защита ребенка от внутренних угроз и насилий, исходящих от самых близких по происхождению ему людей, где предметом могут служить злоупотребления со стороны родителей и других лиц, заменяющих родителей. В европейских странах эти вопросы зачастую отдаются на откуп так называемой ювенальной юстиции, которая все чаще и чаще начинает вызывать обоснованные претензии к ней со стороны общества, в том числе и в России [60; 85].

В Республике Таджикистан родители обязаны принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка (ч.3 ст. 57 Семейного кодекса Республики Таджикистан (СК РТ)). По достижении возраста четырнадцати лет ребенок сам может обращаться в суд за защитой. Данный подход неизменно транслирует осуществление защиты семейных прав ребенка в судебном порядке, что соответствует известному всем правилу: «соблюдение прав человека начинается с соблюдения прав ребенка» [84, стр. 70].

Вопросы защиты прав ребенка, роль в этой защите семьи как главной социальной ценности общества серьезно исследуется в научной литературе [15; 16; 21; 22; 35; 39; 43; 44; 65; 67; 68; 75; 89].

Второе – это защита ребенка от внешних угроз или насилия. В равной мере данная концепция относится не к семейным спорам либо конфликтам.

Объектом являются права ребёнка, выводимые из семейных отношений и оказавшиеся под влиянием внешнего воздействия – не семейного, а общественного, ущемляющего достоинства прав ребенка как человека. При этом главная забота

защиты детей от внешних угроз или даже насилия ложится на плечи родителей, не исключая в этом деле активного участия других субъектов (органы государства и общественности). Однако, по верному замечанию А.М. Нечаевой, «ребенок – не беззащитное существо, а обладатель права на защиту, которая предоставляется ему государством» [46, стр. 192]. В особых случаях такую защиту прав ребенка называют судебной защитой, что дополняет понятие «способы защиты семейных прав ребенка».

Судебной защите присуще два аспекта защиты прав ребенка: семейный и несемейный. При этом, не разграничивая первого от второго, судебная защита является основной формой проявления защиты, точнее способом юрисдикционной защиты прав и интересов ребенка. Судебная защита в должной мере может оказать положительное влияние на улучшение условий детей, в частности тех детей, находящихся в особо тяжелых условиях. В этом разделе судебная статистика является важным показателем реального обеспечения гарантии защиты семейных прав ребенка. Хотя на сегодняшний день оно складывается не на самом хорошем уровне, но весьма наглядно можно его оценить как эффективную защиту семейных прав ребенка. Если проследить статистические данные семейных дел в суде первой инстанции Верховного Суда Республики Таджикистан, Суда ГБАО, областных судов, суда города Душанбе, районных судов, то за последние годы количество рассмотренных судебных споров по защите семейных прав ребенка хронологически выглядит так:

- в 2016 г. рассмотрены о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка – 10946 дел; об оспаривании отцовства – 2393 дела; о лишении родительских прав – 62 дела; об установлении места жительства ребенка – 698 дел; об установлении факта признания отцовства – 644 дела; об установлении усыновления – 1368 дел; об отмене усыновления -11 дел [71];
- в 2017 г. рассмотрены о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка – 10356 дел; об оспаривании отцовства -2070 дел; о лишении родительских прав -72 дела; об установлении места жительства ребенка – 486 дел; об установлении факта признания

отцовства – 499 дел; об установлении усыновления – 1159 дел; об отмене усыновления -14 дел [71];

- в 2018 г. рассмотрены о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка – 10633 дела; об оспаривании отцовства-2095 дел; о лишении родительских прав -86 дел; об установлении места жительства ребенка – 448 дел; об установлении факта признания отцовства – 651 дело; об установлении усыновления – 1206 дел; об отмене усыновления – 41 дело; об общении с ребенком – 497 дел [71].
- в 2019 г. рассмотрены о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка – 10653 дел; об оспаривании отцовства – 2076 дел; о лишении родительских прав – 86 дел; об установлении места жительства ребенка – 475 дел; об установлении факта признания отцовства – 416 дел; об установлении усыновления – 1 377 дел; об отмене усыновления -14 дел; об общении с ребенком – 655 дел [71].

По сути, судебная статистика показывает, что за последние годы явно намечается тенденция роста рассмотрения семейных дел по вопросам об общении родителей с ребенком. Аналогично такую картину можно наблюдать и по другим аспектам судебной защиты семейных прав ребенка (рассмотрены дела о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, об установлении факта признания отцовства, об установлении усыновления и др.). Эти факты больше всего возникают в процессе заключения брачного союза, ненадлежащей реализации прав и обязанностей супругов по воспитанию, общению, содержанию и нормального нравственного, психологического и физического развития ребенка, низкого уровня семейно-брачной культуры, развода, либо проживания ребенка в неполной или асоциально -деформированной семье и др. В качестве основного фактора, от которого всё чаще возникают социальные проблемы, и от которого семьи испытывают достаточно острый кризис и распад, выступает социально-экономическая и духовная нестабильность общества. При решении всех проблем семьи и детства особая роль на сегодняшний день отводится судебной защите прав ребенка. В судебном порядке рассмотрение семейных дел

– важная составляющая деятельности суда по урегулированию и разрешению споров, векторно направленных на интересы семьи и детства.

Судебная защита традиционно ассоциирует такие термины, как порядок, стабильность и надежность защиты. Для защиты прав ребенка от внутренних и внешних угроз судебная защита выступает универсальным способом защиты. Процессуальной азбукой для последнего может служить ст. 4 ГПК, где подчеркивается: «Каждое заинтересованное лицо имеет право в порядке, установленном гражданским судопроизводством, на судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов» [2]. Данная статья ГПК РФ устанавливает общие формы проявления споров и конфликтов, подведомственных только гражданскому судопроизводству, но не конкретизирует порядок оспаривания отдельных видов нарушенных субъективных прав граждан. Исходя из содержания указанной нормы, следует констатировать, что при нарушении семейных прав ребенка, родители либо сам ребенок, но при участии родителей имеет право обратиться за защитой в суд. Последнее своей существенной характеристикой моделирует себя как способ защиты, что вполне соответствует юрисдикционной сущности и так называемой «судебной защите» или «охранительным правоотношениям».

Методологический данный аспект исследуемой проблемы заключается в анализе тех подходов и концепции, которые в современной доктрине семейного права не только обозначены, но и толкуются термином «судебные способы защиты семейных прав», равно как и «судебная защита» через понятие «юрисдикция». Истцом, ответчиком или заявителем выступают родители и по степени наступления дееспособности сами несовершеннолетние либо иные участники семейного правоотношения. То есть, это те условия, которые реализуются посредством рассмотрения судебной юрисдикции как разновидности способов защиты семейных прав ребенка. В основу теории способов судебной защиты, в частности семейных правоотношений, положено понятие «юрисдикция», такую деятельность стали называть «юрисдикционные способы защиты семейных прав ребенка». С семантической точки зрения определение категории «судебная защита» как разновидность юрисдикционной деятельности считается вполне корректной. Генетически

«судебная защита» производно от самой дефиниции «судебная юрисдикция», ведь в основе применения судебной защиты лежит факт «юрисдикции».

Понятие «юрисдикция» в законодательстве не закреплено, но в науке употребляется в контексте осуществления компетенций, полномочий, функций и деятельности органов государств, что воспринимается как институциональная форма проявления. Понятие «юрисдикция» разрабатывалось в научных исследованиях ученых-юристов, однако в его использовании нет пока единства в подходах. Между тем определение юрисдикции дано в юридическом словаре: «Юрисдикция (лат. Jurisditi) – установленная законом совокупность правомочий соответствующих госорганов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности либо неправомерности применять юридические санкции к правонарушителям» [102, стр. 447]. В таком сочетании дефиниция «юрисдикция» рассматривалась еще в советском энциклопедическом словаре, где «юрисдикция» (от латинского – суд, судопроизводство) определяется как круг полномочий судебного или административного органа по правовой оценке конкретных фактов, в том числе по разрешению споров по применению предусмотренных законом санкций [86]. По словам В.В. Денисенко «... хотя на этом языке данному понятию соответствует слово «justitio», а также толкование слов «jus», «disere» как разрешение конфликта или применение властью установленных правил» [36, стр. 5]. В продолжение сказанного обратимся к словам Л.Н. Галенской, которая под термином «юрисдикция» подразумевает не только правоприменительную деятельность государства, но и действие нормативного права в пространстве и по кругу лиц, включая и все способы реализации права» [33, стр. 35-38]. Обращая внимание на сложную структуру и многоаспектность дефиниции «юрисдикция», Н.А. Ушаков пишет: «Под юрисдикцией понимается осуществление государством своих властных полномочий; государственная власть, будучи единой, состоит из законодательной, исполнительной (административной) и судебной власти, что входит в понятие «юрисдикция» [100, стр. 10]. То есть, юрисдикцию можно характеризовать как деятельность, вытекающую из полномочий государственных органов, однако по форме

и сочетанию применения, оно особо проявляется в области судебной власти.

В научных исследованиях «юрисдикция» подразделяется на отдельные виды. В этом смысле одни ученые в понятие «юрисдикция» вкладывают осуществление деятельности и полномочий публичных образований, т.е. это деятельность, которая связана с гарантией обеспечения прав и законных интересов человека. Другие предлагают под дефиницией «юрисдикция» понимать нормативно-правовое установление деятельности соответствующих государственных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность (пресечение и разрешение правовых споров и решение дел о правонарушениях). Большинство исследователей при толковании термина «юрисдикция» связывают её с деятельностью суда, т.е. необходимо дать правовую оценку действия лица или иного субъекта либо применить к правонарушителям юридические санкции [31, стр. 14]. Также имеются и иные подходы, согласно которым понятие «юрисдикция» определяется как средство разрешения конфликта. Данную дефиницию связывают также с применением закона к юридическим конфликтам и принятием по ним правовых индивидуальных актов (актов юрисдикции) [19, стр. 148].

В крайние годы наблюдается существенный интерес исследователей к анализу юридических конфликтов [17; 32; 76; 80; 81; 98], в том числе и применительно к семейным отношениям [55; 56].

Выделяют две разновидности юрисдикции – предписывающую и правоприменительную, при этом последняя охватывает исполнительную и судебную юрисдикции [42, стр. 10].

Следует отметить, что юрисдикция – это деятельность (исполнительных, законодательных, судебных) органов государства, связанная не только с осуществлением защиты конституционных прав граждан, но и созданием для реализации этих прав наиболее благоприятных условий [72, стр. 610]. Функции юрисдикции реализуются посредством рассмотрения и разрешения споров или конфликтов, повлекших за собой применение меры принудительного характера.

Можно резюмировать, что юрисдикционная деятельность является комплексным правоотношением, включающую как административную, так и судебную юрисдикции, отличающиеся по характеру друг от друга не только по мере

наступления, но и по способу применения. В этом смысле судебная защита, являясь разновидностью юрисдикционных способов защиты, составляет, по нашему мнению, основу процессуального регулирования споров и разрешения дел различного характера, в частности, семейного. Например, В.Б. Вершинин, рассматривая судебную защиту в узком и широком смысле, подчеркивает: «Судебная защита в самом общем виде (узком смысле) определяется как регламентированная нормативными правовыми актами деятельность органов судебной власти, основным содержанием которой является обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства. Судебная защита в широком смысле представляет собой объединенную общими принципами права совокупность взаимосвязанных материальных и процессуальных норм, закрепляющих юрисдикцию суда, его надлежащую организацию, статус судей, судебные процедуры и другие аспекты осуществления деятельности органов судебной власти в целях преодоления препятствий в реализации юридического статуса субъектов права, восстановления их нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов» [30, стр. 10]. В таком понимании судебная юрисдикция как специфическая комплексная категория не лишена семейно-правового содержания.

Правильно отмечает О.Ю. Косова: «Форма защиты семейных субъективных прав – это установленные законодательством, определяемые особенностями и юрисдикции субъекта (правоохранительного органа) правила его деятельности по рассмотрению и разрешению заявленных ему требований (обращений) о защите семейных прав и охраняемых законом интересов» [48, стр. 88].

Неизменно предметом обращения являются споры, не только вытекающие из семейных отношений, а также затрагивающие защиты прав и интересов ребенка. Семейные споры как разновидность правовых споров обычно возникают на почве, так называемых, «семейно-охранительных отношений». По словам Т.В. Трюфилькина, «Споры, которые возникают из семейных правоотношений, возможно сформулировать как вид правовых споров, которые возникают из взаимоотношений, регулируемых семейным законодательством» [93, стр. 334].

Юрисдикционная деятельность предполагает выполнение особых таких функций – исполнительно-распорядительной и право-

применительной. Процесс их реализации приурочен к принятию соответствующего правового акта в виде решения, постановления или протокола заседания. Последнее вытекает из реализации специально-охранительной функции тех или иных управомоченных органов государств, деятельность которых направлена на оказание правового воздействия и защиту общественных отношений, нуждающихся в охране. При необходимости такая защита производится с применением меры принудительного характера.

Из этого получается, что юрисдикция – это ничто иное как деятельность специально-уполномоченных органов государств. При классификации ее можно также отнести к деятельности органов суда, осуществляющих исследование и разрешение спорных также конфликтных правоотношений. Основным предметом спора или конфликта выступают нарушения материально-правовых норм, преследующие не только процессуальные формы оценки поведения, но и применение к правонарушителю мер юрисдикционного воздействия. Таким образом, можно полагать, что дефиниция «юрисдикция» в отличие от понятия «судебная защита» выступает родовым. Судебная защита – видовая категория «юрисдикции», что по специфике присуще любому судопроизводству.

Последнее, по словам В.А. Терехина «выступает наиболее надежным и цивилизованным способом разрешения возникающих в обществе конфликтов ... преимущественно благодаря ее особой процессуальной процедуре» [91, стр. 55]. Ю.Ф. Беспалов, оценивая значимость судебной защиты, предлагает «расширение рамок судебной защиты семейных прав ребенка и утверждение судебной защиты как основной ее юрисдикционной формы» [27, стр. 107]. Важным является соблюдение всех принципов правосудия, которые призваны обеспечить основные условия функционирования независимости суда при справедливом разрешении правовых споров и защиты прав человека. В.Б. Вершинин, раскрывая признаки и сущность института гражданской судебной защиты, пишет, что «целью судебной защиты выступает обеспечение прав, свобод и законных интересов всех субъектов общественных отношений» [29, стр. 308]. Цели защиты прав производятся посредством реализации субъективного права – правом на обращение в суд. К таковым относится судопроизводство по защите семейных и трудовых прав несовершеннолетних [20,

стр. 183], что способствует в своем функционировании более полной реализации прав несовершеннолетнего на защиту [97, стр. 17].

Указанные критерии защиты несовершеннолетних намечаются в уголовном судопроизводстве, одной из основных задач которого является принятие законного, обоснованного и справедливого приговора на основании проведенного судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних [87, стр. 124].

Судебная практика служит той самой эмпирикой, эмпирической основой (наряду с документами и материалами правоприменительной практики и практики правореализации) для добротного, и уж тем более для фундаментального научно-правового исследования [23, стр. 3-6]. Следовательно, семейные права могут защищаться всеми допустимыми способами, предусмотренными действующим законодательством, как физическими лицами (чьи права нарушены или нарушаются), так и публичными органами (прокурор, органы опеки и попечительства) [96, стр. 63]. Следует отметить, что для восстановления нарушенных семейных прав, ребенок можно пользоваться несколькими формами защиты. Наиболее распространенным способом разрешения юридических споров и конфликтов, затрагивающих права детей, является судебный способ [79, стр. 126]. Среди всех существующих механизмов защиты, важнейшим является судебная защита [37, стр. 6]. В большинстве случаев семейные споры, затрагивающие интересы семьи и детей, рассматриваются в гражданском судопроизводстве.

Следовательно, судебная защита как разновидность юрисдикционных способов защиты семейных прав ребенка является одной из наиболее эффективно-правовых механизмов восстановления нарушенного или оспоренного права в условиях состязательности сторон, рассмотрения и решения дела. Основными критериями судебной защиты выступают решения дела не только в целях сохранения семьи, но и в целях защиты интересов ребенка. В таких отношениях всегда главным является обеспечение стабильности правового положения ребенка в ходе судебного производства, имеющие следующие особенности.

Во-первых, защите семейных прав ребенка в судебном порядке присуще два момента:

а) защита семейных прав ребенка при

представительстве или по инициативе родителей либо заменяющих их лиц;

б) защита семейных прав ребенка в суде органами опеки и попечительства (особенно, когда ребенок сам не в состоянии с учетом возрастных и процессуально-правовых возможностей отстаивать свое право на защиту).

Следует согласиться с А.А. Алексеевым, который выделил четыре группы несовершеннолетних, выступающих в качестве участника гражданского процесса:

- 1) лица, не достигшие возраста десяти лет, мнения которых по усмотрению суда и при вынесении решения суда будут учитываться (Например, выяснение мнения ребенка в случае определения его места жительства при раздельном проживании родителей);
- 2) лица в возрасте от десяти до четырнадцати лет, мнения которых обязательно для суда (Например, при решении вопросов об изменении их имени и фамилии, о восстановлении в родительских правах их родителей, об их усыновлении и т.д.);
- 3) лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, не имеющих полную дееспособность, но уполномоченных законом на самостоятельное ведение отдельных категорий гражданских дел;
- 4) лица, полностью дееспособные несовершеннолетние, т.е. эмансипированные [18, стр. 29].

Во-вторых, приоритетное начало для самостоятельного обращения в суд за защитой для ребенка является наличие гражданской процессуальной дееспособности. Право обращения в суд определяется наличием гражданской процессуальной дееспособности [59, стр. 143]. Следует отметить, что несовершеннолетние не всегда могут пользоваться процессуальной дееспособностью. В ч.1 ст. 39. ГКРТ указано: «Способность осуществлять своими действиями процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела представителю (гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим восемнадцатилетнего возраста, и юридическим лицам». Исключением для наступления в полном объеме дееспособности (ст.28 ГКРТ) может стать признание судом в установленном законом порядке несовершеннолетнего лица

эмансипированным. В этой связи в ГПК РТ установлено, что участие несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве, где главный акцент ставится на возрастные особенности, проявляется в трех формах. В первом случае речь идет о полном самостоятельном осуществлении права на защиту самим несовершеннолетним. Законодатель в процессе такой защиты неслучайно отрицает необходимость участия законных представителей. Данное правило установлено в ч.2 ст.39 ГПК РТ: «Несовершеннолетний может лично осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности с момента вступления в брак или признания его полностью дееспособным (эмансипированным)». В случае объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным эмансипация производится по решению органов опеки и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия по решению суда (ч.1 ст.28 ГК РТ). С момента принятия такого решения эмансипированные лица самостоятельно отвечают по всем своим обязательствам. Напротив, родители, усыновители и попечители не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда (ч.2. ст.28 ГК РТ). Необходимо признать, что данное правило является юрисдикционным способом защиты. Несовершеннолетний, в достаточной степени обладающий психической зрелостью становится не только независимым от законных представителей, но и приобретает самостоятельный статус субъекта комплекса отраслей права (налогового, гражданского, семейного, административного и т.д.). Следует отметить, что даже сфера действия и реализации субъективных прав эмансипированных установлена в Законе Республики Таджикистан «Об исполнительном производстве» от 20 марта 2008 г.: «Несовершеннолетний, достигший возраста 16 лет, может самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности в исполнительном производстве в случае объявления его полностью дееспособным (эмансипация) (ч.2 ст.34)» [5] В целом можно согласиться с мнением Д.Ю. Гришмановского, который пишет «эмансипированные – это несовершеннолетние, достигшие надлежащей степени физического, психического и социального развития ...» [34, стр. 13]. По словам С.В. Букшина, «Такой

подросток признается достигшим такой социальной зрелости, которой обладает взрослый гражданин» [28, стр. 3]. Поэтому эмансипированных не следует относить и даже приравнять к категориям неэмансипированных несовершеннолетних или дееспособных в неполном объеме. Следует руководствоваться с ч.2 ст.61 СК РТ, в которой говорится: «Родительские права, предусмотренные настоящей главой, прекращаются по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия».

Второе условие связано с необходимостью применения института представительства при защите прав и законных интересов несовершеннолетних и необходимости участия этой категории в гражданском судопроизводстве. В этой связи отметим, что степень наступления дееспособности несовершеннолетних от 14 до 18 лет характеризуется как частичная, так как все действия, требующие официального оформления, могут быть произведены только с письменного согласия родителей или лиц, их заменяющих. Законом также установлено, что несовершеннолетние указанного возраста без согласия родителей вправе осуществлять авторство, быть вкладчиком в кредитных учреждениях и самостоятельно распоряжаться вкладами, совершать мелкие бытовые сделки, быть членами юношеских общественных объединений и т.д. Конечно, это комплексное субъективное право ребенка, а не процессуальное. Когда речь идет о судебном способе защиты семейных прав ребенка, родители и заменяющие их лица выступают в качестве законных представителей, для которых не требуется оформление доверенности [54, стр. 244]. По словам Н.П. Дудина «...выступать в качестве таковых, поскольку являются равнозначными представителями несовершеннолетнего и обязаны законом защищать его права и интересы» [38, стр. 104].

Нарушение данного правила Закона можно рассматривать как существенное нарушение прав участников гражданского судопроизводства. В этой связи в ч.1 ст.64 СК РТ говорится, что: «Защита прав и интересов несовершеннолетних детей возлагается на их родителей. Родители являются законными представителями своих

детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий». Данный подход законодателя конкретизирован в ч. 3 ст. 39 ГПК РФ: «Права, свободы и охраняемые законом интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет защищают в процессе их законные представители...».

Процессуальный интерес родителей и лиц, их заменяющих как законных представителей не всегда может совпадать с интересами судебного процесса. В части второй п.3 ст.39 ГПК РФ говорится: «однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних». Получается, что несовершеннолетние от 14 до 18 лет в судебном процессе выступают в качестве участника, основанием для которого может послужить привлечение судом их в делах о несовершеннолетних, но может быть по другим спорам или конфликтам, вытекающих из семейных правоотношений.

Следовательно, несовершеннолетние от 14 до 18 лет – это лица, не обладающие полной дееспособностью. Права, свободы и охраняемые законом интересы граждан, не обладающих полной дееспособностью, защищают в суде их родители, усыновители (усыновитель), опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено законом (ч.1 ст.54 ГПК РФ). Следует упомянуть, что ребенок – самостоятельный субъект права. Однако он не обладает потенциальной возможностью самостоятельно обратиться за защитой нарушенных семейных прав в органы правосудия, так как данное право дополняется и реализуется с учетом процессуальных прав родителей и лиц, их заменяющих. Это не значит, что ребенок, не достигший возраста дееспособности, лишен права на судебную защиту. Право участия несовершеннолетнего в судебном производстве не ограничивают. В указанном случае ГПК РФ говорит о том, что несовершеннолетнего с позиции гражданского процессуального права должны вовлекать в процесс в качестве свидетеля. Данный подход отчетливо прослеживается и детализирован в ч.1 ст.183 ГПК РФ: «Допрос свидетеля в возрасте до четырнадцати лет производится с участием педагога, а по усмотрению председательствующего на судебном заседании допрос свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет также может производиться с участием педагога,

который вызывается в суд.

В случае необходимости вызываются также родители, усыновители, опекун или попечитель несовершеннолетнего свидетеля. Указанные лица могут с разрешения председательствующего на судебном заседании задавать свидетелю вопросы, а также высказывать свое мнение относительно личности свидетеля и содержания данных им показаний». Из вышеизложенного следует, что несовершеннолетние от 14 до 18 лет – это по существу разные возрастные группы, различается объем не только их прав, но и обязанностей. Независимо от объема прав и обязанностей указанные категории участвуют в судебном производстве только через законных представителей. При этом они занимают положение лица, участвующего в деле (истца, ответчика и т.д.), или свидетеля. Они могут участвовать при рассмотрении таких процессуальных вопросов, связанных с подсудностью семейных дел либо споров и конфликтов – невыполнение или ненадлежащее выполнение родителями (одним из них) обязанностей по содержанию, воспитанию, образованию ребенка или злоупотребление родительскими правами, необходимость установления отцовства матерью, достигшей четырнадцатилетнего возраста и др. В случае необходимости, когда вызывается несовершеннолетний в качестве свидетеля в суд, то участие педагога, психолога или иных носителей специальных знаний считается необходимым. Как справедливо отмечает О.Л. Мороз, «Ведь именно для преодоления психологических барьеров, ограждения от возможных травм психики несовершеннолетнего свидетеля и оказания помощи при даче показаний привлекается такой специалист. Кроме того, очевидно, что без участия психолога суд не в состоянии определить, насколько сказались те или иные возрастные особенности несовершеннолетнего свидетеля, на качестве запечатленной им информации» [64, стр. 296]. Педагог или психолог в гражданском процессе числится как незаинтересованное лицо, так как они участвуют в процессе на правах специалиста либо носителей специальных знаний. В таких процессах, где участвуют несовершеннолетние, суд, основываясь на процессуальных формах и действиях, привлекая педагога и психолога, преследует единую цель – обеспечение более эффективного осуществления судопроизводства. Данная процедура применяется при проведении следственных действий с участием

несовершеннолетних, где требуется участие педагога или психолога. Основным критерием для такого назначения служит возраст несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, страдающий психическим расстройством либо отставшим в психическом развитии [88, стр. 144].

Участие педагога и психолога, скажем, в уголовном судопроизводстве, продолжает оставаться актуальной проблемой [69; 101].

Третье условие связано с необходимостью личной защиты в суде своих прав и законных интересов несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Дети имеют право на защиту установленные охранительными нормами права. В этом смысле, по словам К.И. Бабина: «Судебная защита нарушенных прав и свобод является одним из таких способов» [25, стр. 48]. Вместе с тем он отмечает, что «защита прав несовершеннолетнего возможна и необходима не только средствами уголовного права и процесса, но и средствами гражданского процесса» [24, стр. 170]. «Последнее, – как отмечает Е.Т. Барбакадзе, – позволит несовершеннолетним лицам в исключительных случаях на общих основаниях участвовать в процессе рассмотрения гражданского дела» [26, стр. 25]. В законодательстве Республики Таджикистан заложены юрисдикционные механизмы участия несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве. В частности, ч.4 ст. 39 ГПК РТ предусматривает две формы участия несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в судебном процессе.

В первом случае речь идет о порядке личного участия несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в суде защищающих свои права по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений. В этой связи отметим, что согласно п.16 Постановления Верховного Суда Республики Таджикистан от 19 декабря 2008 года № 12 «О порядке подготовки гражданских дел к судебному заседанию» установлено, что гражданские дела, затрагивающие права и интересы несовершеннолетних от 14 до 18 лет, судья обязан их привлекать в качестве участника дел [6, стр. 348]. Представляется, что данная процедура имеет особое значение в деле защиты и восстановления нарушенных прав несовершеннолетних. В частности, эта процедура даёт детям дополнительные гарантии того, что они смогут воспользоваться

существующими механизмами защиты от принудительного труда, от недобросовестных родителей, не занимающихся их воспитанием, от усыновителей, которые нарушают свои обязательства относительно принятых на воспитание детей [70, стр. 127-128], так как они выступают в качестве одной из сторон либо в силу указанных правил активным участником судебного процесса (истец, ответчик или заявитель).

Во втором случае инициатива определения процессуального статуса несовершеннолетних переходит к компетенции суда, рассматривающего дело с участием этой категории граждан. Учитывая специфику разбирательства дел с участием несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет «суд вправе привлечь к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних» (ч. 4 ст. 39 ГПК РТ). В данном моменте несовершеннолетние выступают участниками судебного разбирательства, а его права и законные интересы защищаются родителями или заменяющими их лицами, которым это право предоставлено законом. В этой связи отметим, что согласно п.16 Постановления Верховного Суда Республики Таджикистан от 19 декабря 2008 года № 12 «О порядке подготовки гражданских дел к судебному заседанию» установлено, что гражданские дела, вытекающие из защиты прав и интересов несовершеннолетних, не достигших 14 лет, рассматриваются с участием законных представителей, в частности, родителей (лиц, их заменяющих) [6, стр. 348].

В таком порядке законные представители совершают от имени представляемых все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым с ограничениями, предусмотренным законом (ч. 4 ст. 54 ГПК РТ). Несовершеннолетние в рамках установленного процессуального положения в ходе рассмотрения и разрешения дела в суде осуществляют защиту своих прав и законных интересов, что является достаточно действенным охранительным механизмом защиты этой категории. Данный механизм больше всего ориентирован на сближение гражданско-процессуального положения несовершеннолетних с семейно- правовым. Независимо от нарушения прав и законных интересов категория несовершеннолетних лиц, не достигших 18 лет, считаются несовершеннолетними. В этом смысле законодатель в одном случае допускает осуществление защиты несовершеннолетних в

возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в суде с участием их представителей и лиц, их заменяющих. В подобных случаях представители (родители, опекуны и попечители и др.) фактически выполняют функции участника (истца, ответчика и заявителя) в гражданском судопроизводстве. Однако необходимым является участие самого несовершеннолетнего в судебном производстве.

Что касается защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, не достигших 14 лет, то оно осуществляется посредством участия в суде законного представителя и лиц, их заменяющих. Права, свободы и охраняемые законом интересы эмансипированных несовершеннолетних защищаются при непосредственном их участии в суде. Однако, защита семейных прав как эмансипированных, так и неэмансипированных несовершеннолетних производится в суде общей юрисдикции.

Проанализировав теоретические подходы к первичности категории «юрисдикции» и вторичности «судебной защиты», а также возрастные пределы защиты семейных прав ребенка в суде невозможно обойтись без рассмотрения споров, вытекающих не только из семейных отношений, но и затрагивающих судебную защиту семейных прав ребёнка.

Предметом судебной защиты суда первой инстанции являются следующие споры, вытекающие из брачных и семейных отношений:

- рассмотрение дел о расторжении брака (ст. 21 СК РТ);
- защита имущественных прав несовершеннолетних детей при рассмотрении дел о расторжении брака (ст. 24 СК РТ);
- рассмотрение дел о признании брака недействительным (ст. 28 СК РТ);
- рассмотрение дел о лишении родительских прав (ст. 70 СК РТ);
- рассмотрение дел об усыновлении ребенка (ст. 126 СК РТ);
- рассмотрение дел об отмене усыновления (ст. 140 СК РТ)
- рассмотрение дел о взыскании алиментов (ст. 107 СК РТ).

Рассмотрение этих и других дел, связанных с семейными отношениями, рекомендовано в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О перечне семейных дел, подвергающихся рассмотрению судами

Республики Таджикистан» от 23 июня 2010 года № 31 [7, стр. 379].

Рассмотрение дел о расторжении брака является одной из разновидностей судебного разбирательства по предмету семейных правоотношений. В доктрине семейного права под расторжением брака (разводом) в судебном порядке понимается способ защиты семейных прав граждан, реализуемый в рамках юрисдикционной формы, поскольку суд наделен определенными полномочиями в решении вопроса сохранения брака [40, стр. 8]. Вместе с тем, на наш взгляд, только судебная процедура способна в полной мере учесть при вынесении решения о расторжении брака все сопутствующие этому процессу вопросы, в том числе, соблюсти интересы несовершеннолетних детей [62, стр. 46-47]. Поэтому, предоставление суду права в исключительных случаях возбуждать процесс по своей инициативе значительно в большей степени отвечает задачам полной и всесторонней защиты семейно-правовых интересов, особенно интересов ребенка [90, стр. 47-48].

Условия и порядок расторжения брака установлены главой 4 СК РТ. В тоже время СК РТ регламентирует расторжение брака в административном порядке. Более того в ст.21 СК РТ заложены причины прекращения брака в судебном порядке. В частности в ч.1 ст.21 СК РТ установлено, что «Брак расторгается в судебном порядке при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей, за исключением случаев, предусмотренных Законом Республики Таджикистан «О государственной регистрации актов гражданского состояния», или при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака». При этом в ч.1 ст. 17 СК РТ в особом порядке установлена защита прав интересов детей, не достигших совершеннолетия при производстве судебного процесса при расторжении брака: «Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело в суде о расторжении брака во время беременности жены и в течение полутора лет после рождения ребенка».

Основной формой обращения в суд о расторжении брака является заявление одного из разводящихся супругов. Главное, что заявление о расторжении брака должно соответствовать предлагаемым требованиям ст. 131 ГПК РТ. Важным аспектом данного вопроса является соблюдение процессуальных сроков рассмотрения семейных

дел. В этой связи в п.1 Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О процессуальных сроках рассмотрения и решения гражданских и семейных дел» от 14 июня 2013 года № 4 обязывает суд и судьи о своевременном рассмотрении и решении гражданских и семейных дел [8, стр. 410].

К исковому заявлению о расторжении брака необходимо приложить следующие документы и сведения: свидетельство о заключении брака, сведения об уплате госпошлины, копии свидетельств о рождении детей, справка о заработной плате и т.д. Развод мотивирован на воле одной или обоих супругов, которые выражается по причине невозможности дальнейшего совместного проживания. При чем оно выражается на основании заявления о расторжении брака, где в форме требования предлагается решение комплекса вопросов (развод, раздел имущества, взыскание алиментов и др.) В исковом заявлении истца должны содержаться сведения о регистрации брака, в частности, сведения о детях от этого брака и их возраст, соглашение о воспитании и содержании детей, также мотивы развода и т.д. Следует отметить, что при расторжении брака в судебном порядке суд принимает меры к примирению супругов и вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах шести месяцев, если отсутствует согласие одного из супругов на расторжение брака (ч.1 ст.22). Однако, если меры примирения оказались безрезультативными и не могут способствовать сохранению семьи, брак в судебном порядке расторгается. При вынесении решения о расторжении брака суд должен выяснить следующие вопросы:

- соглашение о том, с кем из супругов будут проживать несовершеннолетние дети;
- определение размера средств на содержание детей и порядка выплаты.

По данным вопросам и дополнительно к ним по другим моментам родители должны составить соглашение, которое должно утверждаться судом.

В случае отсутствия соглашения между супругами, а также если будет установлено, что данное соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов, суд обязан:

- определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода;
- определить, от кого из родителей и в каком

размере будут взысканы алименты на содержание детей;

- произвести раздел имущества, находящегося в совместной собственности супругов по их (или одного из них) требованию;
- определить размер получения содержания по требованию супруга, имеющего право на получение содержания от другого супруга (ч.2 ст.24 СК РТ).

Следует отметить, что в каждой указанной статье СК РТ, затрагивающей в судебном порядке расторжение брака, в особом порядке установлены защиты семейных прав ребенка:

Во-первых, в судебном производстве о расторжении брака всегда затрагивается защита прав несовершеннолетних детей, в частности, по их содержанию и месте проживания или их потребности в алиментах. Даже если при разделе имущества затрагиваются права третьих лиц, суд обязан рассмотреть и разрешить данный вопрос в отдельном производстве.

Во-вторых, определение местожительства детей в процессе судебного разбирательства по делу расторжения брака с учетом их интересов и мнений. При этом учитывается возраст ребенка, его привязанность к родителям и лицам, их заменяющих либо иными близкими родными, имеющими отношение к ребенку. Моментом расторжения брака в суде является вступление решения суда в законную силу со дня его объявления (ч.1 ст. 25 СК РТ). Следовательно, расторжение брака в суде подлежит государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния в течение одного года после вступления решения суда в законную силу в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния (ч.2 ст. 25 СК РТ).

В этом смысле судебное решение по делам о расторжении брака характеризуется следующими специфическими особенностями. Во-первых, в нем отсутствует декларативный момент, поскольку предметом подтверждения в суде является волеизъявление супругов или одного из них о невозможности их дальнейшей совместной жизни; им не подтверждается наличие или отсутствие брачных правоотношений. Во-вторых, последствия вступления в силу решения суда об отказе в удовлетворении требования о расторжении брака являются исключением из общего правила о невозможности вторичного рассмотрения тождественного требования. В-третьих,

исполнение решения о расторжении брака осуществляется органами ЗАГС путем внесения изменений в книги записи актов гражданского состояния [62, стр. 11]. Следует отметить, что до вступления в силу решения суда о расторжении брака заинтересованные стороны имеют право на кассационную жалобу. Кассационная жалоба согласно п.8. ст. 5. Закона Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г. «О государственной пошлине» [4] от уплаты государственной пошлины освобождаются.

Одной из важнейших условий рассмотрения дел о расторжении брака в суде является защита имущественных прав несовершеннолетних детей. Ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи в порядке и размерах, установленных ч.1 ст.59 СК РТ. Ребенок имеет право собственности на полученные им доходы, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, и на любое другое принадлежащее ему имущество по закону (ч.2 ст.59 СК РТ). В остальных случаях имущественное право ребенка определяется соответствующими нормами гражданского законодательства Республики Таджикистан. Однако, он не имеет права собственности на имущество родителей, родители не имеют права собственности на имущество ребенка при их жизни ч.3 ст.59 СК РТ. Защита имущественных прав ребенка может стать темой судебного разбирательства при расторжении брака. Наряду с иными субъективными правами, за защитой которых обращается в суд, в предмет судебной защиты включаются интересы и других членов семьи. В частности, при разделе совместно нажитого имущества супругов учитываются интересы несовершеннолетних детей [45, стр. 9].

В этой связи ч.2 ст. 39 СК РТ гласит: «Суд вправе увеличить долю одного из супругов в их общем имуществе, исходя из интересов несовершеннолетних детей, а также совершеннолетних нетрудоспособных детей, нуждающихся в заботе или заслуживающего внимания интереса одного из супругов». Либо вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и другие), передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети (ч.5 ст. 39 СК РТ).

Таким образом, в действующем СК РТ

установлены четкие процедуры судебной защиты имущественных прав ребенка при расторжении брака в судебном порядке. Исследователи разработали различные концепции, направленные на решение данного вопроса. Однако, они приходят к выводу, что охранительные правовые нормы, защищающие имущественные права несовершеннолетних в Семейном Кодексе не значительны. В семейном законодательстве не определена дефиниция имущественных интересов несовершеннолетних. Все это может отрицательно сказаться на трактовке этого понятия судами. Данная тенденция наблюдается и в нашем законодательстве, в СК РТ защите имущественных интересов несовершеннолетних посвящена всего одна статья (ст.60), а его элементы разбросаны по другим статьям семейного законодательства (ч. 5 ст. 38, ч.2 ст.39, ст.89, ст.100, ст.107 и др.), что явно недостаточно. Поэтому мы предлагаем для наилучшего обеспечения интересов ребенка в семейном кодексе расширить не только правомочия, но и участие самых несовершеннолетних в имущественных отношениях.

Что касается рассмотрения дел о признании брака недействительным (ст.28 СК РТ), то, во-первых, недействительность брака уже давно признана как один из важнейших институтов семейного права. Его теоретические и практические проблемы достаточно широко затрагиваются многими законодателями как в России, в странах СНГ и за рубежом. Во-вторых, несмотря на разработанность указанной проблемы в СК РТ не дано определения самого понятия «недействительность брака» либо оно раскрыто с оговорками или под условием признания его как недействительной сделки. Видимо, по этой причине в теории сложились различные противоречащие друг другу. Более приемлемый и концептуальный подход к определению «недействительность брака» было предложено С.А. Муратовой и Н.Ю. Тарсамаевой: «Недействительность брака – это форма отказа государства от признания заключенного брака в качестве юридически значимого акта, выраженная в решении суда, вынесенном в порядке гражданского судопроизводства в связи с нарушением установленных законом условий заключения брака» [66, стр. 71]. Получается, что недействительность брака как социальное явление никем не признается, т.к. оно заключается в противоречии условий заключения брака, установленной законом. Поэтому в теории семейного

права разработаны две концепции о рассмотрении правовой природой категории «недействительность брака». При первом подходе брак с соблюдением установленных законом условий характеризуется как сделка. Соответственно, признание брака недействительным рассматривается как недействительная сделка. При втором подходе брак – не сделка. Раз сделки нет, то во всех его правовых последствиях не следует вести речь о недействительности сделки. Указанные подходы стали предметом поддержки ряд ученых (брак – сделка: М.В. Антокольская, А.Ю. Беспалов, И.А. Трофимец и др.); (брак – не сделка: Н.В. Сапрыкин, О.А. Рузакова, Е.Л. Невзгодина и др.).

Другой вопрос, что основанием признания брака недействительным может служить решение суда. Признание брака недействительным производится судом (ч.2 ст. 28 СК РТ). Суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда о признании брака недействительным направить выписку из этого решения суда в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации заключения брака (ч.3 ст.28 СК РТ). Такова природа недействительности брака, с момента заключения которого он признается недействительным. Однако, признание брака недействительным может затрагивать интересы ребенка. Отметим, что при любых обстоятельствах, когда суд рассматривает дела, вытекающие из семейных отношений, непременно затрагиваются права и интересы детей в таких отношениях. В частности, ч.3 ст.31 СК РТ гласит, что «Признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке или в течение трехсот дней со дня признания брака недействительным». Такой брак и его аннулирование не должны нарушать права и интересы ребенка, даже если такие действия были совершены по отношению частичного или полного аннулирования брачного договора. В целом, в СК РТ установлен комплекс мер, позволяющих не допустить нарушения прав и интересов ребенка при любых формах прегрешение брака в условиях признания брака недействительным.

Важным способом юрисдикционной защиты семейных прав ребенка является судебное рассмотрение дел о лишении родительских прав. Лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, как и

предусмотрено Семейным кодексом Республики Таджикистан как санкция и мера ответственности, применяемая за совершение родителями правонарушения в отношении ребенка [41, стр. 51].

Лишение родительских прав производится в судебном порядке в исковом производстве. Дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и других) [92, стр. 61-62]. Специфика рассмотрения дел о лишении родительских прав в судебном порядке предполагает обязательность участия прокурора и органов опеки и попечительства. Обязательность участия обусловлена тем, что больше затрагивается прав и законных интересов ребенка. Поэтому при производстве дел о лишении родительских прав до принятия решения суда оно должно быть обстоятельно обоснованным и мотивированным.

Также важно указать в решении суда о лишении родительских прав, кому передается ребенок на воспитание или с кем он остается. Однако, как показывает судебная практика, последнее правило не всегда соблюдается. Например, решением Суда района И. Сомони от 25 декабря 2018 года Ходжи Мухаммад Васил Мухаммад Аюб Сахихон, временно проживавший в г. Душанбе, в отношении своих детей был лишён родительских прав. Причина указывается в материалах семейного дела – издевательство, грубое обращение, применение домашнего насилия и другие действия, унижающие честь и достоинство, и ограничивающие права и свободы ребенка как человека [11]. Однако в судебном решении о лишении родительских прав не указано, кому передается ребенок на воспитание или с кем остается (с матерью), так как при лишении родительских прав обоих родителей ребёнок передается на попечение органов опеки и попечительства, а при лишении родительских прав одного из родителей ребенок остается с другим.

В литературе лишение родительских прав в судебном порядке признается крайней мерой

семейно-правовой ответственности и воспринимается как противоправное поведение родителей, совершившие в отношении своих детей. В этом смысле в семейном законодательстве установлена ответственность в виде ограничения или лишения родительских прав. Так, по словам И.Ю. Семенова: «Если же в семье нарушаются права ребенка, государство заинтересовано в пресечении нарушений такого рода. Принимая меры для обеспечения нормальных и здоровых условий воспитания детей в семье, государство вправе принимать меры к родителям, которые уклоняются от этой функции» [83, стр. 38]. Поэтому в случае, если родители не осуществляют или осуществляют ненадлежащим образом родительские права, которые являются одновременно и обязанностями, то они несут ответственность, предусмотренную уголовным, административным и семейным законодательством [57, стр. 52].

Следует отметить, что в Республике Таджикистан вопросы семейного воспитания и связанные с ним другие правоотношения детей регламентируются нормами СК РТ. В этой связи в ч. 2 ст. 55 СК РТ подчеркивается: «Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье. Ребенок имеет право на заботу со стороны родителей, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства». При грубом неисполнении последнего родители несут ответственность. По отношению одного или обоих родителей применяются меры семейно-правовой ответственности соответственно в виде ограничения (ст. 74 СК РТ), лишения родительских прав (ст. 69 СК РТ), а также отобрания ребенка у родителей в юрисдикционном порядке (ст. 73 СК РТ). Цель указанных семейно-правовых мер ответственности одна – защита интересов ребенка. В этом ракурсе относительно лишения родительских прав отметим, что в Семейном кодексе Республики Таджикистан установлен перечень оснований, послуживший поводом для лишения родительских прав.

Так, с позиции ст. 69 СК РТ основанием лишения родительских (одного из них) прав являются, если они:

- уклоняются от выполнения своих родительских обязанностей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;
- отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома

(отделения) либо из иного лечебного или воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или других аналогичных учреждений;

- злоупотребляют своими родительскими правами;
- жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность;
- являются хроническими алкоголиками или наркоманами;
- совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга.

Порядок лишения родительских прав производится в судебном порядке. Одним из важных вопросов, которые решает суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав является взыскание алиментов на ребенка с родителей (ч. 3 ст. 70 СК РТ). Если суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав обнаружит в действиях родителей (одного из них) признаки уголовно-наказуемого деяния, он обязан уведомить об этом прокурора (ч. 4 ст. 70 СК РТ). При наличии обстоятельств, прямо подтверждающих вину родителей, в отношении детей или других членов семьи прокурор возбуждает уголовное дело.

Таким образом, родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей (ч. 1 ст. 71 СК РТ).

При применении данной меры семейно-правовой ответственности неизменно встают права ребенка на содержание от родителей. Жилищные вопросы детей решаются судом в соответствии с жилищным законодательством. Другие имущественные права ребенка (право на получение наследства) при решении родительских прав, основанных на факте родства, сохраняются. При лишении родительских прав обоих родителей ребёнок передается на попечение органов опеки и попечительства. По истечению срока давности лишения родительских прав (одного из них) допускается усыновление ребенка. ст. 72 СК РТ предусматривает порядок восстановления судом

родительских прав, для которых могут послужить основанием изменение или улучшение поведения родителей в отношении воспитания и содержания ребенка. Защита прав ребенка при установлении усыновления является важной и приоритетной политикой нашего государства.

Понятие усыновления можно связывать с различными правовыми явлениями, но рассмотрение его в контексте проблемы защиты семейных прав ребенка, преследующий главную цель – гарантировать право ребенка на достойные условия семейной жизни трактуются как спектр приоритетных задач социальной политики государства по улучшению положения детей, лишенных родительского попечения.

Исследователи И.Ф. Сагитова и С.А. Хасанова полагают, что «усыновление (удочерение) – это воспитание неродного ребенка и создание благоприятных условий для его развития – содержания, воспитания и образования, а также защита его прав и интересов» [78, стр. 208]. По словам А.Н. Левушкина: «При усыновлении закон исходит из основного принципа семейного законодательства – обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей» [58, стр. 73]. В целом, как утверждает О.А. Михейкина: «Усыновление (удочерение) является важнейшим институтом нашего общества, механизмом, позволяющим устраивать в семьи детей, оставшихся без попечения родителей, давая им новую возможность жить и воспитываться в нормальных, полноценных семьях» [63]. Усыновление – одна из форм осуществления гарантии защиты семейных прав и интересов ребенка. Усыновление является сложным механизмом правоотношений между усыновителем и усыновляемым, позволяющим устраивать в семьи детей лишённых своего семейного окружения.

Усыновление производится судом по заявлению лиц (лица), желающих усыновить ребенка. В соответствии с п.2 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 2 октября 2003 года № 17 «О практике рассмотрения дел об усыновлении» отмечается, что усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей, лишенных родительской опеки, в связи со смертью родителей... только в их интересах [10, стр. 297]. Рассмотрение дел об усыновлении производится судом в порядке особого производства (ч.1 ст.126 СК РТ). Основанием для усыновления является

юридический акт компетентного государственного органа, по действующему законодательству – решение суда [95]. До рассмотрения судом заявления об усыновлении органы опеки и попечительства обязаны произвести обследование условий жизни лица, желающего усыновить ребенка, выяснить, отвечает ли усыновление интересам ребенка, не имеется ли препятствий для усыновления, а также выявить отношение ребенка к усыновителю и его на усыновление и представить суду свое заключение о возможности усыновления (ч. 3 ст.126 СК РТ). В целом, решение об усыновлении принимается судом. В этом случае права и обязанности усыновителя и усыновленного ребенка возникают с момента вступления в законную силу решения суда об установлении усыновления ребенка (ч. 5 ст.126 СК РТ). Необходимым условием усыновления ребенка является его государственная регистрация в органах ЗАГС. Для соблюдения данного правила суд обязан в течение трех дней со времени вступления в законную силу решения суда об установлении усыновления ребенка направить выписку из этого решения суда в органы записи актов гражданского состояния по месту вынесения решения (ч. 5 ст. 126 СК РТ). Усыновителями могут стать только дееспособные граждане, данный критерий учитывается органами опеки и попечительства. В этой связи в ст. 127 СК РТ установлен перечень оснований для лиц, пожелавших стать усыновителями, соблюдение условий для которых являются обязательными. При усыновлении ребенка учитывается разница в возрасте между усыновителем и усыновленным (ст. 128 СК РТ), а также согласие родителей на усыновление ребенка (ст. 129 СК РТ), мнение усыновляемого ребенка, достигшего десяти лет (ч. 1 ст. 132 СК РТ) необходимо. Следовательно, семейное законодательство допускает усыновление без согласия родителей, если они признаны судом безвестно отсутствующими, недееспособными либо лишены судом родительских прав и др. (ст. 130 СК РТ).

Особое значение в области правового регулирования института семейной тайны следует уделить проблеме сохранения тайны усыновления (удочерения) [77, стр. 31-33]. В соответствии с ч. 1 ст. 139 СК РТ тайна усыновления ребенка охраняется законом. Судьи, вынесшие решение об усыновлении, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом

осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка. Лица, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке (ч. 2 ст. 139 СК РТ). В целом усыновление (удочерение) – это не только самостоятельная форма устройства детей, лишенных родительской опеки, но и обязанность органов публичной власти осуществлять в таких случаях особую заботу о детях, нуждающихся в полноценном семейном воспитании. Как элемент семейного права ребенка в рамках реализации усыновления решается комплекс вопросов, связанных с обеспечением физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка. Учитывая важность этого института в воспитании и развитии ребенка, законодатель отнес его к разновидности юрисдикционных способов судебной защиты семейных прав ребенка. Следует отнести институт усыновления к категории комплексного института права (семейного, гражданского и гражданского процесса и др.).

В компетенции суда представлен не только вопрос об установлении усыновления, но и принятие решения о его отмене. Порядок правового регламентирования рассмотрения дел судом об отмене усыновления установлен в нормах ГПК РТ и СК РТ. В ч.1 ст.140 СК РТ достаточно четко установлено положение, характеризующее производство в судебном порядке отмены усыновления ребенка. Как справедливо отмечает исследователь Е.А. Семенова, «поскольку рассматриваемая категория представляет собой совокупность именно гражданских процессуальных норм, регламентирующих порядок рассмотрения и разрешения дел об отмене усыновления...» [82, стр. 8]. Здесь не исключается причастность нормы семейного права. Однако, по общему требованию правом на предъявление иска об отмене усыновления имеют:

- биологические родители усыновленного ребенка;
- сам усыновленный ребенок (достигший возраста 14 лет);
- усыновители.

Также в качестве истца по делу об отмене усыновления судом могут участвовать органы опеки и попечительства и прокурор. В этой связи ч. 2 ст. 140 СК РТ гласит, что дело об отмене усыновления ребенка рассматривается с участием

органов опеки и попечительства, а также прокурора. В юридической литературе условно установлены две формы отмены усыновления:

- 1) отмена усыновителя по вине усыновителя (уклонение от выполнения обязанностей, злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с усыновленным ребенком и др.);
- 2) отмена усыновления при отсутствии виновного поведения усыновителя (заболевание усыновителя, несложившиеся близкие отношения между усыновленным и усыновителем и др.) [73, стр. 175].

В целом, усыновление может быть отменено как по вине, так и при отсутствии вины усыновителей [74, стр. 76].

Таким образом, институт усыновления – по характеру бессрочные отношения, которые устанавливаются только решением судов. В нынешних условиях институт усыновления признан как приоритетная форма семейных правоотношений, складывающихся между усыновленным (ребенка) и его усыновителем. Как правоотношение, усыновление приравнено к семейному праву, однако, в силу отсутствия кровных и родственных факторов как таковым оно не всегда может являться семейным. Здесь наиболее интересным подходом являются, на наш взгляд, заменяющие кровные и родственные факторы между усыновленным и усыновителем, оказавшими влияние на их взаимоотношения. Это выражается в проявлении комплекса человеческих ценностей (основанной на любви и ласке, чувства материнства и отцовства, желании заботиться о ребенке, понимании и оценке его роли в будущем как опоры и поддержки в старости и т.д.). Эти ценности в дальнейшем могут служить не только потенциальной моделью отношений между усыновляемым и усыновителем, но и во благо функционирования института усыновления (удочерения). И все же понятие «усыновление» помимо прочего несет также в себе и значительную духовно-нравственную нагрузку, чем правовое. Здесь, по нашему мнению, особое значение имеет четкое разделение и построение ролей как усыновляемого, так и усыновителя на базе духовно – нравственного фона, являющегося той константой, на основании которой формируются поведенческие модели функционирования института усыновления. Однако, весь этот сложный процесс в наибольшей мере затрагивает методологические

и функциональные подходы теоретиков и практиков, обеспечивающих не только стабильность данного института, но и расширение его диапазона и границы как способов защиты семейных прав ребенка.

Юрисдикционная защита семейных прав ребенка также осуществляется в процессе рассмотрения дел судами о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних. Рассмотрение дел о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних производится с учетом принципа допустимости правосудия. Последнее гарантирует создание государством каждому заинтересованному лицу необходимость условий для реализации права на рассмотрение его дела в судебном порядке [94, стр. 177].

Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей установлено в главе 13 СК РТ. В ч. 1 ст. 80 СК РТ говорится, что родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и формы предоставления содержания детям определяются родителями самостоятельно. В этом смысле заключение соглашения об уплате алиментов может служить важной формой содержания несовершеннолетних детей. В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на их содержание (алименты) взыскиваются с родителей в установленном судебном порядке (ч. 3 ст. 80 СК РТ). Последнее производится в суде первой инстанции. В ч. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О практики реализации судами нормы Семейного кодекса Республики Таджикистан при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов для обеспечения ребенка» от 16 декабря 2004 № 12 установлено, что иск о взыскании алиментов может быть предъявлен в любое время существования этого права [9, стр. 333].

Производства по делам о взыскании алиментов осуществляются в двух друг от друга отличающихся формах:

- 1) судебном-приказном порядке и
- 2) судебном-исковом производстве.

В соответствии со ст. 123 ГПК РТ «Приказ – судебный акт, вынесенный по заявлению о взыскании денежной суммы или истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным ГПК РТ» [1]. Одним из случаев вынесения приказа является заявленное

требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних, несвязанное с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц или взысканием алиментов в твердой сумме (ст. 124 ГПК РТ). Судебный приказ выносится на основании письменного заявления заявителя. В приказном производстве алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются в упрощенном порядке, то есть без стадии судебного разбирательства, на основании особого постановления суда – судебного приказа [61, стр. 15]. В этом смысле чаще всего процедура защиты прав ребенка о взыскании алиментов производится при вынесении судебного приказа. В этом смысле Е.А. Царегородцева отмечает: «Целью приказного производства является повышение оперативности судебной защиты прав взыскателя и эффективности судопроизводства по гражданским делам, как в целом, так и по отдельному делу. При этом цель можно считать достигнутой только в том случае, когда осуществлена реальная защита прав, то есть исполнены требования судебного приказа» [99, стр. 20]. Однако, во всех остальных случаях взыскание алиментов для несовершеннолетних детей рассматриваются в исковом производстве.

Истцом по такому делу могут выступать лица, которые наделены правом на получение алиментов, а также и их законные представители (родители). Однако, в отдельных случаях таким правом, т.е. по предъявлении иска в суд, наделены органы опеки и попечительства. Предъявление иска органов опеки и попечительства по вопросу о взыскании алиментов в суд предусмотрено в ч. 4 ст. 80 СК РТ. Исковое заявление подается в суд в письменной форме (ч. 1 ст. 134 ГПК РТ). Следовательно, взыскание алиментов на несовершеннолетних детей в судебном порядке направлено на решения ряда процедурных вопросов при установлении размера алиментов (ст. 81 СК РТ) а также при необходимости (когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон) его производства в твердой денежной сумме (ст. 83 СК РТ). Например, при отсутствии соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей с их родителями взыскиваются судом ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей

– одной трети, на трех и более детей – половина заработка и иного дохода родителей (ч. 1 ст. 81 СК РТ). Судом может быть произведено уменьшение или увеличение алиментов, также освобождение об уплате алиментов, если дети находятся на полном содержании государства или общественной организации (ч. 3 ст. 81 СК РТ). Следует отметить, что на требования о взыскании алиментов не распространяется исковая давность. Однако, предъявление такого права как и на содержание, может продолжаться до достижения ребенком 18 лет.

Таким образом, надлежащая забота и содержание ребенка – это обязанность родителей. Однако, злостное уклонение родителей от содержания несовершеннолетних детей – это уголовно наказуемое деяние, т.е. злостное уклонение Уголовным кодексом Республики Таджикистан (далее – УК РТ) квалифицируется как преступление. В этом смысле ст.177 УК РТ гласит: «Злостное, то есть без уважительных причин, уклонение родителей более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, наказывается обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов или исправительными работами на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок» [3].

Уголовное законодательство государств – участников СНГ также относит злостное уклонение родителей от содержания несовершеннолетних детей к умышленным преступлениям. В Российской Федерации это ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Непосредственным объектом в интересующем нас аспекте выступают отвечающие требованиям закона отношения между родителями и детьми в части взаимного материального обеспечения [47, стр. 367].

Ввиду этого сегодня крайне показательным в данном вопросе является злостное уклонение от исполнения судебных решений, касающихся уклонения родителей от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Например, судом района И. Сомони г. Душанбе был приговорен к уголовной ответственности в виде исправительных работ гражданин Д.М. Мавлабиев, который в соответствии с решением Суда района И. Сомони г. Душанбе от 08 июня 2015 года и на

основании исполнительного листа под номером 2а-461 от 08 июня 2015 года с 1 июня 2015 года за воспитание и уход за своими несовершеннолетними детьми до достижения ими совершеннолетия обязался стабильно платить по 130 сомони в месяц в пользу гражданки Р.Д. Муратовой (бывшей жены). Однако Л.М. Мавлабиев злостно отказался от уплаты средств на содержание своих детей [12]. Следовательно, алиментоплательщик Баходур Раджабов, для которого Судом района И. Сомони г. Душанбе была установлена дата взыскания алиментов от 09 марта 2018 года до достижения детьми совершеннолетия и общая сумма алиментов составляла 360 сомони, а на каждого ребенка – 120 сомони, признавая свою вину, ходатайствовал перед судом об упрощенной процедуре производства дела, что было удовлетворено. В результате приговором Суда района И. Сомони г. Душанбе от 08 февраля 2019 года Баходур Раджабов за злостное уклонение от оплаты алиментов и отказ от содержания детей был приговорен к лишению свободы сроком 11 месяцев и 13 суток в режиме колонии-поселения [14].

Также Судом района И. Сомони 29 августа 2019 г. гражданин М.Т. Нозимов за злостное уклонение от содержания своих детей (алиментами) приговорен уголовным наказанием к лишению свободы на срок 1 год и 2 месяца в исправительной колонии общего режима. Восстановление нанесенного ущерба за содержание детей в объеме 3510 сомони в пользу потерпевшей (бывшей супруги) Ф. Гаюровой было произведено за счет подсудимого [13].

В силу указанных признаков злостное уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей является одним из самых распространенных преступлений в сфере семейного права. Думается, в этом направлении следует не только усилить надзорную функцию соответствующих органов (прокуратуры и судебных исполнителей), но и ужесточить меры уголовно-правового воздействия в отношении тех безответственных родителей, для которых являются безразличными содержание и дальнейшая судьба ребенка.

Обобщая теоретический анализ проблемы судебных способов защиты семейных прав ребенка, можно отметить:

Во-первых, понятие «судебные способы защиты семейных прав ребенка» является

областью исследования двух юридических наук: гражданско-процессуальной и уголовно-процессуальной. Эти отрасли права в предметно-методологическом плане близки к понятию категории «ребенок», в частности, его судебной защиты, что подчеркивает значимость указанного феномена – «судебной защиты» в реализации субъективных прав ребенка на защиту. Но наше исследование было посвящено одной из названных сфер юрисдикционной формы защиты прав ребенка – гражданско-процессуальной.

В ходе анализа научной литературы, посвященной этой тематике, было выявлено, что дефиниция «судебные способы семейных прав ребенка» в юридической литературе по-разному рассматриваются, что говорит об отсутствии единого подхода к определению указанной дефиниции. Судебные способы защиты семейных прав в научной литературе раскрывается посредством понятия «юрисдикция», «юрисдикция суда» или «судебная юрисдикция», что мы считаем вполне обоснованным. Данный подход позволяет также нам утверждать, что защита семейных прав ребенка по суду – основной юрисдикционный способ защиты. Кроме судебной юрисдикции защита прав ребенка производится административной юрисдикцией (милицией, техническим и санитарным надзором, городским самоуправлением и т.д.), что коренным образом отличается от судебной. Судебная защита ребенка выступает в своем логическом построении высшим и завершающим этапом правозащитной юрисдикции.

Что касается понятия «судебные способы защиты семейных прав ребенка», то здесь имеются определенные сложности.

Во-первых, понятие «судебные способы защиты семейных прав ребенка» не рассматривался, как целостный феномен, либо его можно заменить понятием «судебные формы защиты». Данное понятие не всегда эксплицировалось, а иногда заменялось другими категориями – «защита прав ребенка в суде», «судебные формы защиты прав ребенка», «процессуальные способы защиты прав ребенка». Под всеми этими понятиями обобщенно используется понятие «ювенальная юстиция» и др.

Во-вторых, в имеющейся юридической справочной литературе указанная дефиниция вообще не упоминается, либо делается ссылка на слово «защита прав человека» либо «защита прав ребенка». В юридической литературе

не представлено выделение двух основных способов защиты семейных прав – юрисдикционный и неюрисдикционный «способы судебной защиты семейных прав ребенка» как целостное институционально-правовое явление. Процессуальный порядок разбирательства семейных дел подчинен общим принципам и нормам гражданско-процессуального законодательства, т.е. процессуальная дифференциация в отношении семейных дел не производится. В практике законодательства о судопроизводстве в ряде зарубежных государств порядок разбирательства семейных дел установлен в отдельном разделе процессуального законодательства. В практике нашего процессуального законодательства не отведен отдельный раздел по судопроизводству несовершеннолетних.

В юридической литературе судебная защита называется как основная форма защиты нарушения прав человека. Однако, мы полагаем, что это не основной, а разновидность способов защиты субъективных прав граждан. Так как защиты семейных прав ребенка основными способами реализации не ограничиваются, граждане могут пользоваться административной юрисдикцией и другой формой защиты. Судебная защита признана как высший и завершающий этап защиты семейных прав ребенка, сложно заменить ее другими по степени эффективности оперативными способами защиты. Но любые действия и бездействия, направленные на пресечение, предупреждение и восстановление нарушенных прав, или по которому приняты соответствующие акты органов административной юрисдикции, в конечном счете, может оказаться объектом обжалования судебной юрисдикции. Следует отметить, что объекты судебной защиты семейных прав ребенка – это семейные правоотношения (в частности, затрагивающие материальные и процессуальные субъективные семейные права ребенка). К предметам судебной защиты семейных прав ребенка относятся: права и свободы ребенка, его законные интересы, угроза нарушения права, но главное – за ними стоят приоритетные интересы общества и государства, так как благополучная семья – это гарант стабильности и укрепления основ государства и прогресс общества.

Во-вторых, мы считаем, что «способы судебной защиты семейных прав ребенка» -институционально-правовое явление. А дефиниция «судебная защита» заменяет понятие

«способы судебной защиты семейных прав ребенка». В этом смысле распознать судебную защиту как способ охраны прав и законных интересов ребенка представляет собой правоохранительная деятельность органов государств (суда), являющаяся не только структурным элементом правовой системы, но и комплексным (межотраслевым) правовым институтом, выполняющим специфические функции не только по восстановлению нарушенных или оспариваемых прав, но и по обеспечению гарантии защиты семейных прав, что в условиях семейного спора и конфликта является жизненно необходимым для реализации субъективного права ребенка на судебную защиту. В этом смысле мы полагаем, что субъективное семейное право ребенка на судебную защиту составляет структурный элемент института судебной защиты прав ребенка. Последнее можно рассматривать как в узком смысле, так и в широком понимании. В узком виде судебную защиту семейных прав ребенка можно определить как законодательно установленная деятельность судебных органов, направленных на обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка, общества и государства.

В широком смысле, если рассматривать указанную категорию, то она представляется как совокупность взаимосвязанных принципов, норм материальных и процессуальных прав, устанавливающих организацию, функционирование, процессуально-правовое положение судей, практику рассмотрения и разрешения споров, связанных с реализацией юрисдикции суда, судебные процедуры и много другое, направленные на восстановление нарушенных или оспариваемых субъективных прав ребенка. Преимущества судебной защиты семейных прав ребенка для восстановления уже нарушенных прав обладают достаточными юридическими гарантиями. Формой реализации последнего выступает принятие судебного акта – «решения». В семейных спорах и конфликтах в интересах ребенка вступившие в законную силу судебные решения подлежат обязательному исполнению.

Последнее является наиболее эффективным способом среди иных форм и методов воздействия на нарушителя права и законных интересов ребенка. Судебную защиту следует рассмотреть, как разновидность правозащитной функции государства, т.е. государства претендующего на создание справедливого и гармонического общества, основанного на уважение права, утверждения демократических ценностей и идеалов справедливости.

В-третьих, гражданско-процессуальное законодательство не располагает процессуальным объемом прав несовершеннолетних. Судебное разбирательство производится при участии самого несовершеннолетнего либо его представителя, эти моменты более активно просвечиваются в ходе судебного заседания. Процессуальный механизм обращения ребенка в суд может быть произведен посредством участия законного представителя или лица, его заменяющим. Для родителей быть представителями своих детей не требуется оформления особых процедур или иметь как у защитников (адвокатов) специального удостоверения.

Несовершеннолетние не всегда сами могут совершать процессуально активные действия, характеризующие реальное осуществление защиты их прав. Решение этой проблемы больше всего связано с законодательным регулированием, в частности, с правилами обращения ребенка в суд.

Возможность получения бесплатной и гарантированной юридической помощи является не только элементом обеспечения субъективного права, но и определяющим процессуальное положение граждан в гражданском судопроизводстве. В нормах ГПК РТ отсутствует правило, затрагивающее оказание бесплатной юридической помощи несовершеннолетним в ходе судебного разбирательства. В этом смысле в части оказания бесплатной и гарантированной юридической помощи ребенку следует внести соответствующие изменения в специальном или в процессуальном законе.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 6. – Ст.153.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 года // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – № 1(ч.1). – Ст.7.
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – № 9. – Ст. 68.
4. Закон Республики Таджикистан «О государственной пошлине» //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2004. – № 2. – Ст.51.
5. Закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 года № 373 «Об исполнительном производстве» //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. –2008. – № 3. – Ст.192.
6. Постановление Верховного Суда Республики Таджикистан от 19 декабря 2008 года № 12 «О порядке подготовки гражданских дел к судебному заседанию» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.). –Душанбе, 2019. – С. 345-351.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23 июня 2010 года № 31 «О перечне семейных дел, подвергающихся рассмотрению судами Республики Таджикистан» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.) – Душанбе, 2019. – С.379-380.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 июня 2013 года № 4 «О процессуальных сроках рассмотрения и решения гражданских и семейных дел» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.). – Душанбе,2019. – С.410-414.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 16 декабря 2004 № 12 «О практике реализации судами нормы Семейного кодекса Республики Таджикистан при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов для обеспечения ребенка» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.) – Душанбе .2019. – С.333-341.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 2 октября 2003 года № 17 «О практике рассмотрения дел об усыновлении» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.)–Душанбе., 2019. – С.288-296.
11. Из архива Суда района И. Сомони г. Душанбе. Семейное дело от 07.02.2019 г.
12. Из архива Суда района И. Сомони г. Душанбе. Уголовное дело № 1–15/19 от 11.04.2019 г.
13. Из архива Суда района И. Сомони г. Душанбе. Уголовное дело № 1–61/19 от 28.08.2019 г.
14. Из архива Суда района И. Сомони г. Душанбе. Уголовное дело № 1–64/19 от 18.02.2019 г.
15. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
16. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
17. Алекперов С.М. Стадии развития юридических конфликтов, возникающих в правовой сфере // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 8. – С. 631-633.
18. Алексеев А.А. Несовершеннолетний истец в гражданском процессе // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства / Сборник статей по материалам V Международной научно–практической конференции: 13 октября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб: ИД «Петрополис», 2018. – С 28-31.
19. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1994. – 192 с.
20. Алексеева Е.И. К вопросу об участии несовершеннолетних в гражданско–процессуальных правоотношениях//Реформирование правовой системы России и защита прав человека: национальный и международный контекст: сборник докладов VI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (5–6 апреля 2012 года. – Красноярск: ЦСПТ, 2012. – С.181-185.
21. Ананских И.А., Завурбеков Ф.З., Фомичев М.Н. Гражданский кодекс Исламской Республики Иран, шариат и источники исламского права о регулировании брачно-семейных отношений // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 124-128.
22. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
23. Аристов Е.В. Интерпретации содержания принципа социальности государства в правовых позициях судебных инстанций: Монография / Пермский гос. гум.-пед. ун-т. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. – 199 с.
24. Бабина К.И. Грант как один из способов финансирования научных учреждений: особенности, проблемы, перспективы // Вестник Саратовского государственного социально–экономического университета. – 2014. – № 5 (54). – С.170-173.
25. Бабина К.И. Понятие бюджетных правоотношений с участием государственного учреждения науки //

- Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 8. – С.48–50.
26. Барбакадзе Е.Т. Несовершеннолетние лица как участники гражданского процесса // Вопросы экономики и права. – 2018. – № 5 (119). – С.24–27.
 27. Беспалов Ю.В. Семейно–правовое положение ребенка в РФ. – М., Владимир: Атлас, 2008. – 324 с.
 28. Букшина С.В. Эмансипация несовершеннолетних граждан по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2002. – 28 с.
 29. Вершинин В.Б. Институт судебной защиты // Вестник ТГУ. – 2010. – Вып. 6 (86). – С. 305-309.
 30. Вершинин В.Б. Судебная защита как комплексный институт российского права: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 32 с.
 31. Власенков В.В. Административная юрисдикция: Курс лекций / В.В. Власенков, В.В. Власов, В.П. Лозбяков, Ф.С. Разоренов, А.С. Телегин. – М.: Наука, 1994. – 118 с.
 32. Волкова Д.В. Технология разрешения юридического конфликта // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 256-258.
 33. Галенская Л.Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. – Л.: ЛГУ, 1978. – 85 с.
 34. Гришмановский Д. Ю. Некоторые теоретические проблемы в применении института эмансипации в Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 14. – С. С.12–14.
 35. Дашин А.В., Петров П.А. Возрождение ислама и некоторые вопросы правового регулирования семейно-брачных отношений на Северном Кавказе // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 134-139.
 36. Денисенко В.В. Административная юрисдикция органов внутренних дел: Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / В.В. Денисенко, А.Н. Позднышов, А.А. Михайлов; Мин–во внутр. дел Рос. Федерации. Гл. упр. кадров. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 174 с.
 37. Диноршоев А. М. Право на судебную защиту. – Душанбе, 2011. – 39 с.
 38. Дудин Н.П., Луговцева С.А. Судебное разбирательство уголовных дел в отношении несовершеннолетних. – СПб.: СПб юридический ин–т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 172 с.
 39. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
 40. Измайлов В.В. Расторжение брака как способ защиты семейных прав граждан: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2013. – 33 с.
 41. Имомова Н.М. Лишение родительских прав как мера ответственности в семейном праве Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе: ЭР–граф, 2016. – 160 с.
 42. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2016. – 38 с.
 43. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 140-146.
 44. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
 45. Ковалёв Д.Г. Особенности действия принципов состязательности и диспозитивности при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2012. – 28 с.
 46. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Е. В. Кулагина, Н. В. Летова, Н. И. Марышева и др.; Отв. ред. А. М. Нечаева. – 2–е изд., перераб. и доп., науч.–практ. – М.: Юрайт, 2009. – 560 с.
 47. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
 48. Косова О.Ю. О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав // Вестник ГвГУ. Серия: Право. – 2015. – № 2. – С.84-97.
 49. Кравченко О.В. Правовая социализация и формирование правосознания несовершеннолетних // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7-8. – С. 127-142
 50. Кравченко О.В. Правовая социализация несовершеннолетних: понятие и сущность // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 115-126.
 51. Кравченко О.В. Правовая социализация несовершеннолетних: правовоспитательные формы и методы // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9-10. – С. 152-166.
 52. Кравченко О.В. Проблемы правовой социализации несовершеннолетних в Республике Таджикистан: теоретический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2019. – 179 с.
 53. Кравченко О.В. Феномен «несовершеннолетних»: теория и законодательство // Мир политики и социологии.

- 2016. – № 8. – С. 136-141.
54. Куемжиева Я.Н. Актуальные проблемы процессуального и правового положения представителя в гражданском процессе // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 13 октября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб: ИД «Петрополис», 2018. – С.242-246.
 55. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с.
 56. Куприянчук Е.В. Медиация в семейном конфликте // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 2.
 57. Лапшова А. Ю. Лишение родительских прав как способ защиты несовершеннолетних детей // Международный научный журнал «Символ науки». – 2017. – № 11. – С.52-53.
 58. Левушкин А. Н. Соблюдение интересов ребенка как условие усыновления (удочерения): вопросы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 19 (236). – С. 71-75.
 59. Левушкин А. Н., Юренкова О. С. Судебная власть и защита прав несовершеннолетних в России // Власть. – 2011. – № 5. – С.141-143.
 60. Лысов П.К., Сальников М.В. Система ювенальной юстиции в России: размышления «за» и «против» // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 129-133.
 61. Максимович Л.Б. Реализация и защита права детей на алименты. – М.: Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России», 2012 – 48 с.
 62. Матросов Н.А. Особенности судопроизводства по делам о расторжении брака и связанных с ним споров: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 215 с.
 63. Михейкина О.А. Правовой режим тайны усыновления (удочерения) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2018. – Т. 6. – № 4 (24).
 64. Мороз О.Л. Участие педагога-психолога в гражданском процессе Республики Беларусь как гарантия защиты прав и интересов несовершеннолетних свидетелей// Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 13 октября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб: ИД «Петрополис», 2018. – С.295-301.
 65. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 66. Муратова С.А., Тарсамаева Н.Ю. Семейное право: Учебное пособие. – М.: Новый Юрист, 1999. – 272 с.
 67. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
 68. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 21-30.
 69. Новикова М.М. Некоторые особенности участия педагога, психолога, представителя органов опеки и попечительства, иных социальных организаций в досудебном и судебном производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 134-146.
 70. Новикова Н. А. Защита прав детей средствами гражданского процесса // Научный диалог. Экономика. Право. – 2014. – № 7 (31). – С. 123-129.
 71. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению семейных дел (Верховного Суда Республики Таджикистан, Суда ГБАО, областных судов, суда г.Душанбе, военных судов, городов и районов) за отчетный период 2016 г. // Ответ на запрос № 11 от 20.12.2019 г.
 72. Очаковский В. А., Крутова Я. А., Ильясова Е. Ф. Актуальные проблемы реализации полномочий органов исполнительной власти при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 101. – С.610-619.
 73. Питерская М.А. Отмена усыновления в судебном порядке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007.– № 32. – С.174-178.
 74. Пухарт А.А. Правовая природа отношений, возникающих между усыновителем и усыновленным // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 6. – С.74-79.
 75. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 104-110.

76. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
77. Рыбалка Е.А. Правовое положение и перспективы развития тайны усыновления в России // Юристъ–Правоведь. – 2018. – № 4 (87) .– С.31-34.
78. Сагитова И.Ф. Специфика воспитания ребенка (детей) в замещающей семье: правовой и социально–психологический аспекты // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 1(114). – С.205-209.
79. Садина О.В., Худойкин А.В. Судебная защита семейных прав ребенка как способ разрешения юридических споров и конфликтов // Социально-политические науки. –2012. – № 1. – С.126-129.
80. Садыкова З.А. Виктимологическая теория как способ предупреждения юридического конфликта // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 186-192.
81. Садыкова З.А. Юридический конфликт и его профилактика // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 18-30.
82. Семенова Е.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел об отмене усыновления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2017. – 22 с.
83. Семенова И.Ю. Лишение родительских прав как объект семейно–правового регулирования // Марийский юридический вестник. – 2017. – № 2(21). – С.38-40.
84. Семенова И.Ю. Нотариат и защита прав несовершеннолетних: пробельность в законодательстве // Экономика и право. – 2016. – № 4. – С. 70-75.
85. Симонова С.С. Судебная реформа 1864 г. и формирование отдельных институтов ювенальной юстиции // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 164-169.
86. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с.
87. Стародумов С.В. Судебные действия как самостоятельный вид процессуальных действий // Вестник Удмуртского университета. – 2017. –Т. 27. – Вып. 6. – С.123-127.
88. Стельмах В.Ю. Обеспечение законных прав несовершеннолетних участников следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С.141-146.
89. Сэрра В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
90. Тарусина Н. Н. О взаимодействии гражданско-процессуального и семейного права и законодательства на уровне ключевых принципов гражданского судопроизводства // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 44-51.
91. Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России. – 2009. – № 8. – С.52-60.
92. Тригубович Н.В., Тарасова А. Е. Методические рекомендации по вопросам защиты личных неимущественных и имущественных прав и интересов детей. – М.: АНО «Центр развития социальных проектов», ООО «Вариант», 2014. – 190 с.
93. Трюфилькина Т.В. Судопроизводство по делам, возникающим из семейных правоотношений // Молодой ученый. – 2019. – № 4. – С.334–336.
94. Умнова Е. Д. Доступность правосудия и оптимизация судебной нагрузки (на примере дел о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей) // Вестник СГЮА. – 2018. – № 1 (120). – С.177.
95. Уханов Ю.Д. Понятие и значение усыновления (удочерения) детей в законодательстве Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2018. – Т.6. – № 3(23).
96. Феоктистов А.В. Основные вопросы судебной защиты семейных прав ребенка // Вестник ПензГУ. – 2013.– № 4. – С.63–66.
97. Хасина Л.К. Особенности правового положения несовершеннолетних лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Российский судья. – 2010. – № 10. – С.15–17.
98. Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология как научное направление: вопросы методологии // Глобальный научный потенциал. – 2017. – № 11. – С. 104-106.
99. Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
100. Шайхутдинов Г.Р. Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственность. – М.: Наука, 1993 // Журнал международного частного права. – СПб., – 1994. – № 4(6). – С.54–57.
101. Шувалова М.А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД, 2019. – 23 с.
102. Юридический энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. – 3–е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА–М, 2004. – 450 с.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

КРИВОНОСОВА Диана Валерьевна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Университета ФСИИ
России, кандидат юридических наук, капитан
внутренней службы (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: dianochka.kr@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ

Аннотация. Проводится сравнительный анализ природы и структуры понятий «противоречие» и «конфликт», делается вывод о том, что это родственные, но не тождественные категории. Формулируются определения юридического конфликта в широком и узком смыслах. Отмечается, что конфликт – явление динамическое, выделяются основные стадии и составляющие этого процесса. Проводится классификация юридических конфликтов по различным основаниям.

Ключевые слова: конфликт; противоречие; юридический конфликт; динамика юридического конфликта; стадии юридического конфликта; классификация юридических конфликтов.

KRIVONOSOVA D.V.

LEGAL CONFLICT: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE APPROACH TO UNDERSTANDING

The summary. A comparative analysis of the nature and structure of the concepts of "contradiction" and "conflict" is carried out, it is concluded that these are related, but not identical categories. The definitions of a legal conflict are formulated in broad and narrow senses. It is noted that conflict is a dynamic phenomenon, the main stages and components of this process are distinguished. The classification of legal conflicts is carried out on various grounds.

Key words: conflict; contradiction; legal conflict; dynamics of a legal conflict; stages of a legal conflict; classification of legal conflicts.

Глубокие социальные процессы, характеризующие современное развитие российского общества, протекают в сложной и противоречивой обстановке, которая включает в себя не только положительные, но и негативные явления. Углубляются противоречия и трудности в социальной, духовной и других сферах общества.

Но противоречия в обществе существовали и раньше. В XIX и XX вв. проблема конфликтов стала предметом изучения со стороны ряда областей гуманитарного знания. По существу до начала 80-х годов XX века проблемы конфликтов анализировались, как правило, в западной научной литературе [15]. На Западе уже в течение многих десятилетий наблюдается усиленный процесс формирования комплексной науки – конфликтологии. Предметом конфликтологии является изучение социальных причин, структуры, динамики, функций конфликтов, а также разработка механизмов их оптимального движения и преодоления.

В период 70-80-х годов XX века в нашей стране был опубликован ряд работ, в которых уделялось внимание исследованию противоречий в развитии и функционировании права [11; 18; 20; 22; 31; 45; 50; 68; 70]. Но четко выраженное изложение юридико-конфликтологических проблем начало осуществляться лишь с середины 1990-х годов [55; 56; 57].

В крайние годы в отечественной науке особое внимание исследователей привлекают конфликты, возникающие в сфере правового регулирования [1; 2; 4; 13; 25; 38; 46; 49; 60; 63].

В научной литературе в принципе нет единого подхода к пониманию конфликта [12; 29; 41; 42; 43; 47; 48; 59; 66]. Понятие «конфликт» происходит от латинского слова *conflictus* – столкновение, разногласие, спор. Некоторые авторы дают следующее определение конфликтам: «Конфликт – это такая специфическая организованность деятельности, которая позволяет удерживать единство столкнувшихся действий за счет процесса поиска или создания ресурсов и средств разрешения представленного в столкновении противоречия» [62, стр. 22]. Представляется возможным определить социальный конфликт как «взаимодействие двух и более субъектов на основе противоречивых, взаимоисключающих потребностей, интересов, ценностей и целей деятельности, протекающие в форме открытого столкновения сторон, специфическими целями

которых является вытеснение, подавление или уничтожение противостоящей стороны» [67, стр. 10].

Е.М. Бабосов дает следующее определение социального конфликта: «Конфликт социальный – предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей – классов, наций, государств, социальных групп, социальных институтов и т.п., обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития. Конфликт социальный складывается и разрешается в конкретной социальной ситуации в связи с возникновением требующей разрешения социальной проблемы. Он имеет вполне определенные причины, своих социальных носителей (классы, нации, социальные группы...), обладает определенными функциями, длительностью и степенью остроты» [53, стр. 80].

Т.В. Новикова при определении социального конфликта подчеркивает, прежде всего, личностный, психологический аспект. Социальный конфликт – это «ситуация, когда стороны (субъекты) взаимодействия преследуют какие-то свои цели, которые противоречат и взаимоисключают друг друга» [52, стр. 27].

Социальный конфликт, как сложное и многогранное явление имеет и свою структуру, в качестве элементов которой выделяются: участники конфликта (субъекты и третьи лица), объект конфликта (т.е. определенные материальные и идеальные ценности и блага, то по поводу чего складывается социальный конфликт), предмет конфликта (соответствующие общественные отношения), конфликтный инцидент (включая и средства ведения борьбы).

В связи с тем, что социальные конфликты могут возникать на различных уровнях, например, на межличностном (индивидуальном) и на групповом, то, скажем, их субъектами могут выступать индивидуальные граждане и их коллективные образования. Здесь можно вести речь о представителях различных диаспор, каких-то корпораций, различных коллективов и даже религиозных конфессий. Субъектами социальных конфликтов могут выступать и даже национальные общности [27]. Россия, к сожалению, в 90-х годах XX века имела печальный опыт таких конфликтов.

В зарубежной и отечественной литературе

существуют различные подходы к пониманию конфликта. Согласно мнению одних конфликтологов (Дж. Бернард, Р. Дарендорф, Л. Крисберг и др.), конфликты существуют уже тогда, когда налицо противоположность, несовместимость, несоответствие, т.е. конфликт отождествляется с противоречием [7]. По мнению Л. Коузера, и других зарубежных ученых конфликт возникает в тех ситуациях, в которых несовместимость, (противоречие) предполагает противоборствующие типы поведения [34]. Сторонники третьей позиции (Э. Гидденс, М. Дойч, и др.) за основу берут лишь поведенческий аспект рассматриваемого процесса и не связывают напрямую конфликт с противоречием [71].

Представляется, что категории «противоречие» и «конфликт», с одной стороны, не могут рассматриваться как синонимы, а с другой – противопоставляться друг другу.

При сравнительном анализе природы и структуры противоречия и конфликта становится ясным, что они имеют много общего, и положения теории противоречия могут быть применимы к исследованию конфликтов, а конфликтологические разработки – к рассмотрению противоречий. Вместе с тем, существуют и особенности природы и структуры противоречий и конфликтов, накладывающие свой отпечаток на специфику их движения.

Категория «противоречие» была выработана для отображения полярности мира, его неоднородности, различия вещей, мыслей и т.п. Она имеет три уровня определения:

- 1) В обыденном сознании «противоречие» – выражение несогласия, возражения (ср. – «вести противные (несхожие) речи»).
- 2) Более жестко полярность мира отражается в формально-логическом понятии «противоречие» как несовместимость, взаимоисключительность положений.
- 3) Материалистическая диалектика «опрокидывает» понятие «противоречие» в мир. Здесь противоречие представляет собой категорию, отражающую определенную сторону деятельности, а именно, взаимодействие взаимоисключающих, взаимопределяющих, взаимодополняющих друг друга моментов, тенденций развития и т.п.

Конфликт характеризуется как столкновение людей или их мнений на базе несовпадения интересов, потребностей, устремлений.

Поэтому общей отображаемой основой противоречий, конфликтов и связанных с ними понятий являются полярности действительности и динамическое взаимодействие достаточно ярко выраженных противоположных сторон, сил и т.д. Категория противоречия конституируется раньше понятия конфликта и поэтому быстрее проходит этапы определения от классификации его как нежелательного явления к характеристике обострения, и, наконец, к выявлению всеобщности (противоречий и конфликтов). Конфликты имели, имеют и будут иметь всеобщую природу, поскольку возникают на базе развития самостоятельности (самости) людей и их общностей. Конфликты являются патологией общественного развития, но патологией необходимой и существенной.

Категория противоречия и понятие конфликта не совпадают по объему, но имеют общую область соприкосновения. Противоречие является более широким и глубоким понятием, чем конфликт, но конфликт, в отличие от противоречия, включает в себя психологические, педагогические и другие аспекты. Понятие конфликта применимо лишь к взаимосвязи этих сфер с природой. Природные противоречия имеют свои формы проявления: борьба за существование, естественный отбор и т.п.

Некоторые авторы пишут о том, что конфликт – это и есть противоречие, но противоречие на определенной стадии своего развития и стадии не всегда и не для всякого противоречия обязательной. То есть конфликт выражает лишь различные ступени развития одного и того же [37]. Противоречие может превращаться в конфликт в случае своего крайнего обострения, пройдя любую или несколько ступеней и не найдя на них разрешения, считает С.Г. Борщов [10]. Противоречие проходит в своем развитии такие ступени развития, как противоположность, противоречие и конфликт.

В связи с этим вполне справедливо утверждение о том, что конфликт – это способ существования противоречия [61]. Другими словами, конфликт – форма взаимодействия носителей противоречия или противопоставленных интересов, когда они начинают действовать, проявлять себя [17, стр. 43]. Противоречие приобретает форму конфликта – открытого противостояния, когда реализация интересов одних субъектов осуществляется за счет ущемления интересов

других [27, стр. 16].

Соотношение категорий конфликт и противоречие дает основание полагать, что конфликт не синоним противоречия, а относительно самостоятельный процесс. Конфликт возникает, развивается и разрешается на базе противоречия (совокупности противоречий). Но противоречие трансформируется в конфликт только в случае взаимодействия сторон – носителей противоположных интересов, т.е. при совершении каких-либо действий, направленных на удовлетворение интересов одной стороны за счет ущемления интересов другой. Отсюда следует, что конфликт есть актуализированная ипостась (воплощение в другой сущности) обостренного противоречия, особый вид взаимодействия противоположных сил с их повышенной взаимной активностью.

Таким образом, в основу социального конфликта положено социальное противоречие. Следовательно в качестве участников (субъектов) конфликта могут рассматриваться только люди (индивиды и коллективы), а это в свою очередь означает, что не являются социальными конфликтами отношения между людьми и техникой, природой, животными, либо внутренние противоречивые чувства переживаемые индивидом («конфликт самого с собой»). Конфликтом может быть только фактическое поведение, мысли, чувства, эмоции не получившие своего внешнего проявления и поведенческого оформления не могут повлечь за собой начала конфликта и, тем более не могут рассматриваться в качестве конфликта как такового.

Применительно к характеристике социальных, и прежде всего юридических, конфликтов следует различать категории «юридический конфликт» и «юридическая коллизия». Изучение понятия «юридической коллизии» привело к неоднозначному его толкованию в литературе. Зачастую юридическая коллизия понимается в широком смысле, как любое противоречие в сфере правового регулирования: и как противоречие в нормативном регулировании, и как противоречие субъективных интересов, и как открытое противостояние субъектов. Ведущими в этом отношении являются две позиции: определение правовой коллизии через несогласованность, различие правовых норм [35, стр. 245], или же через их противоречивость [6, стр. 52-53].

Употребляя категорию «юридические коллизии» в рамках данной статьи будут

пониматься расхождения или противоречия между отдельными правовыми нормами, нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения. Юридические коллизии создают неудобства в правоприменительной практике, затрудняют пользование законодательством рядовым гражданам, способствуют правовому нигилизму, и, кроме того, могут способствовать возникновению юридических конфликтов.

Российское законодательство, с одной стороны, пробельно, а с другой – допускает нормативные «излишества» в регламентации отдельных сторон общественной жизни. Правовое поле перенасыщено различными, подчас взаимоисключающими предписаниями. В конечном итоге это ведет к снижению эффективности правового регулирования, невозможности осуществить применение права в необходимых случаях оперативно и качественно, достичь его целей.

От коллизий правовых норм следует отличать их конкуренцию, когда две, три и более не противоречащих друг другу нормы регулируют один и тот же круг родственных общественных отношений, но с разной степенью конкретизации, детализации, объема прав и обязанностей и т.д. [51, стр. 62-65]. Это, как правило, нормы разной юридической силы, уровня, исходящие от неравнозначных правотворческих органов. В таких случаях нормы действительно как бы конкурируют между собой и, в принципе, это нормально (объективно). Негативным же и нежелательным явлением выступают именно коллизии, когда сталкиваются друг с другом не просто не согласующиеся, а нередко взаимоисключающие нормы [30, стр. 246].

Рассмотрев понятия «противоречие» и «коллизия» в соотношении с понятием «конфликт» мы приходим к выводу, что это родственные, но не тождественные категории. Противоречие – это взаимодействие взаимоисключающих, взаимоопределяющих, взаимодополняющих друг друга моментов, тенденций развития. Юридические коллизии – расхождения или противоречия между отдельными правовыми нормами, нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения.

Для определения конфликта необходимо учитывать, что нет конфликта, если действует только один участник или участниками

производятся лишь мыслительные операции (планирование поведения, обдумывание образа действий противника, прогнозирование хода будущего конфликта и т.п.). «Действия, хотя бы и агрессивные, но лишь одной стороны, на что вторая сторона не претендует, конфликтом назвать еще нельзя. Возможно, предполагаемый противник признает эти действия правильными, может быть, он опасается противодействовать первому участнику и подчиняется ему или же им руководят какие-то иные соображения. Главное. Что он не предпринимает никаких действий против первого субъекта. Но в таком случае нет и конфликта как противоборства сторон. Мысленные действия, никак не выраженные физически, вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, под которым понимается фактическое, а не воображаемое противоборство сторон. Противоположность позиций – еще не конфликт. Он возникает тогда, когда стороны начнут активно противодействовать друг другу, преследуя свои цели» [69, стр. 9-10].

Сказанному, однако, не противоречит предложенное некоторыми специалистами выделение латентной (скрытой) стадии развития конфликта, а точнее – предшествующий началу конфликта, которая включает планирование будущих операций и подготовку к ним [52, стр. 31].

В качестве необходимых и достаточных характеристик конфликта могут быть следующие:

- 1) для конфликта необходимо две стороны;
- 2) конфликт обусловлен невозможностью удовлетворить субъектами свои потребности в силу «дефицита», ограниченности объекта притязания;
- 3) конфликтное отношение возникает только в том случае, когда стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга и их поведение направлено на уничтожение, воспрепятствование или какой-либо другой контроль действий соперника;
- 4) конфликт – результат взаимодействия взаимоисключающих целей или ценностей и, следовательно, они должны сталкиваться;
- 5) конфликт имеет место лишь в том случае, когда острое напряжение, противоречие осознанно, и притом – двумя сторонами.

Проанализировав вышеуказанные подходы к пониманию конфликта, мы считаем возможным под конфликтом понимать взаимодействие двух

и более субъектов на основе противоречивых, взаимоисключающих потребностей, интересов, ценностей и целей деятельности, протекающие в форме открытого столкновения сторон, специфическими целями которых является вытеснение, подавление или уничтожение противостоящей стороны [67, стр. 10]. В качестве основных признаков конфликта могут быть названы следующие:

- социальный характер;
- фактический характер;
- противоречивость интересов участников (для отношения конфликтного характера характерно противопоставление «своих и чужих», «друзей и врагов», «цивилизованных и варваров» и т.п.);
- открытое столкновение противоречивых субъективных интересов;
- удовлетворение интересов одного субъекта за счет ущемления (ограничения) интересов контрсубъекта.

В связи с этим конфликт может быть определен как социальное взаимодействие в форме открытого противоборства сторон (контрсубъектов), в рамках которого удовлетворение интересов одного субъекта осуществляется за счет ущемления (ограничения) интересов другого (контрсубъекта).

Оценка социальной значимости конфликта неоднозначна, соответственно можно говорить и о разнонаправленности представлений о содержании функций конфликта. На наш взгляд все имеющиеся точки зрения с определенной долей условности могут быть сведены к двум основным подходам: деструктивному (аномальному) и конструктивному (нормальному).

Характеристика конфликта в качестве социальной аномалии, фактора обуславливающего наступление деструктивных последствий позволяет говорить о том, что в качестве основной функции конфликта вступает разрушение сложившегося в той или иной сфере порядка. Наблюдается конфронтация сторон, их взаимное стремление к деструктивным действиям и разрушается установленный ранее порядок [44]. К примеру, конфликт в сфере бракоразводного процесса предполагает ликвидацию семейного союза и решение вытекающих из этого задач (раздел имущества, взыскание алиментов, лишение родительских прав и т.д.); революция как конфликт в политической сфере

направлена на разрушение сложившегося государственного строя и формирование качественно новой политико-правовой системы; криминальный (уголовно-правовой) конфликт, а также конфликты административно-правового характера касаются посягательства на общезначимые правила поведения и субъективные права, получившие законодательное закрепление.

Пожалуй, самой экстремальной формой социального конфликта является война, хотя можно найти характеристику этого конфликта как искусство. Известно, что более двух тысячелетий существует уникальный трактат о военном искусстве, подготовленный китайским стратегом и военачальником Сунь-Цзы (VI-V в. до н.э.) «Искусство войны» [54]. Война может повлечь за собой, и зачастую влечет, как это было в результате второй мировой войны, полное разрушение, даже уничтожение ранее существующего миропорядка, ликвидацию «социально вредных представителей социума» (например, немецкого и итальянского фашизма как политического течения). Война может повлечь за собой уничтожение государств, не говоря уже о политических режимах, и т.д. [16].

Исследователи, признающие конфликт нежелательным явлением, считают его инструментом нарушения (разрушения) нормально функционирующей социальной системы. По их мнению, в своей изначальной основе конфликт не присущ системе и обычно возникает тогда, когда по каким либо причинам снижается эффективность сил обеспечивающих баланс и стабильность данной системы. Но отсюда следует, что уже в самой возможности конфликта заложен стимул к появлению институтов для поддержания системы в устойчивом состоянии.

Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, конфликт, хотя и является одной из форм разногласия, все же представляет собой социализирующую силу. Соединяющую, в конечном счете, противоборствующие стороны и способствующую стабилизации общества [14, стр. 310]. При этом конфликт представляет собой постоянный и, в силу этого нормальный компонент социальных отношений [24, стр. 9]. Подобная традиция восходит к Т. Гоббсу. В соответствии с точкой зрения мыслителя, факт любого дефицита в обществе, сам по себе достаточен, чтобы вызвать конфликт. Каждый человек в силу естественного эгоизма пытается увеличить свою

долю дефицитных ресурсов, причем нередко делает это путем ущемления либо нарушения субъективных интересов других участников общественных отношений.

Удивительно то, что даже такой глобальный международный конфликт, которым может выступать война, порой представляется исследователями в качестве стабилизирующей и стимулирующей прогрессивное развитие силы.

Очень часто трактат Сунь-Цзы «Искусство войны», который уже упоминался в данной статье, представляется в качестве уникального и актуального материала сегодня не только для военных, но и, как ни удивительно, для коммерсантов, бизнесменов и владельцев крупных компаний, который помогает им совершенствовать методы управления персоналом, достигать высокого уровня сотрудничества с партнерами и побеждать конкурентов. Логично полагать, что данный трактат способен повышать и эффективность правоприменительной деятельности.

Нисколько не умаляя значимости уникального трактата Сунь-Цзы, нам хочется вспомнить и другую книгу, в частности, выдающегося английского военного историка сэра Бэзила Лиддела Гарта, даже не одну, а несколько его замечательных работ, в которых он предлагает хорошо подумать, прежде чем начать войну. Анализируя европейскую военную историю как итог трех тысячелетий искусства войны, он изучает «геометрию войны», «войну глазами шахматиста», «стратегию как точную науку» и др. Первый свой труд о «стратегии непринятых действий», который он назвал «Решающие войны прошлого», был опубликован в 1929 г. [40]. Вторая его книга в этом направлении «Стратегия непринятых действий» явилась «результатом дальнейших, продолжавшихся в течение двадцати пяти лет исследований и обобщений с учетом опыта второй мировой войны в области стратегии и большой стратегии» [39, стр. 15].

В предисловии автора к изданию 1954 г. читаем: «Чисто военная стратегия должна руководствоваться более дальновидной и имеющей более широкую перспективу “большой стратегией”» [39, стр. 11-12].

Здесь же сэр Бэзил Лиддел Гарт замечает: «Когда я изучал очень многие военные компании и впервые осознал превосходство непрямых действий над прямыми, мне просто хотелось более полно раскрыть сущность стратегии.

Однако при более глубоком изучении я начал понимать, что метод непрямых действий имел значительно большее применение, что он является законом жизни во всех областях, философской истиной. Оказалось, что его применение служит ключом к практическому решению любой проблемы, решающим фактором, в которой является человек, когда противоречивые интересы могут привести к конфликту. Во всех таких случаях прямой натиск новых идей вызывает упорное сопротивление, увеличивая, таким образом, трудность изменения взглядов. Изменение взглядов достигается более легко и быстро незаметным проникновением новой идеи или же посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путем. Метод непрямых действий является таким же основным принципом в области политики, как и во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Успех в торговле будет больше, если имеется возможность поторговаться, чем тогда, когда этой возможности нет. И в любой другой области общеизвестно, что самый верный способ добиться одобрения новой идеи начальника – это суметь внушить ему, что творцом этой идеи является он сам. Как и в войне, цель состоит в том, чтобы ослабить сопротивление прежде, чем пытаться преодолеть его, и это лучше всего достигается выманиванием противной стороны из занимаемых ею оборонительных позиций.

Идея непринятых действий тесно связана со всеми проблемами влияния одного разума на другой – это важнейший фактор человеческой истории» [39, стр. 15-16].

Естественно, возникает вопрос: а не в этом ли случае проявляется необходимость уступки военной стратегии в пользу «большой стратегии»? Нам кажется, именно в этой ситуации и она должна исключать войну как способ разрешения конфликта.

Английский историк военного искусства полагает, что сформулированную им выше идею «трудно примирить с другим принципом, заключающимся в том, что к истинным выводам можно прийти или приблизиться, лишь следуя по пути истины, не считаясь с тем, куда он может привести и какое действие истина может оказать на различные заинтересованные стороны» [39, стр. 16].

И здесь Б.Х. Лиддел Гарт обращается к

истории, к тому, чему она нас учит: «История является свидетельством того, – пишет он, – какую важную роль «пророки» играли в прогрессе человечества, что доказывает, насколько практически полезно с полной откровенностью говорить правду так, как ты ее себе представляешь. Однако ясно также, что дальнейшая судьба их откровений всегда зависела от другой категории людей – от «вождей», которым приходилось быть стратегами в области философии, добивающимися компромисса между истиной и способностью людей воспринимать ее. Их успех часто зависел от того, насколько они сами постигли истину, а также от практической мудрости, проявлявшейся ими при ее провозглашении.

Пророков неизбежно забрасывают камнями, такова их участь, и это критерий того, в какой мере выполнили они свое предназначение. Но вождь, которого забрасывают камнями, доказывает тем самым, что он не справился со своей задачей по недостатку мудрости или же потому, что спутал свои функции с функциями пророка. Только время может показать, оправдают ли результаты этой жертвы явный провал вождя, провал, делающий ему честь как человеку. По крайней мере, он избегает более распространенного греха вождей – принесения истины в жертву целесообразности без какой бы то ни было выгоды для дела. Ибо всякий, кто привык подавлять истину в угоду такту, производит уroda из недр своего разума» [39, стр. 16-17].

Далее английский историк ставит перед собой и читателями вопрос: существует ли практический способ сочетать процесс постижения истины с процессом ее приятия? И очень интересно на этот вопрос отвечает: «Возможное разрешение этой проблемы, – формулирует Б.Х. Лиддел Гарт, – подсказывается некоторыми стратегическими принципами, указывающими на то, как важно постоянно иметь в виду определенную цель и применять для ее достижения средства, судя по обстоятельствам. Противодействие истине неизбежно, особенно если истина облекается в форму какой-либо новой идеи, однако сила сопротивления может быть уменьшена, если уделить внимание не только цели, но и методу подхода. Избегай фронтального наступления на давно укрепленную позицию; старайся обойти ее с фланга, с тем, чтобы натиску истины подверглась более уязвимая сторона. Однако

всякий раз, избирая подобный окольный путь, нужно следить за тем, чтобы не уклониться от истины, ибо ничто не может быть более губительным для ее утверждения, как скатиться ко лжи. Смысл всех этих рассуждений может стать более ясным, если посмотреть на собственный опыт. Присматриваясь к тому, через какие этапы прошли различные новые идеи, пока они не получили признания, мы убеждаемся, что этот процесс был облегчен в тех случаях, когда идеи удавалось представить не как нечто совершенно новое, а как возрождение в модернизированном виде освященных временем, но позабытых принципов или практики. Для этого не надо было прибегать к обману, надо было лишь взять на себя труд обнаружить такую связь, ибо «нет ничего нового под солнцем» [39, стр. 17].

Вероятнее всего, каждый конфликт в функциональном аспекте одновременно выступает и формой проявления, и способом разрешения противоречий. Понятно, конфликт полезен тем, что так или иначе он разрешает возникающие противоречия [28]. Вместе с тем не всегда ясно, какая цена этого разрешения? Ведь зачастую прекращение конфликта осуществляется путем разрушения или серьезного повреждения социальной системы. Поэтому о полезности конфликтов можно говорить лишь с определенной долей условности.

Какой же конфликт следует назвать юридическим? Ознакомление с конфликтами разного рода приводит к выводу, что с правовой точки зрения они весьма неоднородны. Поэтому юридический конфликт нужно рассматривать в узком и широком смысле слова.

Юридический конфликт в узком смысле – это противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами, возникающее в связи с применением, изменением, нарушением либо толкованием права.

Юридический конфликт в широком смысле – это любой социальный конфликт, имеющий хотя бы один элемент, обладающий юридической характеристикой, который разрешается юридическим способом, т.е. юридизируется.

Исходя из этого юридический конфликт – это противоборство сторон с противоречивыми интересами, имеющее юридический характер либо имеющее хотя бы один элемент (субъекты, объект. Субъективную сторону (мотивацию), либо объективную сторону (действия))

юридического характера, но тогда обязательно завершающееся юридическим способом, юридизирующиеся [65, стр. 170].

Ю.А. Тихомиров определяет юридический конфликт как «противоборство сторон – государств и их органов, общественных объединений, граждан с целью изменения статуса и юридического состояния субъекта права» [58, стр. 49]. При этом юридический конфликт рассматривается как наиболее острая форма противоречия, как последняя стадия юридической коллизии (в широком смысле), за которой следует кризис и полное сокрушение государственно-правовых институтов.

Кроме основных признаков конфликта следует обозначить те признаки, которые могут помочь отличить юридический конфликт от политического, национального и др. Юридическим является такой конфликт. Который:

- определяется правовыми отношениями сторон;
- объект, предмет, субъект, мотивация конфликта обладают правовыми признаками;
- налицо правовое противоборство сторон;
- конфликт имеет юридические последствия.

Конфликт подвержен определенному изменению и развитию и в этом своем развитии проходит целый ряд стадий, т.е. конфликт – явление динамическое. Под динамикой конфликта понимается его движение, развитие, изменение, соотношение сил участников, наконец, завершение [33, стр. 178].

Динамика юридического конфликта основана на связи и развитии конфликтного отношения и конфликтного действия и определяется развитием основных структурных элементов конфликта: объектов, субъектов, объективной и субъективной стороной, их соотношением на стадиях развития конфликта [33, стр. 178].

Различные авторы выделяют несколько стадий развития юридического конфликта. И.Л. Чулюкин выделяет четыре основных стадии развития конфликта, а именно: предконфликтную стадию, непосредственно конфликт, стадию разрешения конфликта и последствия конфликтной ситуации [52, стр. 10].

Т.В. Худойкина считает, что динамика юридического конфликта включает в себя три стадии: предконфликтную, конфликтную и постконфликтную [65, стр. 171]. Предконфликтная стадия

начинается с появления конфликтной ситуации, главной чертой которой является возникновение противоречий между субъектами. Чтобы юридический конфликт стал реальным, его участники должны осознать сложившуюся ситуацию как конфликтную. Существует переходный момент от предконфликтной стадии к конфликтной, который включает конкретные действия, предпринятые одним из субъектов для отстаивания своих интересов. При анализе конфликтной ситуации юридического противостояния важно выявить в качестве инцидента в первую очередь такие явления и процессы, с наступлением которых закон связывает возникновение соответствующих юридических последствий. Поэтому в каждом конкретном случае речь должна идти о наличии именно правового инцидента, с которым напрямую связано возникновение юридического конфликта. В качестве правового инцидента может выступать позитивный либо негативный юридический факт в виде правомерного либо противоправного действия субъекта. С появлением такого факта субъекты конфликта приобретают права и обязанности. Правовым инцидентом можно считать не только действие, но и бездействие одной стороны, например, невозвращение долга (бездействие), приводящее к противоборству – «выбиванию» данного долга. Когда на действие одного субъекта права направляется противодействие другого субъекта права, т.е. начинается противоборство сторон, только тогда можно говорить о начале юридического конфликта, конфликтной стадии [64, стр. 36].

Говоря о динамике юридического конфликта, В.Н. Кудрявцев выделяет четыре стадии этого процесса:

- а) возникновение у одной или у обеих сторон мотивов юридического характера;
- б) возникновение правовых отношений между сторонами, находящимися в конфликте;
- в) развитие (изменение, прекращение) правовых отношений в связи с рассмотрением дела юридической инстанцией; эта стадия может быть весьма длительной и претерпевать различные изменения; даже при нормальном течении дела (например, в уголовном процессе) будут иметь место предварительное расследование случившегося, предание обвиняемого суду, судебное рассмотрение дела, кассационное, надзорное производство и т.д.);

г) издание правового (правоприменительного) акта, завершающего конфликт, может быть несколько решений или дело может быть пересмотрено и т.д. [69, стр. 75].

Таким образом, В.Н. Кудрявцев юридический конфликт непосредственно связывает с применением права, как этапом в его развитии.

На наш взгляд, в динамике юридического конфликта целесообразно выделять два основных этапа: развитие и преодоление конфликта. При этом каждый из этапов может быть представлен последовательно сменяющимися друг друга стадиями. Так развитие конфликта предполагает следующие стадии:

- а) возникновение у одной или у обеих сторон побудительных мотивов юридического характера, выступающих в качестве предпосылок начала юридического конфликта (возникновение конфликтной ситуации);
- б) возникновение фактических отношений между субъектами конфликта (начала конфликта);
- в) эскалация конфликта.

Возникновение конфликтной ситуации (латентная стадия) связана с наличием определенного дефицита ресурса (предмета конфликта), осознанием хотя бы одним из потенциальных субъектов конфликта своих интересов в данной ситуации и того, что препятствием для удовлетворения этих интересов является контрсубъект. Важнейшим условием перерастания конфликтной ситуации в открытый конфликт является невозможность (нежелание) сторон договориться друг с другом относительно предмета конфликта. При этом субъекты конфликтной ситуации начинают воспринимать друг друга в качестве врагов, а это в свою очередь обуславливает персонификацию лица, в отношении которого осуществляется агрессия.

Возникновение фактических юридически значимых отношений между противоборствующими сторонами (начало конфликта как открытой формы противоборства). Конфликт перерастает в открытую стадию, при наличии, по меньшей мере, трех обстоятельств. Во-первых, наличие конфликта становится очевидным для каждого из участников. Во-вторых, действия становятся практическими, они приобретают внешнюю форму, включая действия по захвату спорного объекта, насилие. Угрозы и т.д. В-третьих, о конфликте. Вышедшем из латентной стадии,

будут осведомлены третьи лица, посторонние, которые в той или иной степени в состоянии влиять на конфликт [69, стр. 64]. Для юридического конфликта факт огласки является важнейшим условием юридизации (юридической квалификации). Не получивший официальной правовой оценки конфликт не может быть разрешен при помощи правовых средств, а значит, с формальной точки зрения такой конфликт не является юридическим. Вместе с тем следует иметь в виду, что сам факт огласки далеко не всегда означает, что люди, получившие соответствующую информацию, будут в любом случае стремиться воспрепятствовать конфликту. Достаточно часто реакция окружающих не только не препятствует, но напротив, способствует эскалации конфликта.

Эскалация конфликта. На данной стадии наблюдается усиление интенсивности противоборства сторон. Конфликт, как отмечает А.Г. Здравомыслов, развивается по методу раскручивания спирали; действия одной стороны сопровождаются контрдействием другой, и это последнее контрдействие отнюдь не адекватно по масштабу своих последствий исходной точке конфликта.

Эскалация конфликта может быть охарактеризована как такое прогрессирующее во времени, в пространстве и по кругу лиц изменение конфликта, при котором последующие насильственные воздействия сторон на интересы друг друга (помехи, давление, применение силы и пр.) выше по интенсивности, чем предыдущие модели поведения. На стадии эскалации конфликта действия одной стороны приводят к ответным действиям другой, но уже многократно усиленным и, в свою очередь, вызывающим новые агрессивные поступки. Так, к примеру, криминальный конфликт, связанный с ограблением первоначально выражается в угрозах, которыми нападающий сопровождает свои требования, однако не влечет непосредственного физического насилия. Вместе с тем, грабитель, столкнувшись с активным сопротивлением жертвы, может применить оружие, которым он первоначально лишь угрожал.

Преодоление конфликта может состоять из таких стадий как:

- а) определение параметров конфликта;
- б) локализация конфликта;
- в) приостановление и прекращение конфликта.

Любой юридический конфликт характеризуется временными, пространственными и социальными параметрами. Поэтому начинать разрешение конфликта нужно с получения объективной информации позволяющей выяснить действительные масштабы данного явления. В качестве источников такой информации могут выступать средства массовой информации, свидетельства очевидцев, статистические и эмпирические материалы и т.д. После того как воссоздана реальная картина конфликта, предпринимается попытка взять ситуацию под контроль, сделать ее управляемой.

Локализация конфликта связана с установлением и поддержанием его границ, предотвращающих распространение конфликта на смежные территории и вовлечение в него новых участников.

Приостановление конфликта предполагает временное прекращение открытого противоборства сторон осуществляемое под непосредственным либо опосредованным влиянием третьей стороны побуждающей конфликтующих субъектов к поиску путей возможного компромисса.

Прекращение конфликта в отличие от приостановки означает его полное окончание. Конфликт считается законченным тогда, когда стороны перестают действовать друг против друга и формально закрепляют данное положение.

Более подробно данный этап динамики юридического конфликта будет нами исследован во второй главе диссертационного исследования.

Говоря о юридическом конфликте, его динамике и признаках невозможно не сказать о структуре юридического конфликта. Анализируя структуру конфликта, исследователи по-разному подходят к отбору компонентов, подлежащих изучению. В качестве основных выделяют следующие составляющие конфликта:

- стороны (участники) конфликта, условия протекания конфликта, образы конфликтной ситуации, возможные действия участников конфликта, исходы конфликтных действий [26];
- цели, ценности, целесообразность, потенциалы и обстоятельства [32];
- конфликтная ситуация, инцидент [9] и др.

Расхождения в позициях исследований по этому вопросу связаны главным образом с необходимостью учета внутренних – психологических

аспектов (интересы, ценности, цели, мнения и др.).

С точки зрения И.Л. Чулюкина конфликт как сложное и многогранное явление имеет свою структуру, в качестве элементов которой выделяются: участники конфликта (субъекты и так называемые третьи лица), объект конфликта (то есть определенные материальные и идеальные ценности и блага, то по поводу чего складывается конфликт), предмет конфликта (соответствующие общественные отношения), конфликтный инцидент (включая и средства ведения борьбы) [52, стр. 10].

У В.С. Жеребина структурный состав характеризуется наличием следующих элементов:

- а) контрсубъектов;
- б) объекта;
- в) предмета;
- г) дейно-правовой компоненты.

Т.В. Худойкина считает, что структура юридического конфликта имеет четыре обязательных элемента: субъекты, объект, субъективную сторону и объективную сторону. По ее мнению категория «участники конфликта» более широкая, чем категория «субъекты конфликта». Участники конфликта:

- 1) основные (обязательные) – субъекты юридического конфликта (противоборствующие стороны);
- 2) неосновные (необязательные) – подстрекатели, пособники, судьи, свидетели [64, стр. 30].

При этом круг субъектов юридического факультета должен охватываться понятием «субъекты права». Ими могут быть как отдельные люди – индивиды (физические лица), так и организации (коллективные субъекты) [64, стр. 31].

Соглашаясь в целом с предложенной Т.В. Худойкиной конструкцией, на наш взгляд, структурный состав юридического конфликта характеризуется наличием следующих элементов:

- а) контрсубъекты;
- б) объект;
- в) субъективная сторона;
- г) объективная сторона.

Представляется, что широко используемое в юридической литературе понятие «противоборствующие стороны» не преодолевает всех теоретических трудностей в определении носителей юридического конфликта, и провоцирует обобщенное его истолкование. Выход из создавшихся

теоретических трудностей видится в обозначении носителей их противоположных сторон контрсубъектами юридических противостояний. К общим юридическим признакам контрсубъектам правового конфликта относятся:

- а) правоспособность;
- б) дееспособность;
- в) деликтоспособность.

Под правоспособностью понимается способность контрсубъекта иметь права и обязанности, предусмотренные законом и другими нормативными актами государства. Под дееспособностью понимается способность контрсубъекта своими личными действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. Под деликтоспособностью понимается способность человека отвечать за совершение правонарушения.

К специфическим признакам контрсубъектов относятся:

- а) способность носителя правомерного поведения совершить противозаконное деяние;
- б) способность правонарушителя осуществлять законопослушные деяния.

Иначе говоря, нельзя считать, что контрсубъекты заранее обречены на осуществление однозначных поступков: один – только на правомерное поведение, а другой – на противозаконное. Такое превратное понимание конфликтных юридических отношений неизбежно ведет к соответствующему ошибочному выводу: между правомерным и неправомерным поведением существует абсолютная грань полностью и навсегда отделяющих их друг от друга.

Контрсубъекты – это своеобразные «творцы» конфликтных юридических отношений. Чаще всего они выступают в качестве организаторов и исполнителей, которые своими действиями осуществляют и реализуют противоположные потребности и интересы. В связи с этим необходимо различать контрсубъектов конфликта (противоборствующие стороны) и его участников. Последнее понятие шире и включает, помимо стороны, иных субъектов, так или иначе вовлеченных в конфликт (подстрекателей, организаторов, свидетелей, посредников и т.д.).

Что касается объекта юридического конфликта, то в специальной литературе этот вопрос решается по-разному. Следует указать на две основные теоретические позиции. Во-первых, в качестве типичных объектов юридических конфликтов выделяются, например Ю.А. Тихомировым,

правомерность издания законов, иных правовых актов, их соотношения между собой, статус органа, должностного лица, гражданина, соответствие прав и обязанностей участников юридического спора и некоторые другие правовые явления и состояния. Во-вторых, применительно к любому конфликту в качестве объектов в конкретной системе отношений называется, например В.Н. Кудрявцевым, некий дефицитный ресурс. Одна должность директора, на которую претендуют два заместителя, последний экземпляр товара, из-за которого возникает драка в очереди.

В печати неоднократно отмечалось, что вопрос об объекте конфликта является спорным, и по сей день нерешенным.

В.С. Жеребин по этому поводу отмечает: «Объектом согласно его общенаучному пониманию может быть только феномен, способный реагировать на субъективные права и обязанности контр субъектов юридического конфликта. Вещь, материальный ресурс не обладает такими возможностями. Под воздействием практической деятельности контр субъектов вещь, конечно, изменяется. Человек владеет, пользуется вещами, обрабатывает, наконец, потребляет их, после чего они прекращают своё существование. Но во всех этих случаях реакция вещи на воздействие человека характеризует собой мертвое, неосознанное отображение результатов внешних влияний. Вещь не может понять требований прав и обязанностей человека. Признать вещь, материальный ресурс объектом правового конфликта – значит прийти к ошибочному выводу о том, что заинтересованное противостояние возможно не только между людьми, но и между человеком и искусственным предметом. В действительности, юридические конфликты, как и другие их формы, возникают между контр субъектами, одаренными волей и сознанием, поскольку вещь, материальный ресурс не имеют своих собственных интересов. Следовательно, объектом конфликтных юридических отношений является противостоящее поведение его контр субъектов, которое характеризуется рядом соответствующих признаков, вычленяющих его относительную самостоятельность. Иначе говоря, нельзя противопоставлять контр субъекты правового конфликта его объектам» [21, стр. 79].

Проанализировав вышеназванные точки зрения, автор приходит к выводу о том, что в

качестве объекта конфликта выступает то, по поводу чего он возник и протекает, – это материальное и нематериальное благо, имеющее ценность для контр субъектов, которые выдвигают по отношению друг к другу одинаковые и вместе с тем взаимоисключающие претензии на его присвоение, отчуждение, владение, использование и распоряжение.

Нередко наряду с понятием объект, используется также термин предмет конфликта, при этом при определении объекта и предмета наблюдаются повторы в перечислении их признаков. В частности, таким общим свойством для объекта и предмета является способность быть материальным образованием, вещью. Законодатель тоже не различает понятия объекта и предмета. В ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав он относит многие явления, в том числе и вещи.

В юридической литературе нередко категории объект и предмет применительно к характеристике юридического конфликта употребляются как взаимозаменяющие, тождественные. В.Н. Кудрявцев, например, пишет: «под предметом конфликта мы понимаем объективно существующую или мыслимую (воображаемую) проблему, служащую причиной раздора между сторонами» [36, стр. 34]. Нам же представляется, что это составляет не предмет, а объект конфликта, так как последний не существует без субъекта.

В отличие от объекта, вещь в принципе может существовать независимо от субъекта. Известно, что предметы внешнего окружающего мира имели место и тогда, когда человека ещё не было. В объект они превращаются в связи с познавательной и практической деятельностью субъекта, ибо их использование приобретает для него жизненно важное значение.

По мнению соискателя, предмет юридического конфликта отвечает на относительно самостоятельный и специфический вопрос: вещь как материальное и нематериальное благо имеет ценность для контр субъектов, которые выдвигают по отношению друг к другу одинаковые и вместе с тем взаимоисключающие претензии на ее присвоение, отчуждение, владение, использование и распоряжение.

Субъективная сторона конфликта складывается из вырабатывающихся на уровне индивидуального и коллективного сознания оценок, посредством которых субъекты выражают свое

отношение, как к самому конфликту, так и к его предполагаемым последствиям. Субъектная сторона конфликта получает отражение в мыслительной, эмоциональной и волевой сферах конфликтующих сторон. Она непосредственно включает в себя мотивацию конфликтного поведения. Процесс мотивации в конфликте предполагает: формирование мотива на основе актуальной потребности, интереса, установки; постановку цели; принятие решения по совершению действия (волевой акт). Сами мотивы могут быть весьма разнообразны (корысть, месть, ненависть, недоброжелательность, неудовлетворенность принятым решением, стремление обеспечить себя материально сегодня или в будущем, стремление уйти от ответственности и др.).

Субъективная сторона юридического конфликта как социально-психологический механизм, заключается в мотивационном процессе конфликта, и может либо полностью обладать юридическим характером либо частично иметь юридические аспекты [65, стр. 173].

Процесс мотивации в конфликте (субъективная сторона) включает: формирование мотива на основе актуальной потребности, интереса, установки; постановку цели; принятие решения по совершению действия (волевой акт) [64, стр. 32]. Понятно, что, не имея никакого побудительного мотива, невозможно совершить определенное действие; оно окажется бессмысленным, ненужным, необъяснимым.

Мотив имеется в действиях каждого субъекта конфликта, но мотивы поведения разных субъектов могут быть не одинаковыми, а часто и противоположными. Исходя из того, что конфликт есть противоборство, то и психологические его причины складываются из противоречий, взаимоисключающих целей и мотивов поведения. Раскрыв мотивацию конфликтующих сторон, мы в значительной мере начинаем понимать смысл их противостояния. Анализируя причины поведения субъектов конфликта, не трудно заметить, что они обычно сводятся к стремлению удовлетворить свои интересы. Корысть, месть, ненависть, недоброжелательность, неудовлетворенность принятым решением, стремление обеспечить себя материально сегодня или в будущем – это небольшая часть мотивов конфликтов, встречающихся в правоприменительной практике органов внутренних дел. Следует отметить, что мотивы поведения

субъектов не являются глубинными причинами конфликтов: ведь сами эти мотивы требуют объяснения. Человек реагирует на изменения внешней ситуации, изменяясь сам; в свою очередь, психологические факторы воздействуют на ход экономических и политических процессов, общественное сознание реализуется и преломляется через разум, чувства, потребности, мотивы, интересы, а отсюда мнения, позиции, поступки, действия конкретных людей.

Объективная сторона конфликта характеризует данное явление с точки зрения внешнего выражения – это противоположно направленные юридически значимые (правомерные или противоправные) либо юридически нейтральные действия субъектов противоборства, причиняющие ущерб. Любое несовпадение тех или иных интересов различных субъектов, не будучи реализовано в их противоборстве, не будет иметь эффект конфликта. Именно внешняя реализация существующих противоречий (объективная сторона) дает нам повод говорить о наличии конфликта. Кроме того, как отмечает Т.В. Худойкина, главным моментом в характеристике объективной стороны конфликта является то, что действия разных субъектов должны быть направлены друг против друга. И здесь важно отличать их от односторонних действий, которые хотя и могут носить насильственный, агрессивный или какой-либо иной неприемлемый для другой стороны характер, но не всегда перерастают в противоборство [65, стр. 174].

Объективная сторона включает, помимо противоположно направленных действий субъектов, юридически значимые последствия, причинно-следственную связь между совершенными действиями и наступившими в их результате последствиями а также в качестве дополнительных составляющих: время и место конфликта. Средства и технологии, при помощи которых противоборствующие стороны добивались осуществления своих интересов.

Юридические конфликты достаточно разнообразны. В связи с этим выделяется множество типов конфликтов. Их классификацию можно провести по различным основаниям:

- в зависимости от правового регулирования поведения субъектов на первично юридические и вторично юридические;
- по количеству противоборствующих сторон на простые и сложные;

- по сфере проявления и пространственному распространению на глобальные (макро-конфликты) и локальные (микро-конфликты);
- в зависимости от содержания общественных отношений, в рамках которых либо по поводу которых протекает юридический конфликт (по отраслевому критерию) на гражданско-правовые, семейные, трудовые, административные, конституционные, криминальные, уголовно-процессуальные, правоприменительные и другие юридические конфликты;
- по юридической оценке, на правомерные (правоотношения) и противоправные (посяпки, преступления);
- в зависимости от сферы проявления интересов противоборствующих субъектов и методов регулирования их поведения все юридические конфликты могут быть подразделены на частно-правовые и публично-правовые;
- по степени сложности (в зависимости от количества конфликтных циклов) на моноциклические и полициклические [3, стр. 13].

По мнению ряда авторов, вполне применима классификация конфликтов по системе государственных правоохранительных органов, в той или иной степени участвующих в разрешении конфликтных ситуаций. В соответствии с данной классификацией выделяются конфликты, возникающие:

- в процессе оперативно-розыскной деятельности [23, стр. 51-52];
- при проведении следственных мероприятий [5, стр. 4];
- в сфере судопроизводства [8, стр. 71-73];
- связанные с исполнением наказания [19, стр. 26] и т.д.

Таким образом, можно в качестве одного из видов юридических конфликтов выделить конфликты с участием органов внутренних дел и рассмотреть другую плоскость типологизации конфликтов – служебная деятельность ОВД, т.е. тех функций и объектов, на которые направляется активность сотрудников.

Исходя из принципа универсализации, можно предложить предельно общую классификацию конфликтов на основании пяти групп задач, которые сформулированы в ст.2 российского Закона о милиции:

- 1) конфликты в связи с предупреждением личной безопасности граждан;
- 2) конфликты, связанные с предупреждением и пресечением преступлений и административных правонарушений;
- 3) конфликты в процессе охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности;
- 4) конфликты, связанные с раскрытием преступлений;
- 5) конфликты, связанные с оказанием помощи в пределах, установленных законом, гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям и общественным объединениям в осуществлении их законных прав и интересов.

Необходимо подчеркнуть, что классификация юридических конфликтов на различные типы и виды обладает относительной самостоятельностью. Поэтому между конституционными, криминальными, административными, гражданско-правовыми, трудовыми, процессуальными юридическими конфликтами не существует непроходимой грани, ибо при определенных условиях на основе взаимодействия они могут переходить друг в друга. Контрсубъекты одной разновидности юридических конфликтов в конкретной ситуации и социальной обстановке могут стать носителями их другой модификации в иных общественных условиях.

На основании проведенного в рамках данной статьи исследования юридических конфликтов можно отметить, что:

1. Из всего множества социальных противоборств юридические конфликты можно выделить по следующим признакам: юридический конфликт определяется правовыми отношениями сторон; объект, предмет, субъекты, мотивация юридического конфликта обладают правовыми признаками; конфликт имеет юридические последствия.

2. Юридический конфликт представляет собой противоборство сторон с противоречивыми интересами, имеющее юридический характер, либо имеющее хотя бы один элемент (субъекты, объект, субъективную сторону (мотивацию), либо объективную сторону (действия)) юридического характера, но тогда обязательно завершающееся юридическим способом, юридизирующиеся.

3. В динамике развития юридического конфликта целесообразно выделять два основных

этапа: развитие и преодоление конфликта. При этом каждый из этапов может быть представлен последовательно сменяющимися друг друга стадиями. Так развитие конфликта предполагает следующие стадии:

- а) возникновение у одной или у обеих сторон побудительных мотивов юридического характера, выступающих в качестве предпосылок начала юридического конфликта (возникновение конфликтной ситуации);
- б) возникновение фактических отношений между субъектами конфликта (начало

конфликта);

- в) эскалация конфликта.

Преодоление конфликта может состоять из таких стадий как:

- а) определение параметров конфликта;
- б) локализация конфликта;
- в) приостановление и прекращение конфликта.

4. Структурный состав юридического конфликта характеризуется наличием таких элементов, как: контрсубъекты; объект; субъективная сторона; объективная сторона конфликта.

Список литературы

1. Алекперов С.М. Стадии развития юридических конфликтов, возникающих в правовой сфере // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 8. – С. 631-633.
2. Арабаджиева О.В., Гомонов Н.Д. Юридический конфликт: природа и особенности // Вестник Мурманского государственного технического ун-та. – 2006. – Т. 9. – № 1. – С. 142-147.
3. Астахов П.А. Динамика разрешения юридических конфликтов: Автореф.дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2002. – 24 с.
4. Астахов П.А. Юридические конфликты: современные формы и способы разрешения // Вестник РГГУ. Экономика. Управление. Право. – 2008. – № 5. – С. 29-38.
5. Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1992. – 205, [1] с.
6. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме / АН КазССР. Ин-т философии и права. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 358 с.
7. Бернхард Дж. Современные исследования в социологии конфликта. – Осло, 1953.
8. Боботов С.В. Конституционная юстиция. – М.: РПА МЮ РФ, 1994. – 127 с.
9. Бородин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! – Новосибирск : Наука :Сибирское отделение, 1989. – 186,[3] с. : ил.
10. Борщов С.Г. Противоречия, развитие, практика. Саратов: Саратовский ун-т, 1966. – 228 с.
11. Бутенко А.П. Еще раз о противоречиях социализма // Вопросы философии. – 1982. – № 2. – С.124-129.
12. Вельматина Т.П. Переговоры как альтернативный способ урегулирования конфликтов // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 283-284.
13. Волкова Д.В. Технология разрешения юридического конфликта // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – С. 256-258.
14. Гревцов Ю.И. Социология. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 465 с., [1] л. портр.
15. Гришина Н.В. Конфликты в современном мире: к практике работы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Психология и педагогика. – 2012. – № 3. – С. 3-7.
16. Гулевич О.А., Неврюев А.Н. Личностные детерминанты отношения к войне как способу разрешения международных конфликтов // Вопросы психологии. – 2016. – № 3. – С. 56-58.
17. Гудериев Х.С., Сальников В.П., Хальзов В.И., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. – 288 с.
18. Дагель П.С. Диалектика правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1971. – № 1. – С. 51-59.
19. Дубинский А.Я. Исполнение процессуальных решений: правовые и организационные проблемы / Отв. ред. Г.И. Чангули. – Киев: Наукова думка, 1984. – 182 с.
20. Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. – М. : Высшая школа, 1986. – 143,[1] с.
21. Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии: Дис. ... докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – 395 с.
22. Жеребин В.С. Противоречия при социализме и право. – Владимир : б.и., 1972. – 251 с.
23. Зажицкий В. Связь оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в российском

- законодательстве // Российская юстиция. – 1996. – № 4. – С. 51-52
24. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Учебное пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 317,[1] с.
 25. Золотарев К.В. Участники и субъекты юридического конфликта: теоретико-правовое исследование // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 3. – С. 205-212.
 26. Иванченко В.Н., Асмолов А.Г., Ениколопов С.Н. Установки личности и противоправное поведение // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 97-102.
 27. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с. – Серия: «Юридическая конфликтология: прошлое, настоящее, будущее».
 28. Карагозян С.С., Торгашева Ю.А. Конструктивные функции конфликта // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2015. – Т. 5. – №. 12. – С. 1470.
 29. Каргалова А.И. Субъективная сторона юридического конфликта // Новая наука: проблемы и перспективы. – 2015. – № 1. – С. 217-219.
 30. Категов А.С. Механизм применения права: Монография / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
 31. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. – М.: Политиздат, 1981. – 290 с.
 32. Колодкин Л.М. Успех служебной деятельности руководителя органа внутренних дел. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 38,[3] с.
 33. Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования / Под. ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 344 с.
 34. Коузер Л. Основы конфликтологии : Учебное пособие / Пер. с англ. А.А. Крашевского и М. В. Сорокина. – СПб.: Светлячок, 1999. – 189, [2] с.
 35. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972. – 352 с.
 36. Кудрявцев В.Н. Предмет и объект конфликта // Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: ИГиП РАН, 1995. – 316 с.
 37. Кудрявцев С.В. Конфликтологический анализ криминогенных ситуаций // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование / Под ред. А.Р. Ратинова. – М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. – С. 98-112.
 38. Куприянчук Е.В. Медиация в семейном конфликте // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – Том. 9. – № 4. – С. 2.
 39. Лиддел Гарт Б. Стратегия непринятых действий / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 508 с., [4] с.
 40. Лиддел-Гарт Б. Решающие войны прошлого // <https://www.litmir.me/br/?b=152099&p=1>
 41. Масленников Д.В., Сидоров С.А. Нормативные механизмы регулирования социального конфликта // Образование, экономика, общество. – 2011. – № 4-5. – С. 52-64.
 42. Мохорова А.Ю., Мохоров Д.А. Правовые аспекты конфликтологии // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. – 2013. – № 3. – С. 96-99.
 43. Новосельцев В.И., Лопина М.В., Скоробогатова Д.Е. Юридические конфликты: типология и содержание // Вестник Воронежского ин-та ФСИН России. – 2015. – № 2. – С. 76-79.
 44. Оболонский Ю.В. Главные функции конфликта // Человеческий капитал. – 2013. – № 7. – С. 26-32.
 45. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. – М. МГУ, 1971. – 246 с.
 46. Ромашов Р.А. Конфликтология: к вопросу о концептуальных основаниях // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 8-15.
 47. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – М.: МВД РФ, 2008. – 126 с.
 48. Садыкова З.А. Виктимологическая теория как способ предупреждения юридического конфликта // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 186-192.
 49. Садыкова З.А. Юридический конфликт и его профилактика // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 18-30.
 50. Семенов В.С. Диалектика развития социализма. – М.: Мысль, 1987. – 429,[1] с.
 51. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Саратовский ун-т, 1987. – 97 с.
 52. Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 1. – М., 1991.
 53. Социологический словарь / Сост. А.Н. Елсуков, К.В. Шульга. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Университетское, 1991. – 528 с.
 54. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с англ. М.М. Михайлова. – М.: АСТ, 2017. – 96 с.: ил.
 55. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по

- специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.К. Бабаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристь, 2007. – 637 с.
56. Теория права и государства: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов : Саратовская высшая школа МВД России, 1995. – 559 с.
57. Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М.: БЕК, 1995. – 496 с.
58. Тихомиров Ю.А. Юридические конфликты: природа, виды, преодоление // Социальные конфликты. Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. № 6: Конфликты в политике и экономике: мониторинг и менеджмент / Под ред Е.И. Степанова. – М. : ИСРАН, 1994. – 128 с.
59. Харзинова В.М. Отличие уголовно-процессуального и криминального конфликта // Евразийский научный журнал. – 2019. – № 8. – С. 194-194.
60. Харзинова В.М. Юридические конфликты и правила их разрешения // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 133-134.
61. Хасан Б.И. О понятийной схеме и особенностях конфликта в деятельности по расследованию преступлений // Проблемы психологии следственной деятельности: Сборник научных статей. – Красноярск: Красноярский ун-т, 1986. – С. 43-57.
62. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Разрешение конфликтов и ведение переговоров: Учебно-методическое пособие. – Красноярск; М., 2001. – 236 с.: схем. – (Программа «Гражданское общество»).
63. Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология как научное направление: вопросы методологии // Глобальный научный потенциал. – 2017. – № 11. – С. 104-106.
64. Худойкина Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Н.Новгород, 2002. – 58 с.
65. Худойкина Т.В. Юридический конфликт: Динамика, структура, разрешение: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 1996. – 189 с.
66. Худойкина Т.В., Нефедова Н.В. Проблемы типологии юридического конфликта // Смальта. – 2015. – № 3. – С. 45-47.
67. Чулюкин И.Л. Социальные конфликты и применение права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001. – 32 с.
68. Штракс Г.М. Социальное единство и противоречия социалистического общества. – М.: МГУ, 1966. – 144 с.
69. Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: ИГиП РАН, 1995. – 316 с.
70. Явич Л.С. Сущность, содержание и формы в праве // Методологические проблемы советской юридической науки. – М.: Наука, 1980. – С. 38-66.
71. Deutach M. The resolution of conflict. Constructive and destructive processes. – New Haven, 1973.

КОШКИНА Светлана Александровна,
начальник бюро Невского района СПбГКУ
«ЦОСО» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: rjirbyf29@mail.ru

Специальность 13.00.01 – Общая педагогика;
22.00.04 – Социальная структура, социальные
институты и процессы

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. Предпринята попытка установить, изучить и оценить те болевые точки, которые наиболее актуальны для сотрудников социальных служб, работающих в условиях пандемии. Обращается внимание на рост мошенничества, жертвами которого все чаще становятся одинокие пожилые люди и раскрываются наиболее важные аспекты виктимологической профилактики преступлений против собственности. Описываются способы налаживания конструктивных межличностных отношений в социальной сфере, нейтрализации конфликтов, способствующие повышению стрессоустойчивости как сотрудников социальных центров, так и их клиентов.

Ключевые слова: социальное обслуживание; доверие; мошенничество; конфликт; конфликтная ситуация; стресс; стрессоустойчивость; педагогическая профилактика; пандемия; изоляция; выгорание; оптимизм; активность.

KOSHKINA S.A.

SOCIAL SECURITY DURING THE PANDEMIC: PROBLEMS OF VICTIMOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL PREVENTION OF DEVIANT ACTIVITY

The summary. The article attempts to identify, study and evaluate the pain points that are most relevant for social service employees working in the context of a pandemic. The author draws attention to the growth of fraud, the victims of which are increasingly lonely elderly people and seeks to reveal the most important aspects of victimological prevention of crimes against property. Special attention is paid to the description of ways to establish constructive interpersonal relationships in the social sphere, neutralize conflicts, and increase the stress tolerance of both employees of social centers and their clients.

Key words: social services; trust; fraud; conflict; conflict situation; stress; stress tolerance; educational prevention; pandemic; isolation; burnout; optimism; activity.

*«Человек не должен жаловаться на времена; из этого ничего не выходит.
Время дурное: ну что ж, на то и человек, чтобы улучшить его»
Т. Карлейль*

*«Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к
судьбам родной страны...»
М.Е. Салтыков-Щедрин*

Масштабные трансформации, произошедшие в российском обществе весной-осенью 2020 года, способствовали тому, что сотрудники социальных служб в кратчайшие сроки фактически оказались на острие социальных противоречий, конфликтных ситуаций. Переход специалистов от решения сугубо профессиональных задач (связанных с предоставлением социальных услуг) к участию в противоэпидемических мероприятиях, к обслуживанию клиентов, пораженных COVID-инфекцией или к работе с людьми, которые оказались в вынужденной изоляции и стали испытывать различные фобии, фрустрационные переживания, панические атаки и т.д. потребовал от сотрудников умения быстро адаптироваться к новым реалиям, применять более гибкие и совершенные тактические приемы.

В целом среди социально-незащищенных, малообеспеченных граждан преобладает растерянность, ощущается потребность этих людей в защите, правовой информированности, комплексном сопровождении, трудоустройстве. Особого внимания заслуживают лица пожилого и старческого возраста. К сожалению, подавляющая часть российских пенсионеров (а также граждан предпенсионного возраста) влачат жалкое, унижительное существование. Миллионы людей пытаются решить для себя одну единственную проблему – выживания. Однако не меньшую обеспокоенность вызывает «жизнедеятельность» представителей наиболее проблемных, условно-криминогенных слоев населения (особенно это касается маргинальной, неработающей молодежи). Тенденции, которые характеризуют активность «групп риска», удручают: наблюдается рост насилия, пьянства, наркопотребления, нетерпимости и ксенофобии. Несовершеннолетние сбиваются в банды, которые пытаются диктовать свою волю жителям «подконтрольных» территорий. Подростковая преступность не просто «набирает обороты», но и становится все более жесткой, сплоченной, организованной [2, стр. 10; 3, стр. 6; 5, стр. 3; 6, стр. 5; 7, стр. 5].

В значительной мере негативные тенденции обусловлены затянувшимся системным кризисом, падением уровня жизни населения, пандемией коронавируса, идеологическими просчетами, несформированностью криминологического законодательства, отсутствием действенных механизмов по контролю за преступностью и социальными девиациями [4; 9]. В российской

уголовно-правовой практике сложилась очень сложная ситуация. Справедлива содержащаяся в литературе принципиальная критика законодательной и правоприменительной правовой реальности [1, стр. 15].

Сотрудникам социальных центров довольно часто приходится сталкиваться с парадоксальной ситуацией: некоторые граждане «выплескивают» массу негатива, собственные домыслы и откровенно неправдоподобные слухи в социальные сети, выражают недовольство действиями чиновников, врачей, полицейских, коммунальщиков и т.д., но при этом лишены критического мышления и «легко» становятся объектами манипулятивных воздействий всевозможных аферистов. Немало и одиноких людей, которые в силу целого ряда объективных причин выпадают из поля зрения органов социальной защиты, становятся жертвами преступных посягательств, отдают мошенникам «гробовые», подписывают дарственные, договора купли-продажи.

Так, в октябре 2020 г. Невский районный суд Санкт-Петербурга удовлетворил иск прокурора Невского района и отменил мошенническую сделку по продаже квартиры 93-летней бывшей узницы фашистского концлагеря Евдокии Корсаковой.

Суть дела состоит в следующем. Пожилая женщина стала жертвой мошенницы М. Аразовой, которая имела временную регистрацию, работала помощником воспитателя в детском саду и выдавала себя за социального работника. В результате преступных действий пенсионерка лишилась собственной квартиры. Прокурор обратился с иском в суд о признании недействительным договора купли-продажи. Согласно заключению комиссии экспертов, Е. Корсакова во время противоправных действий не могла правильно воспринимать обстоятельства. Напомним, что из содержания статьи 177 ГК РФ следует: сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина.

Уже на ранних этапах следствия было установлено, что М. Аразова в течение нескольких месяцев «опаивала» потерпевшую психотропными препаратами и спиртосодержащей жидкостью, а затем воспользовалась беспомощным

состоянием пожилой женщины и обманном способом уредила ее подписать договор купли-продажи квартиры на улице Бабушкина. По договору пенсионерке полагалось 4,5 миллиона рублей, однако деньги потерпевшая не получила [23, стр. 17].

13 октября 2020 г. сотрудники правоохранительных органов задержали в Петербурге ранее судимых мужчин и женщину, которые подозреваются в телефонном мошенничестве. Как сообщила официальный представитель МВД России Ирина Волк, задержанные обманули шестерых пенсионеров на 500 тыс. рублей. Злоумышленники звонили пожилым жителям города и, представляясь их друзьями либо родственниками, рассказывали заранее придуманную историю о том, что у них украли сумку с документами и банковскими картами. По словам мошенников, вернуть похищенное имущество можно было только в том случае, если будет заплачен выкуп похитителям. Когда же доверчивые пенсионеры соглашались «одолжить» собеседникам денег, к ним приезжал один из участников группы (по данным МВД, жертвами подозреваемых стали люди в возрасте от 83 до 90 лет).

Преступники могут «маскироваться» под волонтеров. Мошенники нередко представляются курьерами по доставке гуманитарной помощи, лекарств, продуктов питания. При этом аферисты могут начать предлагать приобрести БАДы от коронавируса, давления, болезней суставов (что является откровенной ложью). В сентябре-октябре 2020 в Санкт-Петербурге и Ленинградской области были выявлены преступные группы, которые предлагали пожилым людям включиться в оздоровительные реабилитационные программы за 568 тысяч рублей (при этом они заявляли, что, 268 тысяч должны заплатить сами клиенты, а 300 тысяч, якобы, оплачивает Министерство здравоохранения, так как программы государственные).

При выявлении подобных случаев сотрудники социальных центров сразу же начинают взаимодействовать с прокуратурой, полицией Следственным комитетом, а при необходимости с депутатами, правозащитниками, омбудсменами, общественностью. Данные случаи убедительно демонстрируют, что в сложные периоды, в условиях чрезвычайных ситуаций карантина и самоизоляции у пожилых людей нарушается

способность к критическому мышлению.

Число мошенничеств в России за 8 месяцев текущего года выросло на треть – до 218,5 тысячи. Чаще всего аферисты находят жертв в Москве, Мурманской области и Удмуртии. Об этом свидетельствуют данные Генпрокуратуры России, опубликованные в свежем выпуске сборника о состоянии преступности в стране (за январь-август 2020 года). «В текущем году чаще других подвергались таким преступлениям лица, проживающие в Москве (232,1 факта на 100 тысяч граждан), Мурманской области (226,3) и Удмуртской Республике (224). Наибольший прирост числа зарегистрированных мошенничеств зафиксирован в Санкт-Петербурге (в 2,8 раза, до 6653)», – отмечается в материалах надзорного ведомства [8, стр. 3].

По данным Генпрокуратуры, начиная с прошлого года в России сохраняется устойчивая тенденция к увеличению различного рода мошенничеств. На октябрь 2020 г. в структуре преступности их доля составляет почти 16 процентов, то есть практически каждое шестое зарегистрированное преступление совершается по статье 159 Уголовного кодекса РФ «Мошенничество». Пять лет назад этот показатель составлял всего 7,8%. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество мошенничеств, совершенных с использованием электронных средств платежа, выросло по стране более чем в два раза – всего зарегистрировано 20 852 преступлений (+107,8%). Рост числа указанных деяний в разной степени зафиксирован в 75 регионах. В настоящее время более половины всех киберпреступлений совершается с использованием интернета (182,6 тысячи), свыше 42 процентов – при помощи средств мобильной связи (135,8 тысячи) [8, стр. 3; 20, стр. 1, стр. 5; 22].

Как правило, при совершении мошенничества преступники используют психологические методы воздействия на потерпевших, очень часто злоумышленники «работают» в составе организованной группы, где все роли распределены, но цель одна – отъем денег. Став жертвой и придя в себя, пожилой человек часто не может осознать – что же с ним случилось, почему он выложил свои деньги абсолютно незнакомым людям.

Со своей стороны специалисты по социальной работе проводят беседы, занятия с целью девикутимизации пенсионеров, обучают пожилых людей способам противодействия мошенникам. Советы

сотрудников социальных центров достаточно просты и (как показало время) эффективны:

- 1) нельзя впускать в свою квартиру посторонних;
- 2) необходимо записывать фамилию, имя, отчество визитеров и цель посещения;
- 3) важно перепроверять полученные данные по официальным каналам;
- 4) имеет смысл во время беседы приглашать родственников, соседей и т.д.

Кроме того, чрезвычайно важно никогда не делать поспешных выводов. Мы напоминаем клиентам, что никто, кроме них самих не должен владеть данными о личных счетах и банковских картах. Пожилой человек должен знать: представители Пенсионного фонда никогда не будут требовать перевода денег на какой-либо счет для выделения (получения) социальной помощи.

Специалисты по социальной работе обязаны быть объективными. Они открывают людям глаза на истинное положение вещей, дают готовые рецепты по исправлению ситуации или вступают в диалог, чтобы с позиции партнерства, сотрудничества, взаимного доверия выработать принципиально иную (конструктивную) линию поведения. Разумеется, что «психопатизированным», морально и нравственно опустошенным субъектам такое вмешательство в их жизнь не по душе, особенно если они не хотят ничего менять. Разногласия приводят к довольно эмоциональным спорам, конфликтам. Иногда, таких сложных, «некурабельных» клиентов удастся вовлечь в процесс реадaptации и ресоциализации, вселить в них надежду, веру в собственные силы, убедить в том, что каждый из них уникален, востребован и в любой момент может начать новую жизнь.

В своей профессиональной деятельности специалисты по социальной работе используют методы, которые относятся к следующим видам виктимологической профилактики:

- индивидуальная профилактика (выявляются лица, которые в связи с их образом жизни, социальным статусом, а также с учетом характерных индивидуально-личностных качеств, т.е. «виктимогенным потенциалом» с большой долей вероятности могут оказаться потерпевшими, далее, в отношении этих лиц осуществляются специальные мероприятия, нацеленные на снижение уровня виктимности);
- неотложная виктимологическая профи-

лактика (заключается в предотвращении конкретных преступлений, например, мошенничества, посредством воздействия на криминогенные слои общества, при этом первостепенная роль отводится ресурсам самих потенциальных жертв) [21, стр. 129-141].

Наличие вышеперечисленных негативных явлений привело к повышению требований, предъявляемых к содержанию и качеству профессиональной подготовки сотрудников социальных служб, особое место в которой занимают более глубокие познания в области конфликтологии.

Преимущественно, конфликтологическая «подготовка» сотрудников осуществляется самостоятельно, причем многие психологические установки, касающиеся общения, взаимодействий, формируются в ходе установления межличностных отношений (в рабочее и вне рабочее время).

Вместе с тем, как свидетельствует практика, в период пандемии для социальных учреждений характерен рост числа межличностных конфликтов (протекающих в рамках: сотрудник-клиент; сотрудник-сотрудник; клиент-клиент; клиент-родственники клиента).

Повышение «градуса» напряженности и конфликтности обусловлено, с одной стороны, психотравмирующей ситуацией вокруг распространения коронавируса, расширением сфер совместной деятельности, сложной приспособляемостью сотрудников к неблагоприятным условиям работы, а с другой – повышенной агрессивностью, низким уровнем общей культуры и толерантности люмпенизированных граждан, различных психоаномалов и т.д.

Кроме того, в деятельности ряда сотрудников допускаются серьезные ошибки, связанные с неспособностью оперативно решать вопросы организации профилактики конфликтов. Это также требует научно-практического осмысления сложившейся ситуации. Необходимо уточнить, что изучению проблематики конфликтов в отечественной педагогике и психологии, а также проблем разрешения межличностных конфликтов и их профилактики в сфере социального обеспечения посвящены многочисленные работы ученых СПб ГУ, СПб ГИПСР и т.д. Однако, в целом, проблема эффективности педагогической профилактики межличностных конфликтов в период пандемии педагогической

наукой практически не рассматривалась.

Тем не менее, на основании собственных наблюдений представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что повышение эффективности педагогической профилактики межличностных конфликтов в сфере социального обслуживания возможно при наличии ряда условий. Например, если удастся сформировать мотивационную готовность специалистов к осуществлению активной деятельности по преодолению выгорания, невротизации, по оказанию само и взаимопомощи. Необходимо также повысить уровень профессионального мастерства специалистов, обеспечить сплочение коллективов.

В психолого-педагогической науке конфликт трактуется как один из видов взаимодействия членов коллектива, при котором резко обостряются противоречия, либо между отдельными людьми, либо между отдельным человеком и коллективом, либо между группами. Наукой предлагается следующее отношение к конфликтным ситуациям: а) нежелательные конфликты предупреждать или разрешать на ранней стадии («в зародыше»); б) конструктивные конфликты разрешать либо устранением одной из сторон противоречия, либо устранением условий, способствующих конфликту.

Для предупреждения и разрешения конфликтов могут использоваться:

- мотивированные диалоги, этические беседы, диспуты, дискуссии (А.В. Зосимовский, В.А. Сухомлинский);
- метод включения в деятельность (В.М. Афонькова, М.М. Яценко);
- метод разрешения нравственных задач на основе жизненных конфликтных ситуаций (А.В. Зосимовский, В.П. Родченкова);
- метод моделирования конфликтных ситуаций, ролевая игра (Б.Т. Лихачев, С.А. Мищенко);
- метод взрыва (А.С. Макаренко), выражающийся в различных формах (доверие, отчуждение от коллектива, изоляция, «гнев» наставника, воспитателя и т.п.) и другие.

Под педагогической профилактикой межличностных конфликтов в социальных службах (учреждениях) следует подразумевать систему мер, включающую в себя устранение причин, приводящих к обострению отношений. Данная система позволяет формировать и укреплять

мировоззренческие, целевые, профессиональные установки, а также способствовать развитию терпимости и конфликтологической компетенции как специалистов, так и клиентов. Специалисты по социальной работе активно используют цифровые технологии. Дело в том, что процесс получения информации существенно изменился, потому что сегодня специалист в меньшей степени «передает» знания, а в большей степени – дает разъяснения (комментарии и рекомендации) к тем сведениям, знаниям, которые клиенты получили самостоятельно.

Структура педагогической профилактики межличностных конфликтов подразумевает наличие в ней субъекта, объекта, целей и задач, закономерностей, методов и форм реализации. Высокая эффективность педагогической профилактики межличностных конфликтов в социальных учреждениях обеспечивается ее плановым, целенаправленным, своевременным, комплексным и адресным характером. Как показывают наши собственные исследования, на эффективность педагогической профилактики оказывают влияние следующие факторы: индивидуальные личностные качества специалистов; ценностные установки, особенности культуры, воспитания и образования; семейное положение; обстановка в семье; условия жизнедеятельности сотрудников; уровень «педагогического мастерства» руководителей социальных учреждений.

К основным причинам возникновения межличностных конфликтов среди сотрудников относятся:

- 1) несоблюдение правил поведения в коммуникационной сфере;
- 2) неискренность;
- 3) недостатки в управленческой деятельности руководителей организаций;
- 4) характерологические особенности отдельных коллег;
- 5) девиантные установки;
- 6) низкий интеллект.

Отличительной особенностью возникновения межличностных конфликтов является их спонтанность, непредсказуемость поведенческих реакций, повышенная эмоциональность.

Мероприятия по повышению мотивационной готовности специалистов по преодолению конфликтов предполагают:

- 1) осуществление должностного контроля за качеством выполнения сотрудниками своих

служебных обязанностей;

- 2) индивидуальные собеседования с подчиненными, нацеленные на побуждение их к конструктивному решению проблем;
- 3) использование стимулирующей роли поощрительных мер (санкций морального и материального плана);
- 4) личный пример руководителей (демонстрация высоких морально-психологических качеств);
- 5) проведение тренингов, ролевых игр, семинаров, теоретических и практических занятий по соответствующей тематике.

Отдельного внимания заслуживает профилактика профессионального выгорания. К сожалению, в период пандемии многие люди живут и работают в ситуации нарастающей неопределенности, в которой постоянный контроль происходящих событий, своих внутренних переживаний невозможен. Для этого следует научиться фокусировать свое внимание на позитиве, выработать способность «переключаться» на долгосрочные цели и жить в соответствии в посильными (адекватными) а не навязанными, трудновыполнимыми задачами. Следует развивать эмоциональный интеллект и выстраивать свою жизнь, работу, межличностные отношения сбалансированно. На психологическую готовность к стрессу решающую роль играют свойства приобретенные в процессе жизни и активной профессиональной деятельности, укрепление их возможно в процессе целенаправленной психолого-педагогической подготовки.

Не следует сбрасывать со счетов и общесоциальную напряженность, которая связана с распространением среди населения чувства неудовлетворенности существующим положением дел, растущей безработицей, конфликтами интересов различных социальных субъектов, стремящихся реализовать свои потребности.

Несколько лет ранее академик В.П. Сальников и профессор С.И. Захарцев писали, что любая сложная (кризисная) ситуация в стране требует, в первую очередь, решения

важнейших стратегических задач по стабилизации социально-экономического положения, по социальной защите населения, по консолидации усилий федеральных и региональных органов власти [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Таким образом, подводя итог сказанному, сформулируем ряд выводов:

1. К профессионально-значимым качествам специалиста по социальной работе относятся: моральная и эмоционально-волевая устойчивость, способность осуществлять грамотные и результативные действия в сложных ситуациях, уверенность в себе (в своих силах, возможностях), умение вносить необходимые коррективы в свое поведение, коммуникабельность, стрессоустойчивость.

2. Виктимологическая профилактика в сфере социального обслуживания населения в период пандемии предоставляет специалистам по социальной работе широкие возможности, в том числе и в плане выработки высокоэффективных мер позитивного воздействия на причины, условия, обстоятельства совершения корыстных преступлений, жертвами которых оказываются пожилые граждане.

3. Под психолого-педагогической профилактикой межличностных конфликтов, возникающих в процессе социального обслуживания, следует понимать систему мер, включающую в себя выявление и устранение причин, приводящих к возникновению напряженности, а также направленную на формирование конструктивных мировоззренческих и целевых установок.

4. Конфликты в служебных коллективах могут быть успешно разрешены, если самим сотрудникам удастся установить и детально проанализировать истинные причины разногласий, выявить цели конфликтующих сторон, а также выработать взаимоприемлемые решения. В подобных ситуациях нужен компромисс, который предполагает готовность поступиться собственными амбициями, интересами, пойти на уступки (если они не противоречат закону, этическому кодексу, общепринятым правилам поведения).

Список литературы

1. Бабаев М.Н., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
2. Бицоев С. Оскал русского капитализма // Московский Комсомолец. – 2020. – 12 августа. – С. 10.
3. Гонтмахер Е. Бедность как чисто российская аномалия // Московский Комсомолец. – 2019. – 10-17 июля. – С. 6.
4. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гишинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гишинский. – СПб.: Алетей, 2000. – 384 с.
5. Зубов М. Реформу просят притормозить // Литературная газета. – 2020. – № 31 (6747). – 29 июля-4 августа. – С. 3.
6. Калинина Ю. Каминг-аут за 10 тысяч // Московский Комсомолец. – 2020. – 27 мая-3 июня. – С. 5.
7. Миркин Я. Вирус наступает: Что дальше? // Российская газета. – 2020. – 8 октября. – С. 5.
8. Петров И. Аферисты бьют рекорды // Российская газета. – 2020. – 7 октября. – С. 3.
9. Проблемы девиантного поведения молодежи: Монография / Н.В. Блажевич и др.; под общ. ред. А.И. Числова, Н.В. Блажевича. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. – 254 с.: ил., табл.
10. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – С. 3-5.
11. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
12. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
13. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
14. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
15. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
16. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
17. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89.
18. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
19. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
20. Сергачев В. Не ставить все на карту // Санкт-Петербургские ведомости. – 2020. – № 179 (6777). – 5 октября. – С. 1, 5.
21. Третьяков И.Л. Криминальная виктимизация лиц старшего поколения: актуальные проблемы ее преодоления // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 129-141.
22. Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии Каким преступлениям поспособствовала самоизоляция // URL.: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d>
23. Чулков К. Прокурор вернул квартиру узнице концлагеря // Петербургский дневник. – 2020. – 9 октября. – С. 17.

СУХОВЕЦКИЙ Максим Игоревич,

аспирант кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

E-mail: maximsukhovetskiy@gmail.com

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ «ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ»

***Аннотация.** Рассматриваются существенные признаки отдельных коррупциогенных факторов, с учетом их легального определения, доктринальных подходов и позиций изложенных в материалах судебной практики. Оцениваются положения Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов нормативных правовых актов» на предмет наличия в нем таких коррупциогенных факторов.*

***Ключевые слова:** коррупциогенный фактор; дискреционные полномочия; усмотрение; отсутствие административных процедур; неполнота административных процедур; юридико-лингвистическая неопределенность.*

SUKHOVETSKIY M.I.

CORRUPTION GENERATING FACTORS IN FEDERAL LAW “ON ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF NORMATIVE LEGAL ACTS AND DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS”

***The summary.** In this article, the author examines the essential characteristics of certain corruption-generating factors, taking into account the legal definition, doctrinal approaches and positions set forth in the material of judicial practice, and also assesses provisions of the Federal Law “On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts” for the presence of such corruption factors in them.*

***Key words:** corruption factor; discretionary powers; discretion; lack of administrative procedure; incompleteness of administrative procedure; legal and linguistic uncertainty.*

В настоящее время в Российской Федерации активно развиваются институты, направленные на противодействие коррупции [26; 27; 30; 33; 34], в частности связанные с процессом осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов [8; 11; 20; 23; 25].

Актуальность вопросов связанных с осуществлением антикоррупционной экспертизы

нормативных актов и проектов нормативных актов во многом объясняется с одной стороны опасностью такого явления как «коррупция», а с другой, особой ролью нормативного акта в России.

Так, в условиях российской правовой системы, такой источник права как нормативно-правовой акт занимает особое место. Являясь официальным документом, принятым уполномоченным

органом в рамках его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену нормативных предписаний, исполнение которых обеспечивается силой государственного принуждения, нормативно-правовой акт, безусловно, является важным регуляторным инструментом, оказывающим существенное влияние на общественные отношения, являющиеся предметом его регулирования.

С учетом правовой значимости и влиятельности нормативно-правового акта как источника права, весьма значимыми становятся и правовые проблемы, возникающие в связи с его подготовкой и применением. Отдельное место в этой связи, занимают проблемы, связанные с коррупцией и, в частности, понятием «коррупциогенный фактор».

В соответствии с легальным определением, предусмотренном в Федеральном законе от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» [1] (далее – ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе»), коррупциогенными факторами являются «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции». Указанное определение представляется не совсем удачным, поскольку помимо существенных признаков понятия, содержит положения, которые сводятся к фактическому перечислению видов коррупциогенных факторов, предусмотренных, в том числе Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов (далее – Методика).

В этой связи, более удачными представляются доктринальные определения понятия «коррупциогенный фактор», содержащие исключительно существенные характеристики понятия. Так, одними авторами, под коррупциогенным фактором предлагается понимать явление или совокупность явлений, порождающие коррупционные правонарушения или способствующие их распространению [7]. Е.В. Лой, в свою очередь, отмечает, что под коррупциогенными факторами

принято понимать положения нормативно-правовых актов, создающие условия для коррупции и коррупционных проявлений [21]. М.А. Краснов, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков в качестве коррупциогенного фактора рассматривают положение нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта, создающее условия для проявления коррупции [19, стр. 82].

С учетом указанных позиций полагаем, что понятие коррупциогенного фактора можно определить, как положения нормативно-правового акта или проекта нормативно-правового акта, создающего комфортные, благоприятные условия, предпосылки для проявления коррупциогенного поведения лицами выступающими в качестве правоприменителей в соответствии с положениями такого нормативно-правового акта или проекта нормативно-правового акта.

Для целей выявления в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов, в 2009 году был издан упомянутый ранее ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», предусматривающий правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных правовых актов. В 2010 году в соответствии с указанным законом издается Постановление Правительства № 96 [2], утвердившее правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов и указанную ранее Методику.

Вместе с тем, конструкции отдельных нормативных положений ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», являющего по сути, частью нормативно-правовой базы для проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов в Российской Федерации, содержат положения, которые с учетом критериев, предусмотренных Методикой, а также позиций, изложенных в материалах судебной практики, могут быть рассмотрены в качестве коррупциогенных факторов.

Так, Методика относит к коррупциогенным факторам нормы, устанавливающие для правоприменителя необоснованную широту дискреционных полномочий, в том числе отсутствие или неполноту административных процедур – отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными

лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка (далее – отсутствие или неполнота административных процедур), а также юридико-лингвистическую неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (далее – юридико-лингвистическая неопределённость) [4; 5; 6].

Отсутствие или неполнота административных процедур, является не самым проработанным с доктринальной точки зрения коррупциогенным фактором, имеющим легальное закрепление. В этой связи, следует отметить, что значительно больше работ посвящено проблемам, связанным с вопросами предоставления дискреционных полномочий правоприменителю. Указанная особенность научной проработанности вопроса, может быть объяснена, в частности, особенностями структуры изложения Методики, которая хотя и представляется не совсем удачной с точки зрения соотношения групп коррупциогенных факторов и их конкретных разновидностей [32], тем не менее, совершенно справедливо рассматривает отсутствие или неполноту административных процедур в качестве коррупциогенного фактора, устанавливающего для правоприменителя необоснованную широту дискреционных полномочий.

В этой связи, отдельного внимания заслуживает позиция В.В. Астанина, который отмечает, что нередко упускаемый из фокуса внимание эксперта, осуществляющего антикоррупционную экспертизу, остается коррупциогенный фактор, выраженный в отсутствии или неполноте административных процедур, свойство которого проявляется в том, что он в определенной части «имеет автоматическую связь или корреляцию» с таким коррупциогенным фактором как «широта дискреционных полномочий» и делает вывод, что проявление указанных факторов «следует фиксировать в формате спутника по отношению к другому» [12].

Указанная позиция представляется намного более многогранной, чем может показаться на первый взгляд, особенно, во взаимосвязи с действующими положениями российского законодательства, в частности, положениями рассматриваемой ранее Методики. Так, автор акцентирует внимание на связи коррупциогенного фактора «широта дискреционных полномочий» и коррупциогенного фактора «отсутствие или

неполнота административных процедур» как «однопорядковых» явлений, что с одной стороны действительно верно, поскольку подпунктом «а» пункта 3 Методики «широта дискреционных полномочий» рассматривается в качестве самостоятельного коррупциогенного фактора.

С другой стороны, коррупциогенный фактор «отсутствие или неполнота административных процедур» в силу положений абзаца первого пункта 3 Методики является разновидностью норм, устанавливающих для правоприменителя необоснованную широту дискреционных полномочий и таким образом, по своей сути сам является коррупциогенным фактором выраженном в широте дискреционных полномочий [4; 5; 6].

Так или иначе, представляется, что вне зависимости от структуры изложения положений Методики, связь между отсутствием или неполнотой административных процедур и широтой дискреционных полномочий действительно есть, поскольку отсутствие элементов, регулирующих порядок осуществления правоприменителем действий административного характера, так или иначе влечет риски, связанные с административным усмотрением в деятельности правоприменителя, что может проявляться в попытках восполнения недостающих элементов посредством принятия властных решений.

Кроме того, особенностью научной проработанности рассматриваемого коррупционного фактора, является то, что авторы доктринальных исследований, рассматривающие проблемы, связанные с коррупционностью законодательства, при анализе фактора «отсутствие или неполнота административных процедур» зачастую идут не по пути раскрытия его сущностных характеристик, а по пути приведения конкретных примеров наличия указанного коррупциогенного фактора в тексте нормативных актов [14; 35]. Причиной чему, вероятно, могло стать довольно подробное легальное определение указанного коррупциогенного фактора, предусмотренное непосредственно в Методике.

В этой связи, в дальнейшем, при оценке конкретных положений нормативных актов на предмет наличия коррупциогенных факторов, представляется возможным исходить из содержания определения коррупциогенного фактора «отсутствие или неполнота административных процедур» предусмотренного в Методике, а также учитывать взаимосвязанность рассматриваемого

нормативного акта с «широтой дискреционных полномочий».

Сущность коррупциогенного фактора «юридико-лингвистическая неопределенность» также раскрывается в тексте Методики. Вместе с тем, в теории права, тема определения содержания, указанного коррупциогенного фактора проработана более глубоко.

Так, Н.П. Алешкова, рассматривает, юридико-лингвистическую неопределенность как «употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера с неясным, неконкретным содержанием либо не применяемых в законодательстве Российской Федерации», а также «обозначение одних и тех же явлений различными терминами». В качестве примера, такого коррупциогенного фактора, автор рассматривает использование в тексте нормативного акта формулировки «в установленном порядке», в отсутствие указанного порядка в конкретном нормативном акте [10]. В.М. Корякин, при определении сущности указанного коррупциогенного фактора (применительно к документации о закупках») рассматривает юридико-лингвистическую неопределенность исходя из легального определения предусмотренного в Методике как употребление «неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера», а в качестве примеров предлагает рассматривать формулировки «и другие (иные, прочие)», «может», «возможно», «по усмотрению», «и так далее», «в установленном порядке», при этом указывает, что положения, которые, по его мнению, соответствуют такому коррупциогенному фактору должны могут содержать неопределенные, создающие условия для их расширенного толкования термины.

Представляется, что определение сущности юридико-лингвистической неопределенности посредством указания на такие отличительные черты соответствующего коррупциогенного фактора как «двусмысленность», «оценочность», «неясность» является вполне справедливым и обоснованным, поскольку именно такие дефекты как отсутствие конкретики при изложении нормативных положений способствует проявлению злоупотреблений со стороны правоприменителя, которые, руководствуясь такими положениями, могут толковать имеющуюся неопределенность в свою пользу, в том числе для достижения

корыстных, противоречащих закону целей.

В этой связи, с учетом заявленной тематики представляются весьма интересными отдельные положения ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе».

Во-первых, подпункт 3 пункта 1 статьи 3 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», в соответствии с которым, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) (далее – антикоррупционная экспертиза) проводится, «...в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления...» (далее также – положение № 1).

Во-вторых, пункт 3 статьи 4 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», в соответствии с которым, «...требование прокурора об изменении нормативного правового акта подлежит обязательному рассмотрению соответствующими органом, организацией или должностным лицом ... и учитывается в установленном порядке органом, организацией или должностным лицом, которые издали этот акт, в соответствии с их компетенцией...», а «...требование прокурора об изменении нормативного правового акта, направленное в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации или в представительный орган местного самоуправления, подлежит обязательному рассмотрению на ближайшем заседании соответствующего органа и учитывается в установленном порядке органом, который издал этот акт, в соответствии с его компетенцией» (далее также – положение № 2).

В-третьих, пункт 4 статьи 4 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», в соответствии с которым, «требование прокурора об изменении нормативного правового акта может быть обжаловано установленном порядке» (далее – положение № 3).

Представляется, что изложенные положения ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» могут быть рассмотрены как содержание коррупциогенные факторы. В частности, усматриваются признаки рассмотренных ранее коррупциогенных факторов, а именно, «отсутствие или неполнота административных процедур»

и «юридико-лингвистическая неопределенность». Причем в рассматриваемых случаях такие коррупциогенные факторы выступают не как обособленные явления, а проявляются системно, то есть являются связанными между собой, к примеру, таким образом, что возникновение одного коррупциогенного фактора послужило причиной возникновения другого.

Так, положение № 1, содержит такие формулировки как «установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов...». С учетом изложенного, представляется, что указанное положение содержит такой коррупциогенный фактор как «юридико-лингвистическая неопределенность».

В частности, формулировка «соответствующих», используемая в рассматриваемой структурной единице является неопределенной и двусмысленной, поскольку, с учетом иных положений структурной единицы, не позволяет достоверно определить, какие конкретно органы и (или) организации должны определять порядок проведения антикоррупционной экспертизы. Указанный вывод соответствует как позициям, изложенным в доктрине права [24], в том числе в отношении формулировки «соответствующий орган» [10].

Кроме того, положение № 1, закрепляя порядок осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов (далее – антикоррупционная экспертиза), предусматривает норму, содержащую отсылку к иным нормативным правовым актам – актам подзаконного нормотворчества.

Таким образом, ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе» (в части положения № 1) фактически, предусматривает порядок, имеющий две составляющие: (1) общая норма ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», закрепляющая субъекты проведения антикоррупционной экспертизы и предусматривающая отсылку на иной нормативный акт, содержащий конкретные правила её осуществления; (2) и непосредственно конкретные правила осуществления антикоррупционной экспертизы.

Вместе с тем, представляется, что порядок осуществления антикоррупционной экспертизы (имеющий две составляющие), предусмотренный в положении № 1, с учетом наличия юридико-лингвистической неопределенности, содержит

такой коррупциогенный фактор как «отсутствие или неполнота административных процедур», поскольку, вторая составляющая рассматриваемого порядка, предусматривая неопределенную и двусмысленную ссылку на конкретные правила осуществления антикоррупционной экспертизы, фактически приводит к отсутствию элемента порядка совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями действий определенных действий.

С учетом изложенного, представляется, что нормы, закрепленные положением № 2, в части формулировок «соответствующим органом, организацией или должностным лицом» также будет справедливо отнести к коррупциогенным факторам.

Вместе с тем, как положение № 2, так и положение № 3 содержат иную, не рассмотренную ранее в рамках настоящей работы формулировку, которая может быть расценена как коррупциогенный фактор – «в установленном порядке».

В правовой доктрине, однако, существует позиция, в соответствии с которой, изложение нормы с использованием формулы «в установленном порядке» является коррупциогенным фактором только в том случае, если этот порядок не установлен в конкретном правовом акте и может использоваться случае, если этот порядок действительно установлен в конкретном правовом акте. В противном случае она является коррупциогенным фактором [10].

Данная точка зрения представляется не совсем справедливой, поскольку коррупционность в рамках данной формулировки проявляется не только в отсутствии элемента порядка осуществления определенных действий и, как следствие, возникновении пробела в правовом регулировании, но и как возможность правоприменителя использовать имеющуюся в нормативном акте неопределенность в противоправных целях.

Представляется, что формулировка «в установленном порядке», наряду с рассмотренной ранее формулировкой «соответствующим» содержит признаки коррупциогенного фактора такого коррупциогенного фактора как «юридико-лингвистическая неопределенность». Указанное положение является двусмысленным, неопределенным и не позволяет определить, о каком порядке идет речь, в том числе о том, в каком порядке, где и каким органом или организацией

был принят этот порядок и каков предмет его регулирования, что, в конечном счете, способствует проявлению коррупционного поведения в действиях правоприменителя. Такое поведение может проявляться, например, посредством применения различных нормативных актов к отношениям, урегулированным положением, содержащим рассматриваемую неопределенную и двусмысленную формулировку.

Кроме того, также, как и в положении № 1, в данном случае, положение содержащее указанную двусмысленную и неопределенную формулировку фактически являясь первой составляющей порядка осуществления определенных действий (общая норма) предусматривает ссылку на вторую составляющую порядка (конкретные правила), и может быть рассмотрено как положение содержащее коррупционный фактор «отсутствие или неполнота административных процедур», поскольку отсутствие конкретной составляющей порядка, приводит к

неполноте административной процедуры, урегулированной данным порядком.

Таким образом, ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе», являющийся одним из основополагающих актов в сфере деятельности направленной на борьбу коррупционностью законодательства, сам содержит положения, которые могут быть рассмотрены в качестве коррупционных факторов с позиций российского законодательства и теории права. Учитывая, что коррупция в России институционализована [18; 22; 28; 29; 31; 36] и представляет серьезную угрозу для национальной безопасности нашего Отечества [9; 13; 15; 16; 17], представляется необходимым продолжать теоретическую и практическую работу, направленную на минимизацию рисков, связанных с коррупционностью законодательства, уделяя особое внимание, законодательству, составляющему правовую основу осуществления антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
2. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
3. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2019 № 53-АПА19-36 // <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28082019-n-53-apa19-36>
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2019 № 8-АПА19-5 // <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29052019-n-8-apa19-5/>
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2019 № 4-АПА19-7 // <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29042019-n-4-apa19-7/>
7. Агешкина Н.А., Бельянская А.Б., Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный). – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 316 с.
8. Акчина А.Н., Евдокимов К.Н., Земцова Е.С. Актуальные вопросы проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 155-158.
9. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003. – 250 с.

10. Алешкова Н.П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации: Монография. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. – 260 с.
11. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
12. Астанин В.В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 5-9.
13. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
14. Гаврилов Е.В. Пределы дискреции регионального законодателя по вопросам ведения субъекта Российской Федерации // Реформы и право. – 2016. – № 1. – С. 33-41.
15. Горбашев В. В., Александров Р.А., Ильичев В.В., Минаков И.А., Кондрат Е.Н. Национально-экономическая безопасность России: прошлое и настоящее // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 102-104.
16. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 77-99; Статья вторая // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 24-33; Статья третья // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 29-43.
17. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
18. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 111-127.
19. Краснов М.А., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Коррупция и законодательство: анализ закона на коррупциогенность // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 77-88.
20. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика. Научно-практическое пособие. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. – 368 с.
21. Лой Е.В. Перспективы совершенствования института антикоррупционной экспертизы в рамках проведения административной реформы // Административное право и процесс. – 2017. – № 12. – С. 64-67.
22. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 20-27.
23. Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. – 2008. – № 24. – С. 27-30.
24. Наумова Ю.И., Ибрагимов М.Г. Благоустройство населенных пунктов как объект надзора // Законность. – 2010. – № 9. – С. 35-37.
25. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
26. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М., 2019. – 384 с.
27. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
28. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
29. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
30. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
31. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24-25 апреля 2014 г.) / С.Е. Нарышкин, Т.А. Голикова, Т.Я. Хабриева и др.; отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2015. – 224 с.
32. Суховецкий М.И. К вопросу о соотношении видов коррупциогенных факторов в отсутствие легального определения понятия «коррупция» // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 117-123.
33. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС,

2013. – 160 с.
34. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
35. Чернышева Л.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 6. – С. 50-53.
36. Шахрай С.М. Вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства // Правовые проблемы противодействия коррупции: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2 ноября 2011 г. / Отв. ред. Л.В. Андриченко, О.О. Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – С. 80-83. – в сб. 280 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: V.V.I@inbox.ru

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

ШАХОВ Владислав Сергеевич,
факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: nesqk51@gmail.com

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация.** Рассматриваются актуальные вопросы обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Анализируются теоретико-правовые основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, представляемые в виде системы, состоящей из нескольких отдельных стадий. Приводятся реальные механизмы защиты жизни, здоровья, имущества участников уголовного судопроизводства, предусмотренные действующим законодательством.*

***Ключевые слова:** безопасность; уголовный процесс; стадии обеспечения безопасности; мероприятия; правовые основы; государственная защита.*

**BEZRYADIN V.I.
ISMAGILOV R.F.
SHANOV V.S.**

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR ENSURING THE SECURITY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***The summary.** Topical issues of ensuring the security of participants in criminal proceedings are considered. The article analyzes theoretical and legal foundations of ensuring the security of*

participants in criminal proceedings, presented in the form of a system consisting of several separate stages, are analyzed. The real mechanisms of protecting the life, health, property of participants in criminal proceedings, provided for by the current legislation, are given.

Key words: security; criminal process; stages of security; measures; legal framework; state protection.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ, реализовавший ряд достижений юридической теории и законодательской практики и представляющий собой значительный шаг в развитии отечественного уголовно-процессуального права, закрепил ряд традиционных в теории уголовного процесса принципов, а также ввел некоторые новые, ранее не известные ему. Это обусловлено существенной трансформацией целей уголовного судопроизводства, отделением функции обвинения от функции разрешения дела по существу, а также изменением регламентации многих процессуальных институтов.

В частности, в качестве принципов уголовного судопроизводства законодателем выделены следующие: законность (ст. 7 УПК РФ), состязательность и равенство прав участников уголовного процесса (ст. 15, 244, 274 УПК РФ), презумпция невиновности (ч. 2 ст. 8, ст. 14 УПК РФ), обеспечение прав и свобод человека и гражданина, уважение его чести и достоинства (ст. 8, 9, 11, 12, 16, 18, п. 5 ч. 4 ст. 44, п. 6 ч. 4 ст. 47, п. 5 ч. 2 ст. 54, ст. 19, гл. 16 УПК РФ), гласность, непосредственность и устность судебного разбирательства (ст. 240, 241, 242 УПК РФ), неизменность состава суда (ст. 242 УПК РФ) [2].

Все перечисленные принципы уголовного процесса имеют самостоятельное значение и детально регламентированы в действующем законодательстве. Вместе с тем вопросу обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства уделено особое внимание, как среди ученых-юристов, так и на законодательном уровне [12; 18; 23; 29; 30; 31; 32; 33; 49; 53; 72; 74; 75; 76; 117; 126].

Термин «безопасность» в крайние годы получил широкое распространение во всем мире в разнообразных проявлениях. Довольно часто мы встречаемся с такими понятиями, как общественная безопасность, национальная безопасность [13; 14; 37; 59; 73; 121], стратегическая

безопасность [112], экономическая безопасность [52; 68; 128; 129], экологическая безопасность [48; 88; 113; 114] и т.д.

Каждое из этих понятий охватывает определенную сферу деятельности в обществе, однако несмотря на различие решаемых задач, все эти направления объединяет понятие «безопасность». Любая безопасность преследует одну цель – достигнуть состояния защищенности посредством применения мер безопасности, добиться устойчивого состояния развития.

Безопасность – понятие относительное, т.к. абсолютной безопасности нет. Та или иная опасность или совокупность опасностей существует всегда по отношению к какому-либо объекту безопасности [31, стр. 54].

Понятие безопасности в уголовном судопроизводстве является производным от понятия «безопасность» в его широком понимании. Проведенный нами анализ научной литературы свидетельствует, что среди ученых-юристов нет единого трактованы данного термина. Одни ученые понимают под безопасностью уголовного судопроизводства наличие и использование системы правовых, организационных и иных средств защиты участников уголовного судопроизводства от внешних и внутренних противоправных воздействий, направленного на применение правил производства следственных и процессуальных действий, принципов, закрепленных в УПК РФ, для достижения предназначения процесса на стадии выработки правовых средств защиты и право применения. Другие – как состояние отсутствия опасностей и угроз жизненно важным интересам данных лиц со стороны криминальных элементов, противодействующих правосудию, а также такая степень защищенности этих лиц, которая позволяет им беспрепятственно осуществлять своё содействие правосудию, не причиняя этим вреда своим жизненно важным интересам. Дискуссия по данным вопросам активно началась сразу же

после принятия УПК РФ [21; 105], продолжается она и сегодня.

Исследуя представленные в теории уголовного процесса точки зрения, позиции, считаю возможным предложить следующее определение понятия «безопасность».

Безопасность в уголовном судопроизводстве – это состояние, при котором защита прав и законных интересов лиц, содействующих правосудию от каких-либо посягательств, гарантирована законом и обеспечена государством в лице уполномоченных органов, и влечет за собой реализацию прав и обязанностей заинтересованных лиц в уголовном процессе [50, стр. 65].

Понятие обеспечение безопасности подразумевает деятельность уполномоченных лиц, направленную на защиту жизненно важных интересов участников уголовного судопроизводства, с целью беспрепятственного выполнения ими своих обязанностей, связанных с содействием правосудию.

Ученые, занимающиеся изучением проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, в различных ее аспектах (Л.В. Вавилова, Л.В. Брусницын, О.А. Зайцев, А.К. Тихонов, Г.П. Минеева и др.), в качестве основного источника опасности рассматривают обвиняемого, подозреваемого и их окружение по отношению к лицам, оказывающим содействие уголовному судопроизводству [123]. Однако представляется, что обвиняемый, подозреваемый и их окружение являются не единственным источником опасности. К примеру, некоторые ученые считают, что процедура предварительного расследования и судебного разбирательства, а также недобросовестность и отсутствие должного профессионализма у должностных лиц, также является источником опасности. В любом рассматриваемом виде безопасности опасность возникает при наличии совокупности условий и факторов, где условие – это то, отчего зависит нечто другое. Фактор – причина какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты. Для каждого вида безопасности характерны свои специфические факторы и условия.

Для правовой безопасности фактором, создающим опасность, будет являться рост преступности, особенно ее организованных форм [15; 16; 47; 51; 66; 82; 89; 115; 116], и дальнейшая криминализация общества при условии

отсутствия необходимых сил и средств, а также механизмов борьбы с подобными явлениями. На данное обстоятельство обращают внимание не только российские, но и зарубежные исследователи [39; 83; 84]. Отсюда необходимость, в том числе и для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, не только активной борьбы с преступностью, но и ее профилактики [97], использования опыта ресоциализации лиц, ранее совершавших преступления, накопленного как в России [11; 34; 36; 38; 78; 96], так и за рубежом [20].

Сам процесс обеспечения безопасности, можно представить в виде системы, состоящей из отдельных стадий [19].

На первой стадии деятельность по обеспечению безопасности направлена на выявление возможных источников опасности как внутренних, так и внешних, путем получения информации от заинтересованных лиц. На этой же стадии целесообразно предусмотреть применение мер безопасности в целях профилактики.

Меры безопасности профилактического характера представляют собой такую модель поведения, которая позволяет избегать контакт с опасностями и угрозами, а также не допускать возникновения критических с точки зрения безопасности ситуаций, дальнейшее развитие которых чревато причинением различного рода вреда.

К этим мероприятиям можно отнести беседу, рекомендации о возможных действиях и поведении защищаемого лица для того, чтобы избежать контакта с опасностями и угрозами, а в случае возникновения опасности иметь возможность самостоятельности ей противостоять.

На второй стадии происходит разработка комплекса мероприятий в рамках оперативно-розыскной деятельности [55; 56; 57], а также выбор и реализация мер безопасности, предусмотренных уголовным законодательством и иными нормативно-правовыми актами, в зависимости от источников опасности и видов угроз в конкретных случаях.

Весь комплекс мероприятий направлен на предотвращение, пресечение противоправного воздействия на лиц, содействующих правосудию на досудебных, судебных стадиях уголовного процесса.

На третьей стадии обеспечения безопасности необходимо предусмотреть, во-первых,

процедуру обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию после вступления приговора в законную силу. Во-вторых, возмещение ущерба лицу, пострадавшему от противоправных посягательств в ходе расследования и разрешения уголовного дела.

О своей приверженности общепризнанным международным принципам стандартам Россия заявила еще в Декларации о государственном суверенитете 1990 г. В соответствии с этим документом всем гражданам и лицам без гражданства гарантированы права и свободы, предусмотренные не только конституционным правом, но и общепризнанными нормами международного права [9].

Смелый шаг был сделан Декларацией прав и свобод человека и гражданина 1991 г., которая установила: «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации».

Здесь важно подчеркнуть, что данное правило действует в том случае, если нормы международного права не противоречат конституционным ценностям нашего Отечества [24; 26; 64]. Указанное уточнение нашло специальное отражение в поправках к российской Конституции, принятых 1 июля 2020 г. в результате общероссийского голосования. В частности, статья 79 Конституции Российской Федерации изложена в следующей редакции:

«Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Статья же 125 Конституции РФ дополнена частью 51 следующего содержания: «...б) в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на

основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации;...».

Как известно, внесению преобразований в Конституцию РФ предшествовала большая научная и организационная работа. Что касается уточнения по вопросам конституционных ценностей и международно-правовых норм, то это особенно рельефно вылилось по поводу отношения к решениям Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). По инициативе российских ученых (В.Д. Зорькин, Н.С. Бондарь, Б.С. Эбзеев, В.П. Сальников, В.Б. Романовская, Е.А. Брылева и др.) была выработана научно-теоретическая позиция [25; 35; 62; 63; 94; 98; 99; 127] и законодательный механизм ее реализации [4; 10] в интересах обеспечения приоритета российских конституционных ценностей над международно-правовыми нормами. Нарботанный научный материал учитывался в процессе инициирования общероссийского голосования по поправкам к Конституции [124], при принятии Закона Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [3]. В частности, в Тематическом комментарии к указанному выше закону, подготовленному академиком РАН Т.Я. Хабриевой и доктором юридических наук, профессором А.А. Клишасом, читаем: «Закон о поправке утверждает приоритет норм Конституции РФ над нормами международного права и является закономерным этапом развития отечественного правопорядка. Данное регулирование основано на доктрине национальной конституционной идентичности, последовательно развиваемой Конституционным Судом РФ и широко применяемой в зарубежных государствах. Впервые ее положения были сформулированы в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2016 г. по делу, в котором разрешался вопрос о возможности исполнения

в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ по делу “Анчуков и Гладков против России”.

Конституционный Суд РФ указал, – *продолжают Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас*, – что “взаимодействие Европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия, и его уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правопорядке”» [122, стр. 88-89].

Далее исследователи обращают внимание на то, что поправки «к ст. 79 не ставят под сомнение место и роль международного права в национальной правовой системе. Сохраняется действие ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой составной частью российской правовой системы являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В этой же статье предусмотрено, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Законы и иные правовые акты, применяемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ. Равным образом, Конституции РФ не могут противоречить и международные договоры Российской Федерации. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, нормы международного права не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции и реализуются при условии признания ее высшей юридической силы» [122, стр. 89].

По мнению Т.Я. Хабриевой и А.А. Клишаса, внесение «поправок в ст. 79 является продолжением последовательной реализации в российском правопорядке приоритета национальной Конституции над решениями межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем

Конституции РФ. Закрепление этого приоритета сопровождается созданием контрольного механизма преодоления правовых конфликтов, в которых под сомнение может быть поставлено верховенство российского Основного Закона» [122, стр. 89-90].

Далее исследователи обосновывают верховенство отечественной Конституции заложенными в ней ключевыми принципами и нормами, которые выступают первичными для всей системы правоотношений внутри нашего конкретного национального правопорядка. Для него конституционные правоотношения обладают высшей юридической силой в абсолютном выражении. Именно эти фундаментальные положения детерминируют развитие всех иных отношений. Благодаря указанным положениям и обеспечивается суверенитет государства. В этом проявляется, с нашей точки зрения, суверенная государственно-правовая идеология и суверенная русская философия права [54; 61; 67; 69; 70; 85; 102; 103; 104; 106].

Авторы Тематического комментария к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» особо подчеркивают значимость конституционной поправки в контексте решений межгосударственных органов, принимаемых на основе положений международных договоров Российской Федерации. В данном случае имеется в виду не устранение противоречий между нормами международного права и положениями нашей Конституции. Речь идет об устранении возможных коллизий при толковании норм международного права и российской Конституции. Здесь. Возникающие противоречия исходят не из содержания конкретных международно-правовых документов, а из наличия конкуренции между толкованием их положений в наднациональном и национальном восприятии.

Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, учитывая вышеприведенную новеллу, приходят к выводу, который мы полностью поддерживаем: «приоритет конституционных норм над нормами международного права сам по себе является конституционным механизмом, гарантирующим возможность действительной реализации

положений Конституции, устойчивость отраженного в этих положениях общественного консенсуса и достигнутых результатов согласования различных конституционных ценностей, реальное утверждение государственного суверенитета» [122, стр. 90-91].

С нашей точки зрения, такое отношение к интерпретации норм международного права и Конституции РФ исключает дополнительные угрозы суверенитету нашего Отечества, которых и так достаточно много [58; 59; 60; 95; 111]. Предотвращение угроз национальному суверенитету – значимое направление обеспечения безопасности России и мирового порядка. Мировой порядок интересует и исследуется не только отечественными учеными, но и политологами зарубежных стран [118; 119; 120]. Этим вопросам уделяют пристальное внимание и государственные структуры, опираясь на необходимость правовой защиты национальных конституционных ценностей. В качестве примера Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас приводят деятельность Конституционного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ, защищая национальные конституционные ценности, в качестве способа правовой защиты использует доктрину конституционной идентичности. Он стал значимой гарантией защиты национального суверенитета, обеспечивая «соответствие всех элементов правовой системы, включая акты международного права, заложенным в Конституции РФ идеям, ценностям, принципам, сохраняя таким образом нормативное единство всей правовой системы». По мнению авторов Тематического комментария, именно в этом контексте наблюдается значение российской Конституции «как первичного (исходного) и универсального правового источника, генеральной предпосылки и общей меры (эталона) всех правовых норм, действий, отношений» [122, стр. 91]. А учитывая обоснованную позицию профессора Ф.Х. Галиева о синкретизме современной правовой культуры [40; 41; 42; 43; 44; 45; 46], можно вести речь о значении Российской Конституции в данном контексте не только для правовых, а и для всех социальных норм. Все чаще можно встретить подход к пониманию нашей Конституции как ценностно-нормативного ядра и в то же время духовно-нравственного явления национально-правовой системы, да и

всего национального правопорядка [28]. Такой подход к российской Конституции в рамках европейской конвенционной юриспруденции наиболее рельефно представлен в монографии Н.С. Бондаря и А.А. Джагаряна «Правосудие: ориентация на Конституцию» [27].

Нам представляется, что такой подход к национальной правовой системе имеет глубокие отечественные политико-правовые традиции [107; 108; 109; 110], исходящие из времен Петра Великого [65; 71; 80; 90; 100], продолжавшиеся во время проведения Судебно-правовой реформы 1864 года в имперской России [77; 87; 91; 125], получившие продолжение в Советском Союзе [22; 92] и сегодня в современной России [79; 81].

Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас не обходят стороной и реакцию Венецианской комиссии Совета Европы по поправкам к ст. 79 и 125 Конституции РФ. В частности, они пишут, что Венецианская комиссия Совета Европы в своем Заключении от 18 июня 2020 г. «признала, что в принципе примат Конституции является абсолютно легитимным, хотя и может представлять сложную проблему, которую необходимо преодолеть, чтобы прийти к исполнению международного судебного решения. Они ссылаются на опыт государств (в частности, Греции, Венгрии, Италии, Словакии, Турции), которые инициировали процесс конституционной реформы в этом направлении и нашли соответствующее решение (п. 56 Заключения).

Венецианская комиссия, – *уточняют сопредседатели рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации*, – указала: поправка к ст. 79 и 125 расширит возможности Конституционного Суда РФ заявить, что решения международных судов, прежде всего ЕСПЧ, противоречащие Конституции РФ, не могут исполняться в России. Однако это не только российская проблема, и в странах, где конституция имеет верховенство над Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, существует вероятность того, что конституционный суд может обнаружить противоречие между конституцией и толкованием ЕСПЧ того или иного положения этой Европейской конвенции (п. 62 Заключения).

Мнение Венецианской комиссии, – *продолжают Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас*, – следует воспринимать в контексте ее оценок с позиций

Конституционного Суда РФ: “Действительно, Конституционный Суд РФ продемонстрировал определенную открытость к диалогу с ЕСПЧ. В своем решении по делу Анчукова и Гладкова Суд подтвердил, что страстбургское решение не может быть исполнено, но в то же время указал федеральному законодателю выход из сложившегося положения” (п. 58 Заключения). Более того, Комиссия заключила: “Будут ли и в какой степени предполагаемые поправки иметь негативные последствия для выполнения обязательств России по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, зависит от того, каким образом эти поправки будут применяться» (п. 67 Заключения). Наконец, Комиссия в очередной раз подчеркнула, что лучшим способом разрешения противоречий толкования является диалог между национальными высшими судами и международными судами в духе известной Конвенции “диалога судей”» [122, стр. 91-92].

Российская Федерация является не единственной страной мирового сообщества, которая апеллирует к своим национальным конституционным ценностям при определении верховенства национальных конституций по отношению к нормам международных договоров. В качестве примера можно привести Испанию (ст. 93 конституции), Нидерланды (ст. 94 конституции), Францию (ст. 54 конституции), ФРГ (ст. 25 конституции).

С учетом рассмотренных в данной статье и других поправок к Конституции РФ, принятых 1 июля 2020 года в результате Общероссийского голосования, наш национальный Основной Закон в области прав и свобод человека и гражданина пошел дальше, чем какие-либо иные законодательные акты мирового сообщества. Конституция РФ в целом, с нашей точки зрения, все больше начинает ориентироваться на безусловное обеспечение приоритета национального суверенитета России, что очень важно, учитывая практику все большего и постоянного его (национального суверенитета) утраты в современных европейских государствах,

Конституция РФ в целом выстроена по стандартам, суть которых – цивилизованный компромисс, разумный гуманизм, верховенство нравственности. Определяя основы конституционного строя нашей стран, она установила: «Человек, его права и свободы являются высшей

ценностью». Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ)[1]. Указанные положения являются отправной точкой разработки, и принятия комплекса мер, направленных на обеспечение государственной безопасности участников уголовного процесса.

В связи с тем, что проблема противоправного воздействия на свидетелей, потерпевших, судей, прокуроров, следователей, дознавателей, их родственников и близких лиц приобрела особую остроту, на законодательном уровне были приняты меры для усиления государственной защиты этих лиц, которые реализовались в нормах специальных правовых актов.

Так в принятом 18 апреля 1991 года Законе РФ «О милиции» (п. 24 ст. 10) была установлена обязанность милиции принимать меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находится в опасности.

В концепции судебной реформы 1991 года предусмотрена необходимость «определить эффективные меры защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая возможность смены их места жительства и смены документов».

Пункт 5 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года предусматривает как одно из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. Пункт 6 ст. 14 названного Закона предписывает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, содействовать обеспечению личной безопасности, сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, членов их семей, близких от преступных и иных противоправных посягательств [8].

В научно-практическом комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», изданном под редакцией А.И. Бастрыкина, читаем: «Содействием обеспечению безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц, оказывающих содействие, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц, от преступных посягательств, обычно занимаются органы внутренних дел и подразделения

собственной безопасности субъектов ОРД. Для обеспечения личной безопасности защищаемых лиц и сохранности их имущества могут проводиться необходимые оперативно-розыскные мероприятия и индивидуально применяться такие меры безопасности, как:

- личная охрана;
- охрана жилища и имущества;
- выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- временное помещение в безопасное место;
- обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;
- переселение на другое место жительства;
- замена документов, изменение внешности и др.» [86, стр. 142]. Данная позиция авторов Комментария поддержана российской и зарубежной научной общественностью [17; 93].

Закономерным итогом работы государства в этом направлении стало введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ предусмотрено, что при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц следующие меры безопасности:

1. По решению следователя данные об этих лицах могут не приводиться в протоколе следственного действия, проведенного с их участием. В этом случае следователь с согласия прокурора выносит постановление, в котором излагает причины принятия та коего решения, указывает псевдоним участника следственного действия и образец его подписи, используемые в протоколах следственных действий с его участием. Постановление хранится в опечатанном конверте, приобщённого к уголовному делу (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

2. При наличии угрозы насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении указанных лиц допустимы контроль и

запись телефонных и иных переговоров – либо по их письменному заявлению, либо при отсутствии такого заявления на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

3. Для обеспечения безопасности, опознающего опознание может быть проведено таким образом, чтобы опознаваемый не мог видеть опознающего. Поняты присутствуют в месте нахождения опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

4. Для обеспечения безопасности указанных лиц на основании определения или постановления суда допускается проведение закрытого судебного разбирательства – всего либо соответствующей его части (п. 4 ч. 2 и ч. 3 ст. 241 УПК РФ);

5. Для обеспечения безопасности свидетеля, его родственников и близких лиц суд вправе не оглашать подлинных данных о свидетеле и провести его допрос таким образом, чтобы другие участники судебного разбирательства не могли видеть этого свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Это правило распространяется также и на потерпевшего (ч. 1 ст. 277 УПК РФ) [2].

Однако на этом совершенствование института безопасности участников уголовного процесса не остановилось.

Для обеспечения надлежащей государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, многие ученые и работники правоохранительных органов пришли к выводу о необходимости принятия специального закона, в котором будет предусмотрен комплекс соответствующих мер и механизм их реализации. Эта точка зрения была поддержана и представителями власти.

Так, в результате длительной работы по разработке законопроекта «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», проводимой при непосредственном участии специалистов и экспертов МВД России, был подготовлен Федеральный закон, который вступил в силу с 1 января 2005 года.

Законом предусмотрены все реальные механизмы защиты жизни, здоровья, имущества участников уголовного судопроизводства, а именно:

1. Личная охрана, охрана жилища и имущества;
2. Выдача спецсредств индивидуальной защиты, связи, оповещения об опасности;

3. Обеспечение конфиденциальных сведений о защищаемом лице;
4. Переселение на другое место жительства;
5. Замена документов;
6. Изменение внешности;
7. Изменение места работы, службы, учебы;
8. Временное помещение в безопасное место [7].

Последнее из предусмотренных Федеральным законом положений предусматривает применение дополнительных мер безопасности в отношении лиц, содержащихся под стражей или находящихся в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Здесь важно заметить, что и в Законе «О полиции» (ст. 12 п. 28) [6], и в Законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [5] задачи обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства также нашли свое отражение [101].

Подводя итог размышлений в данной статье, стоит отметить следующее: что, безусловно, принятые законодателем многочисленные действенные нормы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства играют положительную роль в борьбе с преступностью. Однако требуется их более детальное рассмотрение с учётом особенностей досудебных и судебных производств.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
4. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
5. Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
6. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
7. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 24.07.2007) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
8. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
9. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.
11. Абатуров А.И., Брылева Е.А., Сальников В.П. Ресоциализация и постпенитенциарный контроль осужденных-мигрантов как один из аспектов миграционной безопасности России // Миграционное право. – 2019. – № 3. – С. 34-38.

12. Акрамходжаев Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 1992. – 21 с.
13. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003. – 250 с.
14. Алексеев С.В., Каламанов В.Л., Черненко А.Г. Идеологические ориентиры России (основы новой общероссийской национальной идеологии). В 2 т. Т. 1. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 423 с.: табл.
15. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
16. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
17. Антонов И.А., Галиев Ф.Х. В едином понимании науки и практики. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин и его соавторы выпустили значимую книгу по оперативно-розыскной деятельности. См.: Оперативно-розыскная деятельность. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2020 // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 3. – С. 183-196.
18. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
19. Антошина А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: становление правового института // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 34-35.
20. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
21. Безопасность человека и преступность: Матер. межвуз. науч-практ конф. / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
22. Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. М., Юридическая литература. 1987. 328 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 89-92.
23. Бойков А.Д. Защита жертв преступлений в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений: Сборник научных трудов. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ, 1997. – С. 8-31.
24. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
25. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
26. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
27. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: Монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 223 с. – (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 8).
28. Бондарь Н., Джагарян А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3(112) – С. 55.
29. Брусницын Л. Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей // Законность. – 1997. – № 1. – С. 36-39.
30. Брусницын Л. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 48-50.
31. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. – М.: Спарк, 1999. – 108 с.
32. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективный аспект // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 79-81.
33. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение лиц, содействующих уголовному правосудию в условиях Вооруженных Сил РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 185 с.
34. Брылева Е.А. Реализация права на образование несовершеннолетними осужденными как эффективный инструмент ресоциализации // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 136-141.
35. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.

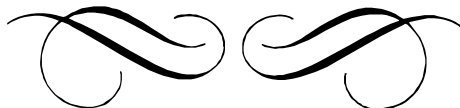
36. Брылева Е.А. Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 3. – С. 126-132.
37. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
38. Воронков К.И., Сальников П.П. Ретроспектива или эволюция роли государства в ресоциализации осужденных к лишению свободы в Российской Федерации? // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 7. – С. 117-119.
39. Галеотти Марк. Воры. История организованной преступности в России / Пер. с англ. А. Финогенова и П. Миронова; ред. А. Смятковский. – М.: Индивидуум паблишинг, 2019. – 448 с.
40. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // *Вестник Башкирского ун-та*. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
41. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // *Правовое государство: теория и практика*. – 2013. – № 4(34). – С. 36-73.
42. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
43. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // *Вестник Башкирского ун-та*. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
44. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
45. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
46. Галиев Ф.Х. Философская основа синкретизма культур народов Башкортостана // *Образование, язык, культура на рубеже XX – XXI вв.: Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. – Уфа: ВЭГУ, 1998. – С. 105-106.
47. Девликамова М.И. Проблемы противодействия международной организованной преступности в кредитно-финансовой сфере // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 8. – С. 92-96.
48. Дзейтов С.А., Сальников В.П., Соболев И.А., Шапиев С.М. Региональная экология и право // *Региональная экология*. – 1998. – № 2. – С. 31-36.
49. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 329 с., [1] л. цв. портр.
50. Жарков Е.В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности, содействующих уголовному судопроизводству: Дис ... канд. экон. наук. – Барнаул, 2015. – 183 с.
51. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.
52. Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение экономической безопасности России // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 9. – С. 172-179.
53. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2003. – 512 с.
54. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
55. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
56. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
57. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
58. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
59. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
60. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // *Мир политики и социологии*. – 2017. – № 1. – С. 120-139.

61. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
62. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11
63. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
64. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3-14.
65. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
66. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.
67. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
68. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 282, [1] с. : ил. – (Серия «Безопасность человека и общества» / МВД России. С.-Петерб. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности).
69. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
70. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибуллин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
71. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г, Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
72. Колесников О.В., Макаренко М.А. Участники уголовного судопроизводства. Лекция // Мир политики и социологии. – 2017. – № 5. – С. 140-178.
73. Колокольцев В.А. Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России: Монография/ Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 248 с.
74. Комиссаров В.В. Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 1994. – № 8. – С. 50-51.
75. Кондрат И.Н. Безопасность участников уголовного судопроизводства: понятие и некоторый зарубежный опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 158-168.
76. Кондрат И.Н. Безопасность участников уголовного судопроизводства: российский опыт и современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 91-104.
77. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 384 с.
78. Крайнова Н.А., Григорьева А.А. Некоторые вопросы реформирования уголовного судопроизводства сквозь призму ресоциализации осужденных // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С. 165-169.
79. Крижановская Г.Н., Кулешова Л.В., Сальников М.В. Международная научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность». Краткий обзор докладов, статей и выступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 11-46.
80. Кудимов А.В., Каленский В.П. Эволюция системы публичного управления в России при преемниках Петра I // Мир политики и социологии. – 2010. – № 1. – С. 25-29.
81. Кулешова Л.В., Очередыко В.П. О конкурсе научных работ «Роль российских юристов в эпоху судебно-правовых реформ второй половины XIX– начала XX вв.» и научно-практической конференции «Судебно-правовая реформа в России: история и современность» // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 16-18.
82. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х т. Том II. Особенная часть: Учебник для вузов.

- М.: Юрайт, 2017. – 872 с. – Серия: Магистр.
83. Маджидзода Д.З. Организованная преступность государств – участников СНГ: причины, условия и факторы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 170-180.
84. Маджидзода Д.З., Сальников П.П. Правоохранительные органы Таджикистана: проблемы межгосударственного сотрудничества в интересах противодействия организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 160-170.
85. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
86. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
87. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
88. Очередыко В.П., Сальников В.П., Соболев И.А. Взаимодействие общества и природы: концепция правового моделирования // Региональная экология. – 2003. – № 3-4. – С. 75-78.
89. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
90. Петр Великий: pro et contra / Сост., коммент., предисл. К.Е. Нетужиловой. – СПб.: РХГИ, 2001. – 760 с.
91. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
92. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. – М.: Юридическая литература, 1986. – 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. – М.: Юридическая литература, 1987. – 328 с.
93. Рахимзода Р.Х., Маджидзода Дж.З., Шарифзода Ф.Р. Рецензия на интересную и полезную книгу по оперативно-розыскной деятельности // Правовая жизнь (Душанбе: Таджикский национальный университет. Юридический факультет). – 2020. – № 2(30). – С. 280-288.
94. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
95. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
96. Ромашов Р.А. Пенитенциарная социализация и постпенитенциарная ресоциализация лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 181-194.
97. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
98. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
99. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 23-27. – в сб. 243 с.
100. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С. 219-230.
101. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
102. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 177-188. – в сб. 243 с.
103. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.

104. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
105. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 108-132.
106. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
107. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
108. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
109. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
110. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
111. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
112. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
113. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
114. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 198 с.
115. Топильская Е.В. Криминология организованной преступности: в 2-х т. Т. 1. Части Общая и Особенная: Монография. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 288 с.
116. Топильская Е.В. Криминология организованной преступности: в 2-х т. Т. 2. Противодействие организованной преступности в документах (российский и международный опыт): Сборник документов с комментариями: Монография. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 600 с.
117. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
118. Фрэнсис Фукуяма. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблицер, 2019. – 256 с.
119. Фукуяма Фрэнсис. Государственный порядок: Научно-популярное издание / Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: АСТ, 2015. – 688 с. – (Политика).
120. Фукуяма Фрэнсис. Угасание государственного порядка: Научно-популярное издание / Пер. с англ. К.М. Королева. – М.: АСТ, 2017. – 704 с. – (Политика).
121. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
122. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
123. Шаговой В.Н. Потерпевший и жертва преступления в уголовном процессе: защита прав и их уголовно-процессуальные правонарушения: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006. – 25 с.
124. Шахрай С.М. Семивластие. Интервью Андрею Уланову // Аргументы недели. – -2020. – № 8. – 3 марта. – С. 1.
125. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
126. Щерба С., Зайцев О. Защита свидетеля в США // Российская юстиция. – 1994. – № 8. – С. 52-53.
127. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные нормы и принципы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергеевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 112-146.

128. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с.
129. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 640 с.

АЛЕКСАНИН Александр Сергеевич,
оперуполномоченный по особо важным делам
ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и
Ленинградской области, адъюнкт кафедры
оперативно-розыскной деятельности Санкт-
Петербургского университета МВД России
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: aleksagd@gmail.com

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность.

ОБ ОПЫТЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

***Аннотация.** Рассматривается история появления оперативно-розыскных мероприятий. Детально изучается правовая регламентация ОРМ в США, Великобритании и Германии. Обосновывается, что технический прогресс и новые средства связи обязательно приводят к появлению новых сыскных действий. Вносятся предложения по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства. Показывается практика использования результатов исследуемого мероприятия в доказывании по уголовным делам.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная наука; оперативно-розыскные мероприятия; средства связи; получение компьютерной информации.*

ALEKSANIN A.S.

ON THE EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF OBTAINING COMPUTER INFORMATION AND WIRETAPPING TELEPHONE CONVERSATIONS IN FOREIGN COUNTRIES

***The summary.** The history of the emergence of operational-search measures is considered. The legal regulation of ORM in the USA, Great Britain and Germany is studied in detail. It is substantiated that technical progress and new means of communication necessarily lead to the emergence of new detective actions. Proposals are being made to improve the operational-search legislation. The practice of using the results of the investigated measure in proving in criminal cases is shown.*

***Key words:** operational-search science; operational search activities; means of communication; obtaining computer information.*

В настоящей статье рассматривается опыт правовой регламентации прослушивания телефонных переговоров, получения компьютерной информации и других мероприятий, ограничивающих естественные права человека, в наиболее развитых и сильных зарубежных государствах, а именно: США, Великобритания,

Германия. Не обойден и соответствующий практический опыт применительно к современной России [3; 15; 19; 20; 21; 29; 30; 31; 37; 44; 48]. При этом учитываются работы М.Г. Литвинюка, М.П. Смирнова, Е.Е. Захарова, А.Х. Акхубекова, Н.И. Крашенинникова, С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальникова [5; 10;

14; 27; 28].

В разных странах опыт регулирования прослушивания телефонных переговоров, получения компьютерной информации и других мероприятий имел свои особенности.

Так, в Соединенных Штатах Америки – родине телефонной связи и прослушивания телефонных переговоров – возможность проведения этого мероприятия была рассекречена достаточно быстро. В этой стране одной из первых был поднят вопрос о правовой регламентации указанного мероприятия.

Именно там удалось установить дату первого упоминания о факте прослушивания телефонных разговоров. Это произошло уже в 1881 году [7, стр. 9], через пять лет после изобретения телефона и через три года после создания в США первых телефонных линий. Обнаруженная в ходе исследований указанная дата воспринята мировым сообществом как дата начала прослушивания телефонных переговоров.

А уже в 1886 году состоялся первый связанный с прослушиванием скандал. В этом же году, по сообщению газеты «Нью-Йорк Таймс», Комитет по расследованию при Конгрессе США перехватил телефонное сообщение чайной компании «Атлантик и Пасифик». В ходе той истории впервые был поднят вопрос о соблюдении прав человека при прослушивании телефонных переговоров. Интересно, что указанная газета комментировала прослушивание телефонных переговоров так: «...Этот поступок является оскорблением гражданских свобод, который не может быть оправдан никакими доводами общественной необходимости» [53]. Примечательно, что указанная история произошла уже через десять лет после изобретения телефона, то есть, когда телефонные линии связи только-только стали создаваться.

В то же время, по сообщению американских исследователей С. Дэша, Р. Нолтона и Р. Рутгерса, с 1885 года полиция города Нью-Йорка активно использовала прослушивание телефонных переговоров. По свидетельству авторов, уже к 1916 году полиция начала прослушивать телефонные конфиденциальные разговоры адвокатов и врачей. Помимо того, в том же году мэр Нью-Йорка приказал прослушивать телефонные разговоры пяти католических священников. Но, кроме полиции, прослушиванием занимались и иные организации. Так, в 1899 году сотрудники газеты

города Сан-Франциско «Икземенер» прослушали телефонные разговоры своего соперника – журналистов газеты «Сан-Франциско Колл», – чтобы выкрасть у последних сенсационные истории [52].

Уже в 1928 году там была одобрена целесообразность судебного контроля за прослушиванием телефонов. Впрочем, как отмечают исследователи, к 1934 году порядок осуществления такого прослушивания был несколько облегчен: контроль за его проведением был передан от суда специально созданному органу юстиции [34, стр. 50]. В дальнейшем требование получения судебного разрешения на проведение прослушивания телефонных переговоров и других мероприятий на каналах связи была возвращено.

В настоящее время в США и других странах так называемого «дальнего зарубежья», как правило, отсутствует закон об оперативно-розыскной деятельности. Однако не следует думать, что нормативно-правовых актов об оперативно-розыскной деятельности там вообще не имеется. Например, в США одними из основных нормативных документов в области оперативно-розыскной деятельности являются:

- Инструкция Генерального атторнея о порядке проведения секретных операций (январь 1981 г.);
- Инструкция Генерального атторнея от 7 марта 1983 г. «О порядке расследования по делам об общеуголовных преступлениях, деятельности предприятий, организованной преступности, внутренней безопасности и терроризме»;
- Закон о борьбе с международным терроризмом (26 октября 2001 г.) и др. [46].

Помимо того, для некоторых оперативно-розыскных мероприятий приняты самостоятельные законы. Таким, например, является федеральный закон от 1968 года о прослушивании телефонных переговоров [33; 38]. По его аналогии проводят и получение компьютерной информации, справедливо полагая, что в настоящее время телефонные переговоры осуществляются через компьютер. Здесь важно заметить, что деятельность полиции в США в целом довольно тщательно подвергается законодательному регулированию [8; 9; 39; 41; 45; 51].

Следует отметить, что имеющаяся в этой стране система органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, весьма

схожа с российской. Например, в США, к названным органам относятся:

- Федеральное бюро расследований (аналог ФСБ России);
- Полиция;
- Центральное разведывательное управление (аналог Службы внешней разведки России);
- РУМО (органы военной разведки, аналог военной разведки России);
- Управление по борьбе с наркотиками (аналог Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, в настоящее время расформированной);
- Служба маршалов (сходна с подразделениями Министерства юстиции России);
- Бюро таможенных сборов (аналог подразделениями оперативной таможни);
- Военная контрразведка (в России военная контрразведка сосредоточена в одном из подразделений ФСБ России);
- Служба внутренних доходов (аналог органов федеральной службы налоговой полиции, в настоящее время расформированной);
- Береговая охрана (аналог органов федеральной пограничной службы России, в настоящее время подразделения ФСБ).

Интересно, что помимо них, оперативно-розыскную деятельность в США осуществляют бюро по контролю за алкоголем, табачными изделиями и оружием, секретная служба министерства финансов, служба иммиграции и натурализации и др.

Как отмечают исследователи, к 1973 году все органы правопорядка разработали подробные инструкции о порядке применения спецтехники, в том числе, при проведении оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи. Например, одна из инструкций Бюро таможенных сборов Минфина США содержит разделы, включающие:

- порядок использования спецтехники и контроля за ним (основания применения спецтехники; основные ограничения; процедура получения судебного ордера; начало срока прослушивания; содержание докладов после получения санкций; порядок документирования перехваченного разговора; срок окончания мероприятия; порядок легализации материалов; рекомендации по проведению мероприятий; годовые отчеты органа);

- порядок проведения мероприятий без судебного ордера (требования к такого рода мероприятиям; порядок проведения мероприятия по согласию объекта контроля) [34, стр. 53-54].

Прослушивание телефонных переговоров по законам США может начаться без судебного разрешения, но с согласия Генерального атторнея США или уполномоченного им атторнея. В случае когда атторней сочтет, что поступившая из органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, информация свидетельствует об угрозе национальной безопасности и что в дальнейшем разрешение на прослушивание телефонных переговоров по данной информации будет получено, допускается начало прослушивания телефонных переговоров без судебного разрешения. В этом случае, орган, начавший осуществлять прослушивание телефонных переговоров, обязан в течение 48 часов отправить запрос в судебный орган на получение соответствующего разрешения. Если разрешения на проведение названного мероприятия получено не будет, прослушивание телефонных переговоров должно быть немедленно прекращено.

Важное значение для использования результатов оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в уголовном судопроизводстве имеет уголовно-процессуальное законодательство. В уголовно-процессуальном законодательстве США отсутствует четкое разделение между оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями. Более того, и оперативно-розыскные мероприятия, и следственные действия проводит одно должностное лицо государственных органов, которое можно назвать детективом. Детектив, получая информацию о преступлении, как правило, его и расследует. В рамках расследования он вправе самостоятельно производить все необходимые действия, имеющие применительно к нашему законодательству характер следственных (выемка) или оперативно-розыскных (прослушивание, перехват, внедрение). При этом он самостоятельно определяет, какое именно действие ему производить. Собрав необходимое количество доказательств и считая, что их достаточно для признания преступника виновным, детектив передает дело атторнею. Атторней (или его помощник) либо передает дело в суд, где поддерживает обвинение от имени государства, либо возвращает дело детективу для сбора

дополнительных доказательств. Следует пояснить, что атторнеи в США – консультанты органов власти по вопросам права, осуществляющие при этом функции уголовного преследования и обвинения по уголовным делам [4, стр. 81]. В США предусмотрены атторнеи городов, округов, районов.

Таким образом, досудебное производство в США относительно уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности носит смешанный характер. Н.И. Крашенинников по этому поводу сказал, что в США оперативно-розыскная деятельность является составной частью, началом деятельности уголовно-процессуальной [33, стр. 77]. Данное суждение, конечно, принимать за истину не следует, поскольку оперативно-розыскная деятельность не всегда выступает началом уголовного процесса.

Однако на основании оперативно-розыскного законодательства США можно сделать вывод о том, что оно взаимосвязано с уголовным процессом настолько, что использование его результатов в доказывании является чуть ли не обязательной частью судебного разбирательства. Причем использование этих результатов естественно и наиболее желательно для правосудия.

Интересно, что результаты, например, получения компьютерной информации в судах США могут быть признаны доказательствами при условии, если они будут рассмотрены с позиции поправки 4 Конституции США [33, стр. 80]. В указанной поправке изложено требование: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества не должно нарушаться, и ордера на обыск или арест не будут выдаваться без достаточных оснований, подтверждаемых присягой или торжественным обещанием» [32, стр. 32-33]. Суть отождествления обыска, ареста и прослушивания телефонных переговоров состоит в том, что в американском конституционном праве, получившим развитие в 1787 году с принятием Конституции, то есть задолго до изобретения первого телефона, отсутствуют нормы о неприкосновенности тайны телефонных переговоров. Вместе с тем, американское право по форме является правом судебного прецедента, судебной практики. Под судебным прецедентом понимается решение судебных органов по конкретному делу, которое впоследствии принимается за общее обязательное правило при разрешении всех аналогичных дел. Нормы, выработанные

законодателем, входят в систему американского права только после того, как они будут неоднократно применены и истолкованы судами, когда можно будет ссылаться не на сами нормы, а на судебные решения, их применившие [35, стр. 64]. В результате судебных решений выработалась практика оценивать допустимость проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права граждан на неприкосновенность телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных сообщений и ряда других прав, по аналогии с требованиями 4 поправки Конституции США, указывающей на недопустимость ограничения права на неприкосновенность жилища и свободы без достаточных оснований, подтверждаемых присягой или торжественным обещанием.

Как известно, в теории уголовного процесса, уголовно-процессуальном законодательстве и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] существует иное отношение к результатам оперативно-розыскной деятельности с позиций использования их в уголовно-судебном производстве [36; 47, стр. 148-149].

Развитие оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих естественные права человека, в Великобритании происходило в несколько иных условиях, чем в США. Так сложилось исторически, что в Великобритании имела монополия государства на доставку почтовых сообщений. Это подразумевало в необходимых случаях вскрытие подозрительных писем или посылок. Такие вскрытия осуществлялись без чьей-либо санкции государственными служащими, предшественниками оперативно-технического подразделения, которые действовали с позволения Короля в интересах защиты государства, национальной безопасности и борьбы с преступностью. Полномочия этих служащих четко законодателем не регулировались, что, однако, не мешало им успешно функционировать. Такой же порядок автоматически перенесся и на все иные оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи.

Вопрос о законодательной регламентации осуществления ОРД был поднят во второй половине двадцатого века. Вместе с тем, только ближе к его концу в Великобритании стали появляться нормативные документы, регулирующие то или иное оперативно-розыскное мероприятие. Например, в 1985 году Британский

парламент принял Акт о прослушивании переговоров. Однако названный Акт существовавшее в Великобритании правовое регулирование прослушивания телефонных переговоров в целом не поменял, а, скорее, узаконил бывший порядок. Такой же порядок применяется при проведении контроля технических каналов связи, в том числе и получения компьютерной информации.

Это подчеркивает доверие общества к органам правопорядка названной страны. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что за время существования Акта на работу системы прослушивания телефонных переговоров поступило более пятисот жалоб. Однако, как отмечает Е.Е. Захаров, ни по одной из жалоб прослушивание телефонных переговоров не было признано незаконным [40, стр. 20]. Более того, статья 7.6 названного акта отказывает лицам, чья жалоба не удовлетворена, в праве обжаловать решение по ней в каком-либо суде. Это один из немногих случаев, когда британское законодательство исключает обжалование.

В 2000 году был принят акт, кодифицирующий оперативно-розыскное законодательство Великобритании. Этот акт регламентирует порядок санкционирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих некоторые права человека. К таким мероприятиям относятся: перехват сообщений, добытие данных с линий связи, интрузивное наблюдение, скрытное наблюдение в ходе специальных мероприятий, использование тайных человеческих разведывательных источников, доступ к зашифрованным данным.

В акте применительно к каждому мероприятию устанавливаются:

- цели, для которых оно может проводиться;
- категории сотрудников государственных органов, которые могут его санкционировать;
- категории сотрудников, которые могут его производить;
- порядок независимого судебного контроля;
- порядок удовлетворения жалоб отдельных лиц [2].

Указанный акт, без сомнения, открывает новую страницу в истории правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности в Великобритании. Крайне интересен этот документ и с научной точки зрения, как в общем-то и вся практика деятельности правоохранительных

органов Соединенного Королевства [6].

Оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права человека на тайну переписки и телефонных переговоров, активно проводились и в Германии. В этой стране до 1945 года прослушивание телефонных переговоров осуществляло Управление исследований. Названное управление для маскировки своих задач относилось... к Министерству гражданской авиации! Эта служба осуществляла наблюдение за телефонной связью германского рейха и по запросу соответствующих спецслужб осуществляла прослушивание разговоров. Запись нужных мест из телефонного разговора осуществлялась дословно на бумаге коричневого цвета, откуда пошло название «коричневые донесения». По возможности выяснялась личность звонившего. Помимо того, указанная служба подключалась к трансатлантическим и проходившим через Германию внутриконтинентальным телефонным кабелям. Наряду с высшими учреждениями рейха (например, Министерством иностранных дел), давать заявки на прослушивание имели гестапо, абвер, внешняя политическая разведка. Таким образом, упомянутые учреждения собственных точек телефонного контроля не имели. Управление исследований направляло им «коричневые донесения», из которых они могли очень многое узнать об интересующем их лице, например, личные качества и слабости, политические взгляды и т.д. [50]. В доказывании полученная информация ввиду секретности не использовалась. Интересно, что уголовная полиция такими возможностями не располагала. На прослушивание телефонных переговоров она должна была получить разрешение судьи.

До 1968 года Конституция ФРГ провозглашала неприкосновенность переписки, почтовых отправлений, телефонных переговоров граждан. Это, конечно, не означало, что у специальных служб не было по этому поводу секретных инструкций, позволявших уклоняться от соблюдения требований Конституции. Однако представляется, что такие уклонения могли быть только в целях противоборства иностранным разведкам, а также в целях борьбы с особо опасными преступлениями. Результаты указанных мероприятий использоваться в доказывании не могли.

Однако организованная преступность, терроризм, наркомания заставили законодателя пересмотреть свой взгляд на использование

результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Так, в 1968 году в статью 10 Конституции ФРГ внесли поправку, согласно которой ограничение тайны переписки, а также почтовой и телесвязи допускалось, но на основании закона. В развитие требований Конституции Бундестагом ФРГ принят ряд законов о порядке осуществления некоторых оперативно-розыскных мероприятий или деятельности полиции в целом. К их числу относится Закон о полиции земли Северный Рейн-Вестфалия от 25 марта 1980 г., с изменениями и дополнениями, внесенными законом от 26 июля 1984 года. Этим законом, например, регламентируется порядок проведения полицией мероприятий:

- сбор данных путем наблюдений;
- сбор данных с использованием скрытых технических средств для изготовления фотографий и рисунков;
- сбор данных с использованием скрытых технических средств для прослушивания и записи разговоров;
- сбор данных с помощью введения в разработку лиц, чье сотрудничество с полицией третьим лицам не известно;
- сбор данных с помощью осведомителей;
- полицейское наблюдение.

Пункт 100 раздела III УПК ФРГ обязывает почтовое ведомство предоставлять возможность

прослушивания телефонных переговоров сотрудникам суда, прокуратуры и лицам, помогающим им в проведении полицейской деятельности. Таким образом, в настоящее время делает справедливый вывод М.П. Смирнов: органы юстиции и полиции ФРГ в рамках существующего законодательства имеют достаточные возможности для успешного раскрытия тяжких преступлений, благодаря использованию всех средств, которыми они располагают [46, стр. 236].

В заключение надо сказать, что названные страны имеют большой опыт как правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих естественные права человека. Они по своему реализуют оперативно-розыскную политику [23; 22; 24; 26; 42; 43; 49]. В их оперативно-розыском праве нет таких фантомов как оперативно-розыскной характеристики и оперативно-розыского кодекса [16; 17]. У них нет такого как у нас прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью [18]. При этом сотрудники полиции, других правоохранительных органов и судьи (в отличие от наших) гораздо менее подвержены профессиональной деформации, что позволяет эффективно применять закон и не нарушать, а разумно ограничивать права человека [12; 13; 25].

Такой опыт обязательно должен учитывать российский законодатель.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Акхубеков А.Х. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности за рубежом и использование ее результатов в уголовном процессе. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. – 120 с.
3. Алексанин А.С., Захарцев С.И., Сальников В.П. Об оперативно-розыском праве. Рецензия на монографию В.А. Азарова и Е.В. Кузнецова «Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыского права». – М: Юрлитинформ, 2016. – 203 с.: ил. // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 127-131.
4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 1456 с.
5. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 128 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
6. Быков А.В. Пенитенциарные системы США, ФРГ, Франции, Великобритании: особенности организации и деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 165-174.
7. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
8. Егоршин В.М. Милиция, полиция, шерифат или тайны правоохранительных органов. – СПб.: Экополис и

- культура, 1994. – 207 с.
9. Ермолович Г.П. Население и полиция: противостояние преступности в США: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. и вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 284 с. (Серия: «Полицистика; прошлое, настоящее и будущее»).
 10. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П.Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
 11. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002. – 188 с.
 12. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 335-343.
 13. Захарцев С., Сальников В. Профессиональная деформация сотрудников силовых структур // Защита и безопасность. – 2017. – № 2. – С. 22-24.
 14. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // Наркоконтроль. – 2006. – № 4. – С. 16.
 15. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32.
 16. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101
 17. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 187-192.
 18. Захарцев С.И., Пахун А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. – 2012. – № 9. – С. 37-40.
 19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
 20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Краткие зарисовки о науке и правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 151-157.
 21. Захарцев С.И., Сальников В.П. О становлении юридического ОРД и путях его дальнейшего развития // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 116-122.
 22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
 23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
 24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
 25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
 26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
 27. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
 28. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.0
 29. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. История возникновения и развития оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 30-40.
 30. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
 31. Захарцев С.И., Вихров В.А., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. Правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий. Лекция // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 98-135.

32. Конституции буржуазных государств: Учебное пособие для вузов по спец. «Правоведение». Переводы / Отв. ред. П. К. Пантелеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 407 с.
33. Крашенинников Н.И. Получение оперативно-процессуальной информации о преступлениях и использование ее в оперативной судебно-следственной практике. – СПб.: Экстрапринт, 2001. – 115 с.: портр.
34. Литвинюк М.Г. Некоторые тенденции законодательного регулирования использования специальных технических средств в США // Проблемы формирования уголовно-розыскного права. (Оперативно-розыскная теория и практика в государствах – участниках СНГ). Вневедомственный сборник научных работ. – М.: Изд. Шумилова И.И., 2003, Вып. 6. – С. 48-60.
35. Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД России, 1993. – 544 с.
36. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
37. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Голубовский В.Ю., Егоршин В.М., Ривман Д.В., Сальников В.П., Сурков К.В., Федоров А.В., Фирсов В.В., Шахматов А.В.: Программа (специальность 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность). – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
38. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Г.В. Сурков, Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, В.В. Зорин, И.Н. Зубов, В.М. Егоршин, Н.Н. Васильев; под общ. ред. С.В. Степашина. – СПб.: Лань, 1999. – 704 с.
39. Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова; А.С. Батышев, В.П. Сальников, В.А. Сергеевич, И.Ч. Шушкевич, Д.А. Задорская. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 224 с. – (Серия: «Полицистика: прошлое, настоящее и будущее»).
40. Прослушивание телефонов в международном праве и законодательстве одиннадцати европейских стран / Сост. Е.Е. Захаров; науч. ред. Ю.М. Грошева; Харьковская правозащитная группа – Харьков: Фолио, 1999 – 147 с.
41. Сальников В.П. Калашников и американцы: литературно-научное эссе // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 11-26.
42. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная и уголовная политика современного российского государства // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 137-147.
43. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
44. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.
45. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетея, 2000. – 288 с.
46. Смирнов М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран. – М. : Экзамен, 2002. – 543 с.
47. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
48. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в схемах и акты конституционного правосудия / Бухаров Н.Н., Егоршин В.М., Ривман Д.В., Масленников В.П., Сальников В.П., Сидоренко А.В., Фирсов В.В., Федоров А.В., Шахматов А.В. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: МВД России, 2004.
49. Федоров А.В. Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретическое положения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 24-32.
50. Хайнц Фельфе. Мемуары разведчика. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
51. Чарльз М.Т. Профессиональная подготовка сотрудников полиции (милиции) США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетея, 2000. – 224 с.
52. Dash S., Nolton R., Rutgers R. Eavesdropping. New York, 1967.
53. New York Times, June 24, 1886.

ГОРЯЧЕВ Михаил Сергеевич,
адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
(г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: inferiat@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРИНЦИП ОХРАНЫ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ» И «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Рассмотрены вопросы охраны прав и свобод человека в условиях распространения информационных технологий. В том числе, проблема охраны права на неприкосновенность частной жизни, соотношение понятий персональные данные и частная жизнь.

Ключевые слова: право на неприкосновенность частной жизни; информационные технологии; персональные данные; частная жизнь.

GORYACHEV M.S.

THE PRINCIPLE OF PROTECTING THE RIGHT TO PRIVACY, THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «PERSONAL DATA» AND «PRIVATE LIFE» IN THE CONTEXT OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

The summary. The issues of protection of human rights and freedoms in the context of the spread of information technologies are considered. In particular, the problem of protecting the right to privacy, the relationship between the concepts of personal data and private life.

Key words: right to privacy; information technologies; personal data; private life.

Цифровые технологии, мобильные устройства и социальные сети на данный момент уже являются неотъемлемой частью повседневной жизни людей. По данным отчета We Are Social и Hootsuite, пользователей интернета в мире насчитывается уже более 4,5 миллиардов человек [36]. Только в России к началу 2019 года аудитория интернет-пользователей составила 90 миллионов граждан нашей страны, при этом количество людей, которые имеют доступ к интернету только растёт.

Учитывая тенденцию всеобщей цифровизации, 21 июля 2020 года Президентом России был подписан Указ о национальных целях развития страны на период до 2030 года [7].

Одной из приоритетных задач является увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95%. А также доступ всего населения страны к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В связи с проникновением информационных технологий во все сферы человеческой жизни, аккумуляция информации о конкретном индивиде, которая ранее являлась личной, недоступной широкому кругу лиц, теперь носит массовый характер. Данные о месте жительства, привычках, хобби, увлечениях, месте работы, учебы, сведения о банковских картах, объектах недвижимости и т.д. в силу специфики

информационного пространства, могут стать доступны широкому кругу лиц. Разглашение этой информации, само по себе не только является нарушением прав и свобод человека, но и может повлечь иные серьезные последствия. Другими словами, сущностное развитие информационных технологий и широкое внедрение их повседневную жизнь человека имеет как позитивное, так и негативное значение [24; 25; 27; 30; 40; 43].

Так, за 2019 год, по данным компании InfoWatch, в России было обнаружено более 172 млн. случаев разглашений персональных данных, а также платежной информации [37]. Данная информация предоставляет возможность преступным элементам обходить системы безопасности социальных сетей и государственных сайтов для получения как материальной выгоды, так и для воздействия на человека с иной противоправной целью.

Например, после массовых беспорядков в Республике Беларусь в 2020 году, в результате взлома аккаунтов социальных сетей и иных незаконных действий были раскрыты и переданы общественности личные данные сотрудников силовых ведомств. После чего сотрудникам начали поступать угрозы насилием.

В Российской Федерации вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина уделяется очень серьезное внимание. Достаточно отметить, что ст. 2 Конституции РФ рассматривает человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, а государство обязывает признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Эти вопросы находятся в центре внимания отечественных исследователей, они обсуждаются в монографиях, научных статьях, на теоретических и практических конференциях [9; 11; 12; 13; 15; 17; 21; 33; 38; 39; 44; 45].

Здесь можно подчеркнуть, что права и свободы всех категорий граждан находятся в центре внимания научной общественности, в том числе и такой категории граждан, которые выступают по разные стороны интересов государственной бюрократии, например, полицейских [14; 26; 34] и осужденных, отбывающих уголовные наказания [18; 19; 20].

С целью охраны прав и свобод человека, защиты его частной жизни, личной и семейной тайны от преступных посягательств,

в законодательстве России появились специальные нормы о защите данных физических лиц, которые становятся известными организациям или третьим лицам, путем ограничения распространения и обработки этих сведений. Необходимость законодательного урегулирования данного вопроса, стала причиной появления новой правовой категории – «персональных данных».

В зарубежном законодательстве, термин «персональные данные» изначально использовался в качестве одного из элемента защиты права на неприкосновенность частной жизни. После широкого распространения процессов автоматизации сбора личных данных, Совет Европы отразил этот процесс в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятой Советом Европы в г. Страсбурге, 28 января 1981 года. Конвенция посвящена правовой регламентации автоматической обработки персональных данных, а также защите прав и свобод граждан при данной обработке [8].

Дальнейшая регламентация вопроса «персональных данных», как одной из целей укрепления общего права человека на неприкосновенность частной жизни связана с принятием директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 95/46ЕС, посвященной вопросам обработки данных физического лица и их свободного перемещения, в том числе трансграничного.

Вышеупомянутые правовые акты, а также практика Европейского суда, касающаяся статьи 8 Конвенции о защите прав человека и его основных свобод, послужили основой для принятия института «персональных данных» в более чем 43 странах мира.

Как справедливо отмечает М.В. Бундин, «во всех этих случаях необходимость защиты персональных данных рассматривают как необходимый в современном обществе развитых информационных технологий элемент защиты прав и свобод личности» [22, стр. 22], в частности, права на неприкосновенность частной жизни.

Так в Российской Федерации, статья 2 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ указывает цель настоящего федерального закона как обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в

том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [5].

В то же время развитие законодательства в данной сфере, в свою очередь, породило вопрос о разграничении понятий «персональные данные» и «частная жизнь» человека. Если логика законодателя в международном праве прослеживается достаточно четко, то в Российском правотворчестве место института «персональных данных» вызывает некоторую неопределенность.

Так, В.Н. Лопатин прямо указывает на персональные данные как на институт охраны права на частную жизнь [16, стр. 243]. С.Н. Алямкин также относит защиту персональных данных человека к одной из главных составляющих права человека на неприкосновенность частной жизни [10]. У других авторов, как правило, редко можно найти ответ на вопрос о соотношении института защиты персональных данных и права на неприкосновенность частной жизни, хотя они, без сомнения, рассматривают эти понятия как связанные между собой.

Российское законодательство первоначально не связывало напрямую защиту персональных данных и право на неприкосновенность частной жизни. Так впервые понятие «персональные данные» упоминается в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 6 марта 1997 г. № 188 [6]. В этом указе лишь перечисляется то, что относится к конфиденциальной информации, но там ничего не сказано ни об обработке персональных данных, ни о видах ответственности за неправомерную обработку.

В 2001 году Государственной Думой был принят Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ, в котором глава 14 посвящена защите персональных данных работников. В этой главе было определено понятие «обработка персональных данных работника» следующим образом: «Обработка персональных данных работника – получение, хранение, комбинирование, передача или любое другое использование персональных данных работника» [2].

Принятый в 2006 году Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ в ст. 3 указывает в качестве основополагающего принципа недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица [4]. Ст. 9 указанного закона

повторяет данный принцип, запрещая требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина (физического лица). Однако в определении персональных данных, в части доступа к ним, ссылается на ФЗ «О персональных данных», который раскрывает указанное понятие как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [5].

В то время, как категория «персональные данные» четко определена в законе, дефиницию «частная жизнь» однозначно определить достаточно сложно. Практически все имеющиеся в настоящее время определения «частной жизни» носят доктринальный характер. Сложность в однозначной трактовке также вызывает тот факт, что право на неприкосновенность частной жизни имеет междисциплинарный характер. Каждая научная дисциплина обладает своим понятийно-категориальным аппаратом, и критерии выделения дефиниции «частная жизнь» могут кардинально отличаться в зависимости от использованного подхода. Между тем, в той или иной степени, формулировка «частная жизнь» содержится не только в Конституции России. Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, Гражданский кодекс Российской Федерации, пользуясь формулировкой «частная жизнь» к сожалению, не содержат ни дефинитивной нормы, которая бы истолковывала, что означает «частная жизнь», ни отсылки на иные законодательные акты, содержащие определение «частной жизни».

В качестве примера доктринального толкования категории «частная жизнь» можно предложить подход, содержащийся в Комментарий к УК РФ под редакцией профессора Н.Г. Кадникова. Здесь читаем: «Под частной жизнью следует понимать совокупность естественных и приобретенных по закону прав и свобод, а также разного рода сведений и тайн, неприкосновенность которых гарантируется Конституцией и другими законами Российской Федерации и не может быть нарушена любыми действиями без согласия лица или его правопреемников, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Предметом преступления могут быть

самые различные сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну. На наш взгляд, к таким сведениям следует относить данные о личности, месте ее пребывания, ее жилище, о родных и близких; тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; усыновления. Банковских вкладов и счетов, завещания; адвокатскую и врачебную тайну; тайну исповеди. Потерпевшим является любое гражданское лицо, неприкосновенность частной жизни которого нарушена без его согласия» [32, стр. 319-320].

Что же касается представителей уголовно-процессуальной науки, то они порой обходят стороной определение «частная жизнь». Так, в недавно изданном учебнике «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» помещен довольно значимый материал, посвященный принципам уголовного судопроизводства, и подробно анализируются такие понятия, как принцип законности (ст. 7 УПК РФ), принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ), принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ), принцип неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ), принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ) [41, стр. 69-79] и др., но понимание и определение частной жизни мы здесь не нашли.

В научном сообществе нет единой позиции по данной категории. Среди многообразия подходов к определению понятия частная жизнь, в российской правовой науке можно выделить два основных таких подхода [23].

Первый подход определяет право на неприкосновенность частной жизни, как защиту обширной сферы деятельности человека, не относящейся к публичной деятельности и включает в себя положения о личной и семейной тайне, защите чести и доброго имени, неприкосновенности жилища, защиту врачебной тайны и иных видов профессиональной тайны. Таким образом данный подход заключается в перечислении элементов содержания понятия частная жизнь.

Второй подход определяет неприкосновенность частной жизни в узком смысле, подразумевающая защиту лишь тех сфер человеческой

деятельности, которые выходят за рамки правового поля и не имеют правового содержания. Таким образом, понятие «частная жизнь» в узком смысле рассматривается в контексте отсутствия правового регулирования и в этой связи элементы частной жизни не перечисляются, так как согласно данному подходу предполагается определение сущности этих элементов самим человеком. В рамках такого подхода нет необходимости перечислять все возможные стороны частной жизни, поскольку ее содержание определяется волей человека, зависит от его усмотрения.

Так как первый подход наиболее полно раскрывает содержания понятия частная жизнь, рассматривать данную категорию в контексте сравнения с понятием «персональные данные» следует именно в нем.

Если персональные данные содержат в себе именно информацию, а именно «любую информацию», относящуюся к субъекту персональных данных, то категория частная жизнь включает в себя, по мнению Фирстова С.Е. и Ващенко В.А., следующие составные элементы:

- «1. Право на свободу и личную неприкосновенность.
2. Право на личную и семейную тайну.
3. Защиту чести и доброго имени.
4. Тайну переписки телефонных переговоров и сообщений.
5. Неприкосновенность жилища» [42, стр. 90-93].

Хотя они и обозначены в Конституции РФ как самостоятельные составляющие, но, по мнению ученых-правоведов имеют прямое отношение к частной жизни, входят в круг отношений, охватываемых понятием «частная жизнь».

Исходя из данного определения, «персональные данные» можно условно отнести лишь к нескольким элементам частной жизни. Однако информация о частной жизни лица уже может относиться ко всем составным частям рассматриваемого понятия. Так к персональным данным могут относиться сведения о личности, его имя, фамилия, дата рождения, паспортные данные, адрес места жительства, сведения о контактах, биологических особенностях и многое другое, включая информацию, составляющую личную и семейную тайну. Так в ряде статей Федерального закона «О персональных данных» можно заметить, что речь идет об

особом виде персональных данных, составляющих одновременно с этим специальную тайну. Таковой может являться: государственная, личная и семейная тайна, врачебная тайна или тайна оперативно-розыскной деятельности (ОРД) (ст. 11, ч. 2 ФЗ «О персональных данных»).

Что касается, например, тайны ОРД, то она напрямую связана с функционированием тех правоохранительных органов и спецслужб, которые являются субъектами ОРД, и их конфидентов. В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] уделяется очень серьезное внимание вопросам защиты сведений об органах, осуществляющих ОРД, проблемах соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении этой деятельности, а также социальной и правовой защите должностных лиц субъектов ОРД и граждан, содействующих данной деятельности [28; 29; 31; 35].

Как мы видим, круг информации, который попадает под понятие «персональные данные» достаточно обширен. Конкретного перечня в законе нет, однако статьи 10, 11 ФЗ «О персональных данных» вводят специальные категории персональных данных. Такими являются сведения о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни. Отдельно упоминаются биометрические персональные данные. Закон определяет их как: «физиологические и биологические особенности человека, на основе которых можно установить его личность (физиологические параметры, фото- и видеоизображения)». А также содержит в себе особую процедуру согласия на их обработку, содержащуюся в обязательной письменной форме данного согласия.

Таким образом, законодатель подразделяет информацию о частной жизни лица, и «персональные данные» лица на две хоть и связанные между собой, но все же разные категории. Анализируя упомянутое в законе понятие, «персональных данных» становится ясно, что рассматриваемое понятие уже междисциплинарной правовой категории «частная жизнь», но шире понятия информации о частной жизни лица, подразумевая сведения самого различного толка. В частности, среди информации, отнесенной к персональным данным могут находиться сведения об общественной жизни человека, его работе или учебе, что не всегда может

затрагивать сферу частной жизни.

Схожего мнения придерживаются и другие исследователи. Так М.В. Будин, считает, что «потенциально персональные данные включают в себя, наряду со сведениями о частной жизни лица (тайной частной жизни), целый круг сведений, которые охватываются многими другими правовыми категориями, которые существовали и появились, и укоренились в правовой материи существенно ранее категории «персональные данные» [22, стр. 24].

В тоже время, разграничение понятий «частная жизнь» и «персональные данные» имеет принципиальную важность. К примеру, обработка персональных данных в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации в области персональных данных влечет за собой административную ответственность по статье 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В то же время практически аналогичные действия, связанные со сбором или сведениями о частной жизни лица, попадают под категорию преступлений, и предусматривают собой уже уголовную ответственность, согласно ст. 137 Уголовного Кодекса Российской Федерации. В частности, в уже упоминаемом ранее Комментарии к УК РФ обращается внимание на то обстоятельство, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» выражается «в одном из следующих действий: а) незаконном сборе сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия; б) распространении полученных сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Под незаконным сбором сведений о частной жизни гражданина следует понимать сбор вопреки закону лицом, не уполномоченным на это, сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. Распространение собранных сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, – это сообщение известных виновному сведений третьему лицу. Распространением таких сведений в публичном выступлении является их оглашение на собрании, митинге, заседании, конференции,

в компании и т.д.; в публично выставленном произведении; в воспроизведении в общественном месте на рисунке, фотографии, видеоили магнитофонной записи и т.п.; средствах массовой информации – печати, по радио, телевидению и т.д.» [32, стр. 320].

Таким образом, при отсутствии легального

определения, что следует понимать под определением частная жизнь, и какие сведения могут быть включены в данную категорию, разграничение данных составов является актуальной проблемой для правоприменителя. А вопрос соотношения понятий «персональные данные» и «частная жизнь» остается открытым.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2020.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31(часть 1). – Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть 1). – Ст. 3451.
6. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 10. – Ст. 1127.
7. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. – 2020. – Федеральный выпуск № 159(8213). – 22 июля.
8. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 5. – Ст. 419.
9. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
10. Алямкин С.Н. Персональные данные как объект правового регулирования: понятие и способы защиты // Мир науки и образования. – 2016. – № 4 (8). – С. 4.
11. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Право на жизнь и право на смерть в системе соматических прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 179-192.
12. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. «Жизнь» и «право на жизнь» как категории философско-правовой науки // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 157-175.
13. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Человеческая жизнь и юриспруденция: история и современность // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 38-54.
14. Баранов В.М. Достоинство сотрудника органов внутренних дел как особый объект судебной защиты: доктрина, практика, техника // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Д.Н. Архипова, В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2019. – С. 40-63. – в сб. 264 с.
15. Бастрыкин А. Защита прав граждан в работе СК РФ // Защита и безопасность. – 2019. – № 2. – С. 26-29.
16. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 243.
17. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
18. Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. Права, свободы и законные интересы осужденных, отбывающих уголовные наказания: юридические ограничения и гарантии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 137-156.
19. Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. Правовой статус личности осужденного: некоторые личные и политические права и свободы // Мир политики и социологии. – 2017. – № 5. – С. 131-139.
20. Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. Социально-экономические права и свободы осужденных в

- контексте правового статуса личности // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 143-158.
21. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
 22. Бундин М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017 – 223 с.
 23. Зайцева Ю. П. Частная жизнь гражданина: понятие и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-1(54). – С. 58-62.
 24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
 25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
 26. Захарцев С.И., Сальников В.П. К дискуссии о правах сотрудников полиции // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Д.Н. Архипова, В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2019. – С. 234-240. – в сб. 264 с.
 27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9-15.
 28. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
 29. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
 30. Захарцев С.И., Сальников В.П., Алексанин А.С. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2018. – Вып. 2(102). – С. 102-106.
 31. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
 32. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
 33. Луковская Д.И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. – 2007. – № 13. – С. 34-36.
 34. Москалькова Т.Н. Актуальные вопросы соблюдения и защиты прав сотрудников органов внутренних дел // Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Д.Н. Архипова, В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2019. – С. 17-27. – в сб. 264 с.
 35. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
 36. Отчет We Are Social and Hootsuite Портал «datareportal.com» // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>
 37. Отчет экспертно-аналитического центра группы компаний InfoWatch // URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/reports/27614>
 38. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
 39. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66. – в кн. 399 с.
 40. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
 41. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский

- ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
42. Фирстов С.Е., Ващенко В.А. Некоторые вопросы определения понятия «частная жизнь» в уголовном процессе // Уголовно-процессуальные проблемы расследования уголовных дел: Сборник материалов межведомственной конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 90-94. – в сб. 117 с.
43. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
44. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
45. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
заведующий научно-исследовательским отделом
Санкт-Петербургской академии Следственного
комитета Российской Федерации, доктор
юридических наук, профессор, академик РАЕН
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: docantonov@yandex.ru

БАДЗГАРАДЗЕ Георгий Давидович,
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всерос-
сийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Санкт-Петербург,
Россия)
E-mail: badzgaradze98@gmail.com

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

РЕКЛАМА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Рассматривается реклама потребительских кредитов в контексте внутренних угроз экономической безопасности российского государства, имеющих риски безопасности жизнедеятельности населения страны. По результатам проведенного исследования определено, что действующее в настоящее время законодательство, допускающее открытую агрессивную рекламу потребительских кредитов, и его реализация банками и иными кредитными организациями влечет за собой, помимо банкротства, в том числе, такие негативные последствия, как самоубийства, подрыв психического и физического здоровья граждан. Разрешение (частичное) имеющихся проблем видится в первоначальном изменении законодательства о рекламе в части включения в перечень товаров и услуг, реклама которых не допускается, рекламу потребительских кредитов и ипотек, а также установлении исключительных полномочий органов исполнительной власти Российской Федерации по доведению до населения информации о потребительских кредитах и ипотеке (исключив их навязывание и рекламу), что также будет способствовать реализации конституционных поправок о том, что в ведении Российской Федерации находится обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность; потребительский кредит; банкротство физических лиц; реклама.*

ANTONOV I.A.
BADZGARADZE G.D.

ADVERTISING OF CONSUMER LOANS AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. The article examines the advertising of consumer loans in the context of internal threats to the economic security of the Russian state, the existing risks to the safety of the country's population. according to the results of the study, it is determined that the current legislation that allows open aggressive advertising of consumer loans, and its implementation by banks and other credit organizations entails, in addition to bankruptcy, including such negative consequences as suicide, undermining the mental and physical health of citizens. Resolution (partial) existing problems seen in the initial change of the advertising legislation in terms of inclusion in the list of goods and services, advertising which is not allowed, the advertising of consumer credits and mortgages, as well as the establishment of the exclusive competence of the Executive authorities of the Russian Federation for bringing to public information about consumer loans and mortgages (excluding their imposition and advertising) that will contribute to the implementation of the constitutional amendments that the jurisdiction of the Russian Federation is the security of the person, society and the state in the application of information technologies, the turnover of digital data.

Key words: economic security; consumer credit; bankruptcy of individuals; advertising.

Внешние и внутренние угрозы для суверенитета российского государства [20; 21; 22; 28; 33], для его развития, создания нормальных условий жизни и деятельности, в том числе безопасности, общества и каждой отдельной личности во многом обусловлены сегодня вопросами экономического характера, и осложняются проблемами экономического противостояния государств, проблемами теневой экономики [4; 10; 11; 12; 24; 27], распространения экономической преступности [13; 14; 36], что снижает эффективность проводимых социальных и экономических реформ, снижает уровень жизни населения страны.

20 февраля 2020 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на заседании коллегии ФСБ России указал, что «надежная защита России и наших граждан от внутренних и внешних угроз всегда была и остается важнейшей государственной задачей» [3].

В юридической науке широко обсуждаются проблемы экономической безопасности, с которыми сталкивается Российская Федерация [9; 17; 23; 35; 38; 39; 40]. В частности, И.В. Филатова совершенно верно отмечает, что в эпоху глобализации «одной из приоритетных задач государства является обеспечение экономической безопасности» [34, стр. 263].

И в этом аспекте в целях ограждения граждан от противоправных, а иногда и допустимых законом деяний, влекущих за собой снижение материального благосостояния населения страны, в рамках настоящей работы нами будет приведено

обоснование запрета, либо, как минимум, ограничения рекламы потребительских кредитов на территории Российской Федерации. Это исследование ориентируется на несколько отраслей научных знаний: экономики, юриспруденции, социологии, культурологии, изучающих каждый в рамках своего предмета вопросы безопасности, в том числе экономической безопасности, общества и государства.

Итак, первоначально укажем, что в текущем году конституционными поправками было установлено, что в ведении Российской Федерации находится обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции) [1]. В этой связи возникает вопрос: а в каком качестве выступает реклама в современном мире, на территории России, в условиях информатизации и глобализации, каково ее место в системе факторов, влияющих на безопасность общества? Может ли она причинить вред и быть опасной для человека и общества? К сожалению, ответ на данные вопросы свидетельствует о том, что реклама на практике порой бывает опасной и вредной для социума и отдельной личности, в том числе и СМИ в целом [18; 19; 30; 37].

В Федеральном законе от 13 марта 2006 года «О рекламе» законодатель устанавливает, что под рекламой стоит понимать информацию, распространяемую любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на

привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [2].

При этом Е.В. Ромат, основываясь на культурологическом подходе, рассматривает рекламу как «часть культурной среды, важный фактор формирования эстетического сознания людей» [29, стр. 29]. Более осторожно относится к рекламе и ее воздействию Д.Б. Мамчиц. Проводя анализ понятия «реклама», Д.Б. Мамчиц отмечает, что «психологическое воздействие рекламы часто является деструктивным, в силу чего объективно необходимо позиционировать рекламу как объект искусства, положительно влияющий на аудиторию, и как средство коммуникативного общения между людьми» [25, стр. 84].

Вопросам рекламы сегодня посвящена значительная и глубокая научная литература [5; 7; 8; 26], включая и диссертационные работы [6].

В Федеральном законе «О рекламе» прямо не устанавливаются цели рекламы и рекламирования, однако, основываясь на анализе рекламного законодательства, мы можем сформулировать основные положения, характеризующие целевую установку рекламы.

Как представляется, с позиций настоящего исследования основной целью рекламы является донесение до потенциального потребителя основных свойств, функций и сведений о товаре, услуге (об объекте рекламы). Еще одной основополагающей целью можно считать формирование у потребителя рекламы отношения к рекламируемому товару, при этом формирование у него такого отношения, которое сопутствовало бы потреблению объекта рекламы.

Более не углубляясь в общие законодательные вопросы рекламы и ее направленности, опишем характер ее влияния лишь только в рамках одного аспекта. Применительно к рассматриваемой теме, считаем необходимым обратиться к официальной статистике физических лиц, признаваемых банкротами. Изучение этого вопроса позволяет указать на беспрецедентный ежегодный рост числа банкротящихся лиц. Так, в 2015 году граждан-банкротов было всего 870 человек, а в 2016 году – уже 19574. Конечно, здесь можно было бы сослаться на изменение законодательства о банкротстве, на то, что именно ввиду законодательного определения порядка и условий банкротства физических лиц многие граждане, находящиеся в затруднительном финансовом

положении, обратились к проведению процедуры банкротства. Однако, данный тезис не находит своего подтверждения, поскольку ежегодно число банкротящихся физических лиц и индивидуальных предпринимателей лишь увеличивается (в 2017 году – 29827, в 2018 – 43984, в 2019 – 69980) [15], что, конечно, свидетельствует о потребности дополнительного изучения этого многоаспектного вопроса, который мы взяли осветить лишь с одной стороны. А именно с той позиции, что выступило первопричиной введения физического лица в состояние, когда ему требуется столь «негативная помощь» государства, как признание банкротом. Каков же будет ответ? Да – получение кредита.

При всем при этом необходимо понимать, что добросовестно банкротящееся физическое лицо, прежде чем обратиться к процедуре банкротства и в процессе ее проведения, пытается предпринять все возможные меры для исправления его сложившегося финансового положения. С этой целью лицо, имеющее долговые обязательства, устраивается на дополнительную работу для получения дополнительного заработка, берет займы, продает свое имущество для оплаты части долгов, процентов и пени по ним. Очевидно, что данные изменения в жизни человека, вызванные нависанием над ним долгового бремени, в процессе попыток исправления сложившейся финансовой ситуации приносят лицу колоссальный стресс, подрывают его физическое и психическое здоровье, здоровье и благополучие его семьи, а иногда являются причинами совершения самоубийства, в том числе с целью получения страховых выплат, которыми семья должника могла бы прекратить долговые обязательства [16].

Кредиты для физических лиц и индивидуальных предпринимателей являются тем финансовым инструментом, который в угоду получения желаемого предмета материального мира всегда ставят должника в то положение, при котором он возвращает значительно больше денежных средств, чем получает. В погоне за навязанными в информационном поле приоритетами, навязанной российскому обществу политики потребления, большинство граждан не отдает себе отчет о тех последствиях, которые несет за собой получение кредитов. Низкая правовая культура [31; 32], изощрения банковских организаций, заключающихся в формировании некоторых

предложений таким образом, что это затрудняет получение полной, достоверной информации о предлагаемых программах получения займа (например, в случае запроса о предоставлении информации о перечне и условиях программ потребительского кредита, банки предоставляют объемную документацию, выверенную вопреки разумным принципам делопроизводства. В данной документации, потребительские кредиты и их условия объединены в группы не по названию той или иной программы кредитования, а по условиям. Таким образом, данная документация представляет собой название условия, например, «Последствия просрочки платежа» и ниже описываются все возможные программы кредитования лишь в рамках этого условия. Такое положение вещей затрудняет восприятие информации и условия той или иной программы кредитования даже опытному юристу, финансисту, не говоря уже о гражданах, не имеющих отношения к подобной деятельности.

Всеобъемлющее, навязчивое обложение населения кредитными и банковскими займами неуклонно ведет к подрыву в принципе всей экономической составляющей безопасности государства, поскольку замедляет рост ВВП, ухудшает качество реализуемых и производимых работ и услуг, а также ведет к деградации человеческого капитала, поскольку не только ослабляет психическое и физическое здоровье граждан, но и приводит к самоуничтожению – суицидам.

Проанализировав цели рекламы, ее воздействие и вопросы долгового положения населения Российской Федерации, можно сделать вывод, что реклама потребительских кредитов, ипотек и подобных займов, предоставляемых кредитными и банковскими организациями, имеет своей целью получение выгоды банками, посредством создания у потенциальных клиентов такого отношения, которое сопутствовало бы потреблению

объекта рекламы. Зачастую реклама подобных финансовых инструментов показывает яркую, безмятежную жизнь потребителя кредита, хотя, как указывалось ранее, получение кредитов несет за собой очень тяжелые последствия как для самой личности, его родственников, семьи, так и для экономической безопасности государства в целом.

В связи с достаточной угрозой жизни и здоровью населения, экономическим институтам, в связи с наличием большого числа банковских организаций, в которых, к тому же, иностранные юридические и физические лица владеют определенной долей капитала, считаем необходимым во исполнение идей, заложенных в указанных выше поправках к Конституции Российской Федерации, а также ее установленных ранее норм, внести поправки в действующее законодательство: в статью 7 Федерального закона «О рекламе», включив в перечень товаров и услуг, реклама которых не допускается, рекламу потребительских кредитов и ипотек; в статью 28 Федерального закона «О рекламе» внести изменения в части исключения требований к рекламе потребительских кредитов; установив за органами исполнительной власти Российской Федерации исключительные полномочия обнародования и доведения до населения информации о потребительских кредитах и ипотеке, предусмотрев формы, исключающие их навязывание и рекламу.

Указанные изменения, как представляется, позволят снизить риски безопасности жизнедеятельности населения нашей страны, хоть и несколько опосредованно, но все же будут способствовать экономическому развитию Российской Федерации, а также позволят уменьшить процентные ставки по займам у финансовых организаций под влиянием рыночной системы правоотношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2020.
2. Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.
3. Путин В.В. Выступление на заседании коллегии Федеральной службы безопасности // URL: <http://www.kremlin.ru/>

4. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
5. Баранов В.М., Баранова М.В., Черячукин Ю.В. Рекламное право: Учебно-методический комплекс. 2-е изд., перераб. и доп. – Н. Новгород, 2002. – 267 с.: табл.
6. Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Н.Новгород, 2010. – 60 с.
7. Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 796 с.
8. Баранова М.В. Правовые проблемы саморегулирования в сфере рекламы // Журнал российского права. – 2009. – № 5. – С. 60-68.
9. Быков В.Н., Колесников В.В. Коррупция и экономическая безопасность // Проблемы деятельности хозяйствующих субъектов современной России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / Под ред. С.Б. Смирнова. – СПб.: Диалог, 2007. – С. 18-25.
10. Головки М.В. Государственная политика противодействия теневой экономике в контексте мер обеспечения экономической безопасности. – М.: ВИТИ НИЯУ МИФИ, 2016. – 197 с. : ил., табл.
11. Головки М.В. Теневая экономика как индикатор безопасности институциональной среды. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2012. – 221 с.
12. Гомонов Н.Д., Безуглова М.А. Детерминанты и особенности преступности в сфере теневой экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 165-174.
13. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
14. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»).
15. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности «Федресурс» // URL: <https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83>.
16. Еще одно самоубийство из-за рекордных долгов по кредитам: стали известны подробности смерти 28-летнего токаря «КамАЗа» // URL: <https://www.newsru.com/russia/22may2015/dolgi.html>.
17. Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение экономической безопасности России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 172-179.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
20. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
21. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
22. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
23. Золотухин А.П., Соболев И.А. Социально-правовая система противодействия экономической преступности как фактор обеспечения экономической безопасности общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 111-116.
24. Кондрат Е.Н. Теневая и криминальная экономическая деятельность: негативные проявления в социально-экономических формациях // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 118-125.
25. Мамчиц Д.Б. Анализ отечественных и зарубежных взглядов на понятие «реклама» // Современные парадигмы научных воззрений: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27-28 февраля 2016 г. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2016. – С. 84-85. – в сб. 178 с.
26. Потолокова М.О. Манипулирование в рекламе // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 63-65.
27. Привалов К.В. Теневая экономика. Теоретико-правовой аспект. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический ун-т, 2012. – 160 с.
28. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском

- обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
29. Ромат Е.В. Реклама: Учебник для вузов. – СПб.: Питер. 2016. – 544 с.
30. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
31. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
32. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
33. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
34. Филатова И.В. Вызовы и угрозы экономической безопасности в рамках реализации стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6. – С. 263-266.
35. Фирсов И.В. О соотношении и содержании понятий «безопасность» и «экономическая безопасность» в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 120-134.
36. Хабибулин А.Г. О научно обоснованных подходах в системе борьбы с организованной преступностью экономической направленности в современных условиях: Научный доклад. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009. – 132 с.
37. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
38. Числов А.И., Цишковский Е.А. Защита и реализация экономических интересов России как основные направления обеспечения ее экономической безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2006. – № 1. – С. 13-25.
39. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с.
40. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 640 с.

ИВАШКИНА Екатерина Алексеевна,
магистрант Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

ПОЛИТИКА КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

***Аннотация.** Исследуются проблемы обеспечения антикоррупционной политики в кредитно-финансовой сфере. Рассматриваются механизмы, с помощью которых банки и иные кредитные организации могут осуществлять противодействие коррупции. В качестве основных инструментов рассмотрены системы комплаенс и антикоррупционная политика. Отмечается, что кредитные организации подвержены различным влияниям и атакам, особенно в цифровую эпоху, а также могут использоваться для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, что также актуализирует вопросы антикоррупционной деятельности в банковской сфере.*

***Ключевые слова:** банк; кредитная организация; коррупция; антикоррупционная политика; комплаенс.*

IVASHKINA E.A.

ANTI-CORRUPTION POLICY OF CREDIT INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

***The summary:** The article is devoted to the issue of ensuring anti-corruption policy in the credit and financial sphere. The author examines the mechanisms by which banks and other credit organizations can fight corruption. The article considers compliance systems and anti-corruption policies as the main tools. The author notes that credit institutions are susceptible to various influences and attacks, especially in the digital age, and can also be used to legalize (launder) proceeds from crime, which also raises the issue of anti-corruption activities in the banking sector.*

***Key words:** bank; credit institution; corruption; anti-corruption policy; compliance.*

Преступления коррупционной направленности характеризуются высокой степенью общественной опасности и влиянием на экономическую безопасность государства, что обуславливает актуальность исследования данной проблемы. Коррупция, являясь социально-правовым явлением, включает в себя все области социальных взаимоотношений между обществом и государством, носит системный характер [6; 10; 16; 20; 24; 25; 27] и представляет серьезную опасность для национальной безопасности [26; 30].

Коррупция оказывает отрицательное воздействие на существующую систему государственно-властных отношений. Кроме того, преступления коррупционной направленности представляют существенную угрозу для государственной власти РФ, ее авторитета и незыблемости, нарушают жизненно важные права и интересы человека и гражданина.

На сегодняшний день коррупция пронизывает все сферы общественной жизни, социальные институты, в том числе органы государственной

власти, государственной службы и органы местного самоуправления [4; 28].

В условиях складывающейся экономической ситуации приоритетной целью является обеспечение нормального функционирования экономики государства [8; 9; 12; 15; 31; 32], где ключевая роль принадлежит кредитно-банковской сфере.

Кредитные организации, непосредственно являясь одним из элементов механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, также должны соблюдать антикоррупционное законодательство и, более того, способствовать противодействию коррупции.

В рамках современных реалий кредитно-денежные отношения и финансово-кредитная сфера достаточно сильно подвержены противоправному воздействию со стороны недобросовестных субъектов. Ежегодно в рамках данной сферы экономики совершается несколько десятков тысяч преступных посягательств с использованием различных экономических и цифровых инструментов. В частности, к числу таких можно отнести безналичные счета, платежные документы, кредиты и прочее.

В свою очередь, экономическая безопасность государства и нормальное функционирование экономики являются значимыми и необходимыми составляющими национальной безопасности государства [7; 11]. Соответственно, экономико-правовое обеспечение безопасности финансово-кредитных организаций банковского сектора должно быть одним из приоритетных направлений деятельности государства [21], а также контроль за соблюдением ими основ антикоррупционного законодательства, особенно в аспекте противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем [13; 17; 18; 19; 22; 29].

Современные банки и их службы безопасности как никто другой заинтересованы в дополнительных институтах контроля. Именно ввиду этого кредитные организации стремятся применять в своей деятельности различные современные способы и методы предупреждения внешних и внутренних угроз с целью минимизации риска, противодействовать с их помощью коррупции.

Одним из способов такого предупреждения является по-прежнему достаточно новый

механизм для российской действительности как комплаенс-контроль [33].

Несмотря на то что данный институт еще недостаточно распространен в России, крупные банки уже используют системы комплаенса в своей деятельности. Так, ПАО «Сбербанк», ПАО «Промсвязьбанк», ПАО «ВТБ» используют комплаенс как принцип ведения бизнеса.

В частности, заместитель Председателя Правления Сбербанка Белла Златкинс отмечает, что «наличие системы комплаенс-менеджмента означает высокий уровень культуры ответственности и профессионализма внутри организации. Это залог соблюдения норм законов и требований, ведения честного бизнеса, что является не только основой долгосрочного успеха компании, но и дополнительным инструментом его достижения» [35].

В 2003 году было принято Положение Банка России от 16 декабря 2003 г. N 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» [1]. Данный нормативный акт устанавливает, что все банки обязаны внедрить в свою деятельность службы внутреннего контроля. В целом, в доктрине отмечается, что по существу в рамках внутреннего контроля выполняется функция комплаенс-контроля. Положение говорит о регуляторном риске, которым необходимо управлять, в частности, с помощью особых подразделений, то есть служб комплаенса.

Впоследствии в 2014 году ЦБ РФ внес ряд изменений в вышеуказанный документ, издав Указание Банка России от 24 апреля 2014 г. № 3241-У [3]. На наш взгляд, данное изменение со стороны регулятора можно отметить как значимое, так как именно после этого в рамках нормативного регулирования банковской деятельности появилось формально закрепленное понятие комплаенс-риска.

В реалиях современного мира комплаенс уже достаточно распространен в различных сферах деятельности. Как отмечают А.С. Зуева и В.А. Невьянцева в своей научной статье «тенденция к развитию системы комплаенс является неизбежной. Возрастает роль противодействия движению теневых финансовых потоков и ужесточение политики Банка России в отношении оздоровления банковской системы» [14].

ЦБ РФ, являясь регулятором в банковской сфере, ориентирует свою политику на

самостоятельный контроль за банками операций с признаками «обналичивания». Регулятор поставил новую планку требований и пожеланий к банкам, где в ходе анализа «плохих» операций ЦБ смотрит на скорость и самостоятельность реагирования [5], что, в свою очередь, повышает значимость комплаенс-контроля.

Также значимость системы комплаенс в банковском секторе и управление комплаенс-рисками заметны ввиду постоянной волатильности рынков, что побуждает организации серьезнее подходить к вопросам обеспечения стабильности своей деятельности и проверки контрагентов.

Организация, которая заинтересована в формировании преданности и лояльности своих сотрудников, имеет возможность разработать определенный комплекс мер, нацеленных на долгосрочную реализацию программ, способствующих развитию соответствующих ценностей в сознании каждого сотрудника. В первую очередь такие меры и программы связаны с развитием группы как социального образования.

Кроме того, Банк России и подконтрольные ему коммерческие банки принимают специальные политики по противодействию коррупции [2]. Банк России основывает свою антикоррупционную деятельность, исходя из общих конституционных основ в виде законности, публичности деятельности, которая выражается во взаимодействиях с различными субъектами, средствами массовой информации и т.д. Также Банк России исходит из неотвратимости наказания за совершение коррупционных преступлений, прибегает

к различным мероприятиям для осуществления антикоррупционной политики, взаимодействует с институтами гражданского общества, физическими и юридическими лицами, организациями (в том числе международными) и пр.

Также ЦБ РФ в аспекте антикоррупционной политики уделяет непосредственное внимание эффективному контролю и мониторингу за применением нормативно-правовых актов, с целью пресечения и выявления коррупционных нарушений.

Банк России не просто взаимодействует с внешними субъектами, он также привлекает к реализации антикоррупционной политики своих внутренних служащих с помощью информирования об антикоррупционных основах, правового и политического воспитания и социализации сотрудников.

На наш взгляд, такие меры являются эффективными, если они воплощаются должным образом, «не для галочки», так как именно формирование нетерпимости к коррупции в сознании людей, соответствующий уровень правовой культуры являются составными элементами во всей антикоррупционной политике государства и отдельных его институтов.

Таким образом, антикоррупционная деятельность банков имеет непосредственное практическое значение, особенно в аспекте легализации преступных доходов. В аспекте противодействия коррупции банкам рекомендуется, помимо принятия антикоррупционных политик, внедрять системы внутреннего контроля, в особенности, систему комплаенс.

Список литературы

1. Положение Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» // Вестник Банка России. – 2004. – № 7.
2. Приказ Центрального Банка Российской Федерации «Об утверждении Антикоррупционной политики Банка России» от 17 апреля 2019 г. // <https://cbr.ru/Content/Document/File/71332/od-867.pdf>
3. Указание Банка России от 24 апреля 2014 г. № 3241-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» // ИПП «ГАРАНТ»: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70591738/>
4. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
5. Григорьев Е.Г. Комплаенс контроль в банковской сфере // Экономика и современный менеджмент: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Пенза, 10 февраля 2018 г.). – Пенза: Наука и просвещение, 2018. – С. 123-126. – в сб. 290 с.

6. Егоршин В.М. Государство и коррупция: генезис бюрократии (краткий экскурс в историю государственного управления и правоприменения) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 1. – С. 43-87.
7. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // *Правовое поле современной экономики*. – 2012. – № 10. – С. 77-99; Статья вторая // *Правовое поле современной экономики*. – 2012. – № 11. – С. 24-33; Статья третья // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 11. – С. 29-43.
8. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
9. Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение экономической безопасности России // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 9. – С. 172-179.
10. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
11. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
12. Золотухин А.П. Соболев И.А. Социально-правовая система противодействия экономической преступности как фактор обеспечения экономической безопасности общества // *Мир политики и социологии*. – 2012. – № 10. – С. 111-116.
13. Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – 752 с.
14. Зуева А.С., Невьянцева В.А. Особенности правового регулирования комплаенс-контроля в банковской деятельности в условиях экономической нестабильности // *Инновационное развитие экономики*. – 2017. – № 3 (39). – С. 108-112.
15. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 282, [1] с. : ил. – (Серия «Безопасность человека и общества» / МВД России. С.-Петербург. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности).
16. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 11. – С. 111-127.
17. Кондрат Е.Н. Легализация преступных денежных средств: общая характеристика основных признаков и способов // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 2. – С. 113-127.
18. Кондрат Е.Н. Отмывание преступных доходов – динамичный процесс (проблемы профилактики) // *Правовое поле современной экономики*. – 2015. – № 12. – С. 120-129.
19. Кондрат Е.Н. Отмывание преступных доходов: криминалистическая характеристика // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 1. – С. 132-140.
20. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
21. Куклина Е.Н. Корпоративный комплаенс как эффективный инструмент предотвращения экономических преступлений в банковской деятельности // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. – 2015. – № 2(19). – С. 55-57.
22. Очередыко В.П., Литвиненко А.Н., Полевой В.А. Механизм противодействия легализации теневых доходов в системе обеспечения экономической безопасности государства: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 176 с.
23. Пестрикова Ю.А. Управление комплаенс-рисками в коммерческих банках // *Актуальные вопросы права, экономики и управления*. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. В 3 частях (Пенза, 05 июня 2017 г.). – Пенза: Наука и просвещение, 2017. – С. 189-192. – в сб. 264 с.
24. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М., 2019. – 384 с.
25. Савенков А.Н. Деятельность Совета Федерации по противодействию коррупции // *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ*. – 2012. – № 10. – С. 4-14.
26. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // *Защита и безопасность*. – 2006. – № 1. – С. 6.
27. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // *Защита и безопасность*. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
28. Сотников К.И. Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в профессиональной деятельности служащих органов государственной власти: Курс лекций. – СПб.: СЗФ РПА Минюста России, 2013. – 213 с.

29. Третьяков И.Л. Легализация «грязных денег» в России и меры борьбы с ней // Закон и право. – 2004. – № 7. – С. 16-17.
30. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
31. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с.
32. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 640 с.
33. Somov M. A. A way to research the student's values // Computer Sciences and Information Technologies: proc. Int Workshop (Antalia, Turkey, on September, 18th 2008). – Ufa: UGATU, 2008. – P. 44-47.
34. Официальный сайт FDIC // <https://www.fdic.gov/>
35. «Сбербанк» – Комплаенс // <https://www.sberbank.com/ru/compliance>

ЧЕЛЫШЕВА Полина Юльевна,

магистрант кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

E-mail: polya.tchelysheva@yandex.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ

***Аннотация.** Обосновывается мысль о том, что правоохранительные органы играют особую роль в сфере обеспечения экономической безопасности рынка ценных бумаг. Ценные бумаги в настоящее время являются одним из более гибких финансовых инструментов. Также их можно считать одним из основных атрибутов любого оборота. Акцентировано внимание на основные проблемы, с которыми сталкиваются органы, обеспечивающие экономическую безопасность рынка ценных бумаг.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность; правоохранительные органы; ценная бумага; рынок ценных бумаг; финансовый рынок; проблемы рынка ценных бумаг.*

CHELYSHEVA P.YU

FEATURES OF FUNCTIONING OF BODIES FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE SECURITIES MARKET

***The summary.** Securities are currently one of the more flexible financial instruments. They can also be considered one of the main attributes relative to any turnover. As a participant in the turnover of goods, they can be one of the methods of lending, as well as a means of payment, replacing cash. In a market economy, the Russian securities market cannot cope with a variety of tasks and problems that hinder its further development. This article analyzes the current problems that are typical for the Russian securities market. Certain areas that will contribute to improving the Russian securities market are proposed.*

***Key words:** economic security; law enforcement agencies; security; securities market; financial market; problems of the securities market.*

Правоохранительные органы принимают участие в обеспечении экономической безопасности рынка ценных бумаг. Деятельность правоохранительных органов направлена на защиту интересов участников рынка ценных бумаг от криминальных посягательств. Проявление такой защиты производится в рамках выявления, раскрытия и расследования преступлений,

которые совершаются на фондовом рынке различными субъектами. Министерству внутренних дел России в пресечение совершения экономических преступлений, и снижению количества совершаемых преступлений отводится исключительная роль.

Без всяких сомнений преступления затрагивающие, интересы владельцев ценных бумаг на

фондовом рынке влекут повышенную опасность и требуют применения не только особых методов, но и эффективных средств, которые будут противодействовать экономической преступности, в том числе и возможностей оперативно-розыскной деятельности [8; 9; 10; 15], субъектами которой являются органы внутренних дел. Это обусловлено, тем, что ежедневно на фондовом рынке обращается достаточное количество денежных средств в связи совершением сделок купли-продажи. Преступления влекут наступление существенного вреда добросовестным участникам рынка ценных бумаг. Одним из ярких примеров возбуждения уголовных дел в данной сфере стоит признавать злоупотребления начальника филиала ПАО «Газпромбанк», который при исполнении своих должностных полномочий совершил хищение обыкновенных акций клиента компании [22].

Практика привлечения к уголовной ответственности виновных лиц на сегодняшний день ничтожна, и большая часть преступлений остается безнаказанными. За последние несколько лет, уголовных дел по ст. 185.1 УК РФ [1] практически не возбуждалось. Поэтому усиление мер противодействия экономическим преступлениям на рынке ценных бумаг просто необходимо, так как их неэффективность способствует расцвету деятельности организованных преступных групп [2; 3; 13; 16].

Отмечается необходимость активного участия правоохранительных органов в нормативно-правовом обеспечении, которое бы способствовало эффективному предупреждению экономических преступлений на рынке ценных бумаг [4; 5; 7; 18; 20; 21].

Основными факторами, оказывающими воздействие на защиту от преступных посягательств на интересы владельцев ценных бумаг на российском рынке, стоит отметить следующие [12]:

- рассмотрение обращений граждан носит проблематичный характер;
- между органами государственной власти и правоохранительными органами отсутствует достаточное взаимодействие с целью осуществления надлежащего контроля;
- оперативно-розыскная деятельность в данной сфере сталкивается с отдельными проблемами;
- достаточно частое нарушение со стороны

участников рынка положений действующего законодательства;

- действующие правовые нормы не достаточно образом регулируют отношения на рынке ценных бумаг [11].

Правоохранительные органы обязаны обеспечить защиту прав, как потерпевших, так и государственных органов, участвующих на финансовом рынке. При этом правоохранительные органы должны взаимодействовать с иными государственными органами. Это позволит выявлять допускаемые факты правонарушений, которые наносят ущерб интересам не только инвесторов, но и государства в целом. Более того, совершенствование и развитие сферы фондового рынка, развитие экономики способствуют увеличению количества совершаемых правонарушений.

Повышение уровня взаимодействия правоохранительных органов и иных органов государственной власти, с подразделениями Банка России на сегодняшний день просто необходимо, так как позволят не просто выявить нестандартные сделки, которые могут совершаться с ценными бумагами на фондовом рынке, но и выработать определенные инструменты и механизмы, способствующие раскрытию преступлений на рынке ценных бумаг.

В качестве факторов такого взаимодействия стоит признавать следующие [14]:

- наличие основной цели – обеспечение законной инвестиционной деятельности, с целью выявления, пресечения, раскрытия допускаемых преступлений и правонарушений;
- взаимодействие может способствовать успешной борьбе с экономическими преступлениями;
- выстроить эффективный контроль за сделками на рынке ценных бумаг.

Представляется, что такое взаимодействие правоохранительных органов может осуществляться в рамках совместного информационного взаимодействия, направления запросов и поручений, создание специальной рабочей группы, деятельность которой направлена на выявление и предупреждение преступлений, подготовка к проведению совместных мероприятий, консультаций и совещаний [19]. Совершенствование информационного взаимодействия правоохранительных органов и контролирующих органов. В отличие от большинства зарубежных государств

в России отсутствует достаточное правовое регулирование такого информационного взаимодействия. Например, в Великобритании еще в 1993 году была разработана и внедрена единая информационная система информационного взаимодействия, которая направлена на противодействие мошенничеству в финансовой сфере. В качестве органов взаимодействия в такой сфере признаются не только правоохранительные органы, комиссия по ценным бумагам, Банк Англии. Поэтому обмен информацией осуществляется эффективно. Возникает острая необходимость по изучению зарубежного опыта антикриминальной ресоциализации [6] лиц, склонных к совершению преступлений на рынке ценных бумаг, в интересах профилактики данных деяний

[17].

Подводя итог, стоит отметить, что правоохранительным органам отводится особая роль, однако, об эффективности их деятельности говорить достаточно сложно. На сегодняшний день не созданы условия и инструментарий для раскрытия преступлений на рынке ценных бумаг, отсутствуют специальные знания и квалификация сотрудников правоохранительных органов в области рынка ценных бумаг. Положение можно улучшить путем создания отдельных программ обучения действующих сотрудников правоохранительных органов для работы в этой сфере на базе действующих вузов МВД России совместно с образовательными учреждениями и учебными центрами.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
2. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
3. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
4. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономико-правовой анализ): Монография. – М.: Моск. ун-т, 2014. – 352 с.
5. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г., Анищенко Е.В. Расследование экономических преступлений. Теоретико-методологические основы экономико-правового анализа финансовой деятельности: Учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 250 с. – (Серия: Бакалавр. Специалист. Магистр).
6. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминальная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
7. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»).
8. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
9. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
10. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
11. Зуева А.С. К вопросу о правоохранительных органах, осуществляющих деятельности в сфере обеспечения экономической безопасности рынка ценных бумаг // Научный альманах. – 2015. – № 7 (9). – С. 1119-1121.
12. Зуева А.С. Роль правоохранительных органов в обеспечении экономической безопасности рынка ценных бумаг России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10. – № 4 (241). – С. 47-55.
13. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.
14. Мещерякова И.А. Рынок ценных бумаг как рынок услуг // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 6-4 (64). – С. 283-284.

15. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
16. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
17. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
18. Сальников В.П., Рохлин В.И., Финансовая безопасность и финансовые расследования // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 145-152.
19. Степанов С.Е. Сущность, цели, принципы и задачи надзора за инфраструктурой рынка ценных бумаг в Российской Федерации // К новому технологическому укладу: человек и его работа (экономические науки): Сборник статей аспирантов, посвящённый 30-летию Федерации независимых профсоюзов России. – М.: АТиСО, 2020. – С. 209-218.
20. Финансовая безопасность. Финансовые расследования: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Хабибулина. – М.: Мос. ун-т, 2013. – 368 с.
21. Хабибулин А.Г. О научно обоснованных подходах в системе борьбы с организованной преступностью экономической направленности в современных условиях: Научный доклад. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009. – 132 с.
22. Чолбаева С.Д. Роль государства в инвестиционном процессе и развитии рынка корпоративных ценных бумаг // Сибирская финансовая школа. – 2018. – № 4 (129). – С. 86-91.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
заведующий научно-исследовательским отделом
Санкт-Петербургской академии Следственного
комитета Российской Федерации, доктор
юридических наук, профессор, академик РАЕН
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: docantonov@yandex.ru

АНТОНОВА Любовь Григорьевна,
судья Сосновоборского городского суда Ленин-
градской области (г. Сосновый Бор, Ленин-
градская область, Россия)
E-mail: docantonov@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятель-
ность; прокурорская деятельность, правоза-
щитная и правоохранительная деятельность

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА И НРАВСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СУДЬИ

***Аннотация.** В рамках проводимого исследования хода реализации положений Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 года акцентируется внимание на современную роль суда в демократическом правовом государстве и на главную цель суда – обеспечение верховенства права в российском государстве; описываются достижения проводимых преобразований судебной системы в целом и уголовной юстиции, в частности; определяются проблемы, связанные с реализацией принципа независимости судей и гарантиями самостоятельности судебной власти, особенно в части назначения на должности мировых судей и организации их работы; рассматривается высокий уровень нравственно-правовой культуры в качестве основного требования к судье.*

***Ключевые слова:** суд; судебная власть; личность судьи; суд присяжных; механизм государства; независимость судей; мировой судья; нравственно-правовая культура.*

**ANTONOV I.A.
ANTONOVA L.G.**

JUDICIAL POWER IN THE MECHANISM OF THE STATE AND MORAL AND LEGAL CULTURE OF THE JUDGE

***The summary.** In the ongoing study of the implementation of the provisions of the Concept of judicial reform in the RSFSR, 1991, the article focuses on the contemporary role of the court in a democratic state of law and the main goal of the court is to ensure the rule of law in the Russian state; discusses the achievements of the ongoing reforms of the judicial system in General and criminal justice in particular; the problems associated with the implementation of the principle of independence*

of judges and guarantees of independence of the judiciary, especially in terms of appointment to the posts of justices of the peace and the organization of their work, are identified; a high level of moral and legal culture is considered as the main requirement for a judge.

Key words: *court; judicial power; personality of a judge; jury trial; mechanism of the state; independence of judges; justice of the peace; moral and legal culture.*

Сущность государства определяет его механизм, то есть система государственных институтов и организаций. Центральное место в механизме государства принадлежит государственному аппарату, структура которого обычно представляется тремя основными группами государственных органов:

- а) органы законодательной власти;
- б) органы исполнительной власти;
- в) судебные органы.

Как на это указывает ст. 10 Конституции РФ, государственная власть в Российской Федерации, осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную [1].

Главной задачей всей системы органов государства выступает обеспечение нормальной жизнедеятельности общества, защита прав и законных интересов личности, охрана территориальной целостности государства, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. В этом и состоит значимость государства, по мнению Ф.М. Достоевского, не только как механизма, а прежде всего как воплощение высшей нравственной идеи, выражающей ценности и идеалы народа [26].

При этом органы законодательной, исполнительной и судебной власти должны быть самостоятельными, что выступает надежной гарантией действенности системы сдержек и противовесов, которая обеспечивает существование демократического правового государства (основанного на принципе разделения и взаимодействия властей), гармоничного преодоления возникающих противоречий на основе закона и справедливости. Закон, право и справедливость исторически обязаны шагать вместе для реализации высшей нравственной идеи государства [17; 18; 19; 20; 21; 27; 28; 29].

В свою очередь, существование самостоятельной, независимой и сильной судебной власти в стране определяет качественные

характеристики всей государственной власти. От нее во многом зависит верховенство права и реализация тех идей и принципов, которые заложены в основу гражданского общества: именно сильная, независимая и самостоятельная судебная власть определяет легитимность и демократический характер власти в государстве, обеспечивает равенство всех перед законом, создает условия правовой защищенности личности.

И чтобы названные цели были достигнуты, требуется добиться действенности двух важных факторов: во-первых, должны быть созданы надежные правовые гарантии самостоятельности и независимости судебной власти; во-вторых, сами судьи должны олицетворять собой образ высоконравственного профессионала. Именно на них мы и остановимся в ходе дальнейшего повествования.

Первоначально отметим, что на рубеже 1980-х – 1990-х годов в период глубоких преобразований российской государственности, основное внимание при разработке новой политико-правовой доктрины требовалось уделить именно развитию судебной системы. В условиях политической нестабильности возникло чрезмерно большое количество проблем законодательного характера. В связи с чем, группа экспертов (депутатов, ученых, судей) разработала Концепцию судебной реформы, которая была утверждена постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 [11], чтобы определить основные идеи и направления развития судебной и в целом правоохранительной системы государства [12; 13; 14; 16].

Среди главных задач судебной реформы в Концепции было провозглашено утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной, создание условий для верховенства суда в правоохранительной

деятельности, примата юстиции над администрацией, предпосылок для превращения чиновника юстиции из функционера в личность с независимым правовым и социальным статусом.

В итоге реформ на арену общественной жизни должен выйти независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предубеждений суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призванный выполнять в государстве ту же роль, что совесть у человека.

По результатам проведенных реформ сегодня уже можно подвести определенную черту, назвав наиболее значимые результаты, учитывая, однако то, что разные направления реформирования реализуются различными способами и средствами, для их полного воплощения в законодательстве и реализации в правоприменительной практике необходимо различное время. Так, например, на законодательном уровне закрепить независимость и самостоятельность судебной власти гораздо проще, нежели обеспечить действенность этих норм, создать реальные условия для повышения авторитета судебных органов. Соответственно, некоторые направления судебно-правовой реформы имеют и будут иметь длительное время актуальное значение и определять ее содержание. Поэтому чрезвычайно важно периодически подводить как положительные, так и отрицательные итоги реформ и планировать решение поставленных задач в будущем.

Итак, основные концептуальные положения совершенно обоснованно нашли свое отражение уже в Конституции РФ в 1993 году и далее в законодательстве о судебной системе и в отраслевом законодательстве (например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года [2]).

Определяя место органов правосудия в государственном механизме, судебная власть в Конституции РФ провозглашена в качестве самостоятельной ветви власти. Конституция РФ признает за органами судебной власти право действовать самостоятельно и независимо от других ветвей власти (ст. 10); прямо указывает, что суды Российской Федерации осуществляют именно государственную власть (ст. 11).

В отдельной главе «Судебная власть и прокуратура» (гл. 7) Конституция РФ определяет место судебной власти среди других ветвей государственной власти, обозначает ее основные

функции и формы реализации, раскрывает гарантии независимости судей.

Вместе с тем, с реализацией принципа независимости судей и самостоятельностью судебной власти имеются проблемы. Обозначим лишь некоторые из них.

Одна из проблем связана с системой формирования судейского корпуса, а именно – с назначением на должности мировых судей.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях Российской Федерации» [5] мировые судьи назначаются на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, что вступает в противоречие с принципом независимости судей и самостоятельностью судебной власти, особенно, учитывая известные факты злоупотребления депутатами своими полномочиями.

В этом отношении нельзя не отметить и зависимость мировых судей от органов законодательной и исполнительной власти субъекта Российской Федерации при финансовом и материально-техническом обеспечении деятельности судебного участка, при формировании кадрового аппарата мирового судьи (помощник, секретарь судебного заседания, секретарь суда), определении его количественного состава и при оплате его работы. Давление на судью может осуществляться по каждому из указанных вопросов.

Напомним, что Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе» [4] в соответствии с принципами федерализма определена следующая система судов: федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 4).

Здесь подчеркнем, что мировые судьи являются судьями общей юрисдикции и входят в единую судебную систему. Мировые судьи осуществляют правосудие именем Российской Федерации. Реализация концептуальных положений и создание необходимой нормативной базы позволили сегодня организовать эффективное функционирование мировой юстиции. И для единства судебной системы, единства статуса судей и их независимости, должен быть единый порядок назначения судей федерального

и регионального уровня.

Кроме того, применительно к рассматриваемому вопросу, следует обратить внимание на противоречие законодательства о судебной системе, которое должно быть устранено, ведь соблюдение установленного законом порядка образования судебного органа является условием его легитимности.

Так, создание судебной системы как организационной структуры судебной власти Конституция РФ относит к исключительной компетенции Российской Федерации. Согласно п. «г» ст. 71 Конституции РФ к ведению Российской Федерации отнесено установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности. В сферу компетенции Российской Федерации входит также судоустройство (п. «о» ст. 71), понимаемое не только как совокупность законодательных актов, регулирующих образование, организацию и деятельность судов, непосредственно осуществляющих правосудие, но и как сложная система правовых и организационных институтов, обеспечивающих деятельность судов.

Законом о судебной системе дополнительно раскрывается специальный законодательный порядок создания и упразднения судов как государственных органов судебной власти (ст. 17). Так, высшие судебные органы – Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ – создаются в соответствии с Конституцией РФ и могут быть упразднены только путем внесения в нее поправок. Другие федеральные суды создаются и упраздняются только федеральным законом (например, Федеральным законом от 01.03.2020 № 36-ФЗ «О создании межрайонных, районных судов Тульской области, об упразднении некоторых районных, городских судов Тульской области и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых межрайонных судов Тульской области» десять районных судов упразднены с одновременной передачей относящихся к их ведению вопросов осуществления правосудия в юрисдикцию вновь созданных межрайонных и других районных судов области) [10].

Дополнительно в п. «л» ст. 72 Конституции РФ закреплено, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся кадры судебных органов, действующих в пределах соответствующих субъектов Российской

Федерации.

И здесь требуется акцентировать внимание на отдельные положения федерального законодательства и разъяснить их. Так, согласно ч. 2 ст. 17 Закона о судебной системе должности мировых судей субъектов Российской Федерации создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, в ст. 1 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях Российской Федерации» указано, что полномочия, порядок деятельности мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются Конституцией РФ и федеральным законодательством, а вот порядок назначения (избрания) и деятельности мировых судей уже устанавливается законами субъектов Российской Федерации. При этом Закон о мировых судьях более точно отражает существующее положение, что подтверждается и Федеральным законом от 29.12.1999 № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах РФ» [6], которым определяется число мировых судей и соответствующее ему количество судебных участков в субъектах Российской Федерации: Республика Адыгея (Адыгея) – 24; Республика Коми – 60; Алтайский край – 143; Забайкальский край – 68; Белгородская область – 80; Калининградская область – 48; Ленинградская область – 87; Московская область – 334; Москва – 438, Санкт-Петербург – 211, Севастополь – 21 и т.д. Часть 5 ст. 3 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ» [8] дополнительно разъясняет, что общая численность мировых судей и количество судебных участков субъекта Российской Федерации определяются по законодательной инициативе соответствующего субъекта Российской Федерации, согласованной с Верховным Судом РФ, но устанавливаются федеральным законом, то есть на федеральном уровне. Однако, для повышения уровня гарантий подлинной независимости мировой юстиции от местных органов власти требуется внесение изменений в законодательство, в частности, во-первых, единообразного формирования судебного корпуса (в судебной системе, обеспечивающей верховенство права на всей территории нашей страны, не должно быть двойных стандартов и мировые судьи должны назначаться в том же порядке, как и судьи районных судов);

во-вторых, количество судебных участков в том или ином субъекте Российской Федерации должен определять самостоятельно Верховный Суд РФ и по его инициативе, основанной на изучении вопроса об изменении численности населения в регионах, на анализе нагрузки судей и прочих важных аспектов судейской работы, должны вноситься изменения в федеральное законодательство (не должны эти вопросы зависеть от мнения региональных властей, а также от бюджета субъекта Российской Федерации, на котором и основывается указанное мнение); в-третьих, материальное обеспечение, формирование аппарата суда и иные вопросы должны решаться в едином порядке (чтобы исключить существующую сегодня систему, когда происходит отток помощников судей и секретарей судебного заседания из районных судов к мировым судьям, обусловленный лучшим финансированием аппарата мировых судей).

Рассматриваемое концептуальное положение о независимости судей требует дополнительного раскрытия и обеспечения реализации, в том числе и в процессуальном законодательстве.

В частности, положения ст. 8.1 УПК РФ о независимости судей выступают лишь в качестве декларации. Указание на то, что при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону; что судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них, а вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность, не исключает возможности давления на судью, в том числе в описанных выше и иных формах. В свою очередь, право судей размещать информацию о внепроцессуальных обращениях к ним на официальном сайте суда в сети «Интернет», во-первых, не гарантирует их независимость, да и безопасность, а, во-вторых, не обязывает органы прокуратуры и иные правоохранительные органы отреагировать на факт воздействия на судью.

Далее отметим, что судебные органы занимают в государственном механизме особое положение, определяемое специфичностью выполняемых ими функций и характером деятельности

по охране прав и свобод граждан.

Во исполнение реализации концептуальных положений в Конституции РФ была подчеркнута особая роль суда в охране прав и свобод личности. Так, согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием.

Закрепляя права и свободы личности, Конституция РФ рассматривает суд в качестве гарантии защиты от незаконного и необоснованного их ограничения (в свою очередь, отраслевое законодательство, например, УПК РФ раскрывает и дополняет гарантии судебной охраны прав и свобод личности): арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ст. 22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ); ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ст. 23 Конституции РФ), как и наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 13 УПК РФ); никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25 Конституции РФ), в том числе для осмотра жилища, производства обыска и осмотра в жилище (ст. 12 УПК РФ); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ст. 35 Конституции РФ) и только суд правомочен в ходе досудебного производства принимать решение о наложении ареста на имущество (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). В свою очередь, суд выступает гарантом реализации конституционной нормы о том, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 21 Конституции РФ), в том числе в процессе судопроизводства государство гарантирует гражданам ограждение от любых форм насилия (ст. 9, 11, 164 УПК РФ).

Государство предоставляет именно суду и только суду право признать лицо виновным в

совершении преступления и применить к нему меры уголовного наказания. Согласно ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. А при оценке доказательств судья оценивает их по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

При этом никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, а обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. В этой связи отметим, что в Концепции судебной реформы рекомендовалось признать право гражданина на рассмотрение его дела судом присяжных, если ему грозит наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Вместе с тем, при принятии УПК РФ в 2001 году рассмотрение дела с участием присяжных заседателей было гарантировано для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, уголовные дела о которых подсудны суду уровня субъекта Российской Федерации. В 2016 году в УПК РФ были внесены изменения (Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ [9]), предусматривающие введение суда присяжных в судах районного уровня (судья и коллегия из шести присяжных заседателей). Однако категория уголовных дел осталась без изменений.

Судебная защита прав и свобод в Российской Федерации гарантируется каждому. Любые решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Решения органов судебной власти, требования и распоряжения судей подлежат безусловному исполнению. Неисполнение требований и распоряжений судей, проявление неуважения к суду или к судьям обязательно должны влечь установленную законом ответственность.

При этом поставленные перед судебной системой задачи могут быть решены только при условии назначения на должности судей лиц, соответствующих высоким профессиональным,

нравственным и иным требованиям, касающимся образовательного уровня, практического опыта и др. В этой связи закон устанавливает требование о неукоснительном соблюдении судьей законности в своей деятельности, а также требует, чтобы судья при исполнении своих полномочий и во внеслужебных отношениях избегал всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Судья должен соблюдать целый ряд запретов, установленных ст. 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3131-1 «О статусе судей» [3].

Поэтому наделению судей их полномочиями предшествует длительная и детально определенная законом деятельность по отбору кандидатов на судебные должности, проверка их соответствия предъявляемым требованиям. При этом особое внимание должно быть уделено не только профессиональным качествам, но, более того, нравственно-правовой социализации личности, уровню правовой культуры [15; 23; 25]. Конечно, это сразу определить достаточно сложно, но особенно важно. Ведь общество и государство, каждая отдельная личность ждет от судьи справедливого, беспристрастного, обоснованного решения. Как совершенно верно подчеркивает А.Ф. Кони: «Напряжение душевных сил судьи для отыскания истины в деле есть исполнение поручения государства, которое, уповаю на спокойное беспристрастие его тяжелого подчас труда, вверяет ему частицу своей власти. Поэтому оно ждет от судьи обдуманного приговора, а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом... Судья, решая дело, должен говорить: «Я не могу иначе». Не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть, как судьи и человека» [22, стр. 83].

Просвещенной юридической общественности хорошо известно, что А.Ф. Кони был тем человеком, чей «государственный опыт и демократическая гражданская позиция» всегда «проявлялись как образец именно служения не лицам, не себе, а делу» [24, стр. 7].

Для поддержания должного доверия граждан к судебной системе и преодоления правового нигилизма в стране Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к

информации о деятельности судов в Российской Федерации» [7] введены необходимые процедуры доступа к информации о деятельности судов, что позволяет получить более четкое представление о работе судов, о проблемах в законодательстве и судебной практике.

И в завершение отметим, что только самостоятельная судебная власть, независимые и беспристрастные, высоконравственные и справедливые судьи обеспечат верховенство права и правды в российском государстве. Может быть это идеал, но к нему надо стремиться.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М., 2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020). – М., 2020.
3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 31.07.2020) // О статусе судей в Российской Федерации // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
5. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.
6. Федеральный закон от 29.12.1999 № 218-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. № 1 – (часть I). – Ст. 1.
7. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 06.03.2019) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
9. Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3859.
10. Федеральный закон от 01.03.2020 № 36-ФЗ «О создании межрайонных, районных судов Тульской области, об упразднении некоторых районных, городских судов Тульской области и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых межрайонных судов Тульской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 9. – Ст. 1128.
11. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.
12. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 97-101.
13. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 67-71.
14. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 192 с.
15. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С 52-58.
16. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 176 с.
17. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.

18. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Интуитивное познание справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 118-125.
20. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
21. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Этико-правовая интуиция в познании права и справедливости // Правовое поле современной экономики. – 2018. – № 12. – С. 135-145.
22. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула, – 2000. – 640 с.
23. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
24. Сальников В.П., Иванов В.А. «...И всегда служил не лицам, и не себе, а делу»: Вступительная статья // А.Ф. Кони. Избранные произведения. В 3-х томах. Том. 1. Воспоминания / Вступительная статья В.П. Сальникова и В.А. Иванова. – СПб.: Лексикон; Фонд «Университет», 2001. – С. 5-7. – в кн. 287 с. – (Серия: «Сокровищница российской юриспруденции»).
25. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
26. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 163-180.
27. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
28. Экимов А.И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 2(307). – С. 51-61.
29. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.

ПОГОРЕЛОВА Галина Матвеевна,

профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: gala2006@yandex.ru

СЕМЕНОВА Ирина Владимировна,

преподаватель кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: 9053202867@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ, НЫНЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕЕСТР УЧАСТНИКОВ НАКОПИТЕЛЬНОЙ ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

***Аннотация.** Рассмотрены вопросы порядка формирования и ведения реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации. В частности, проблема включения в реестр накопительно-ипотечной системы военнослужащего, призванного на военную службу с запаса, который призвался на военную службу из других структур и ведомств и заключил контракт ранее февраля 2019 года и когда присвоено воинское звание на одну ступень выше, имеющегося у него специального звания полиции.*

***Ключевые слова:** реестр; участник накопительно-ипотечной системы (НИС); сотрудник; военнослужащий; жилищное обеспечение.*

POGORELOVA G.M.

SEMYONOVA I.V.

SOME FEATURES ENABLE STAFF, NOW SOLDIERS OF REGARDIE IN THE REGISTER OF PARTICIPANTS OF THE ACCUMULATIVE MORTGAGE SYSTEM

***The summary.** The article discusses the procedure for forming and maintaining the register of participants in the accumulative mortgage system of housing for military personnel (employees) of the national guard of the Russian Federation. In particular, the problem of inclusion in the register of accumulative mortgage system of a soldier called up for military service with a reserve that was called up for military service from other agencies and has signed a contract until February 2019, and when promoted to the rank one step higher, existing special ranks of police.*

***Key words:** register; NIS participant; employee; military man; housing provision.*

В соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Федеральный закон 117-ФЗ) [4], пунктом 2 постановления Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2005 г. № 89 «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих Министерством обороны Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба» [9], пунктом 22 Правил использования накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих [10], пунктом 11 постановления Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2005 г. № 686 «Об утверждении Правил выплаты участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих или членам их семей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения» [11], абзацем четвертым пункта 4 и пунктом 5 постановления Правительства Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 370 «О порядке ипотечного кредитования участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» [12] Директором Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующим войсками национальной гвардии Российской Федерации утвержден Порядок реализации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в войсках национальной гвардии Российской Федерации [14], в соответствие с которым формируется и ведется реестр участников накопительно-ипотечной системы (далее – НИС) жилищного обеспечения военнослужащих (далее – реестр).

Несмотря на то, что реорганизация внутренних войск Российской Федерации была завершена в 2016 году по настоящий день еще много остается открытых и невыясненных вопросов в связи с созданием Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации или войск национальной гвардии Российской Федерации [18; 21; 28]. Пройдет не один год, прежде чем начнут работу в полную силу все нормативные правовые акты, регулирующие деятельность, социальное обеспечение и

гарантии военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации [8; 15; 26; 27; 29; 31].

Войска национальной гвардии Российской Федерации создавались для повышения эффективности деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), чтобы разгрузить его по должностным и функциональным обязанностям, а также с целью рационального использования финансовых средств силовых ведомств. С появлением нового федерального органа исполнительной власти не пришлось заново набирать кадры, все строилось на основе Внутренних войск МВД РФ, а также подразделений вневедомственной охраны, лицензионно-разрешительной системы и иных подразделений. Следует отметить, что хотя теперь и существует единый орган исполнительной власти и в его состав продолжают входить, как военнослужащие, имеющие воинские звания, так и сотрудники органов, имеющие специальные звания полиции, социальные гарантии разнятся [5; 16; 17; 19; 20; 22; 23; 24; 25; 30].

Нас интересуют детали накопительной ипотечной системы, которая распространяется на военнослужащих, в рамках программы по обеспечению жильем военнослужащих.

На сегодня существует проблема включения в реестр накопительной ипотечной системы военнослужащего, призванного на военную службу с запаса, который призвался на военную службу из других структур и ведомств и заключил контракт ранее февраля 2019 года. В частности, случай, когда присвоено воинское звание на одну ступень выше, имеющегося у него специального звания полиции.

Еще совсем недавно до февраля 2019 года действовал порядок перехода из ведомства в ведомство только через приказ об увольнении. И сотруднику, изъявившему желание призваться на военную службу, необходимо было заново проходить всю процедуру трудоустройства в силовые структуры: медкомиссии, различного рода проверки отдела собственной безопасности и иных служб.

Так сотрудник, получивший наконец то, положительный ответ по новой вакантной должности, совсем не задумывается о последствиях его перехода в новый статус, особенно если должность имеет выше тарифный разряд и звание по

отношению с ранее занимаемой должностью. Вопрос стоит о порядке внесения в Реестр участников НИС, для тех, кому при переаттестации было отказано. Например, сотрудник, который проходил службу в МВД РФ (лицензионно-разрешительном отделе), поступил на военную службу по контракту, с присвоением воинского (специального) очередного звания старшего офицера, за тем которое было ему присвоено, поскольку ВУС, выслуга лет и воинская должность позволяли это. Однако при письменном обращении о включении в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, получил отказ от Департамента строительства Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в постановке на учет, ссылаясь на то, что при поступлении лица на военную службу по контракту первое воинское звание для офицеров «лейтенант, младший лейтенант» не присваивалось. Кроме того, не присваивалось ему и воинское звание в порядке переаттестации, равное его специальному званию полиции. При этом в период поступления на военную службу законодательством была предусмотрена процедура присвоения первого воинского звания лейтенант, а в последующем присваивалось воинское звание в порядке переаттестации (аттестации), равное специальному званию. Так, по 08 категории (офицерский состав), основанием для включения является присвоение первого воинского звания. В силу п. 1 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года [7], первыми воинскими званиями для состава офицера являются младший лейтенант и лейтенант. А военнослужащему было в порядке переаттестации присвоено воинское звание очередное.

Следует отметить, что, при назначении военнослужащего на высшую воинскую должность (должность) одновременно, а при невозможности одновременного оформления – со дня назначения на высшую воинскую должность (должность), ему присваивается очередное воинское звание, если истек срок его службы в предыдущем воинском звании, при условии, что для этой воинской должности (должности) штатом предусмотрено воинское звание, равное или более высокое, чем воинское звание, присваиваемое военнослужащему [7].

При этом воинское звание высшего офицера присваивается с учетом требований п. 3 ст. 21 (воинское звание высшего офицера может быть присвоено военнослужащему по истечении не менее двух лет его военной службы в предыдущем воинском звании и не менее одного года в занимаемой воинской должности (должности), подлежащей замещению высшими офицерами) [7].

Проведенный анализ законодательства и позволил определить нормы, которые регулируют вопрос включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих сотрудников, пришедших на военную службу.

В соответствии с положениями ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища [1].

По смыслу ст. 59 и п. «т» ст. 71 Конституции Российской Федерации военная служба представляет собой особый вид Федеральной государственной службы, что обуславливает и правовой статус военнослужащих, выражающийся, в частности, в особом порядке реализации их конституционного права на жилище, которое осуществляется на основе, как общего, так и специального законодательства и по специальным правилам [1; 3].

Реализуя вышеуказанные полномочия в рамках специального правового регулирования, законодатель в Федеральном законе от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [3] установил основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, предусмотрев механизм реализации ими права на жилище и определив источники и формы обеспечения их жильем.

Согласно пунктам 1 и 15 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы [3], условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [4].

В силу п. 8 ч. 2 Федерального закона № 117-ФЗ основанием для включения военнослужащего

федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в реестр участников является: для военнослужащих, не имеющих воинского звания офицера и получивших первое воинское звание офицера в связи с поступлением на военную службу по контракту на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера, начиная с 1 января 2008 года, – получение первого воинского звания офицера [4].

В соответствии п. 1 ч. 3 ст. 44 Федерального закона от 3 июля 2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6] лица, имеющие специальные звания, переведенные в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации из органов внутренних дел, могут быть приняты на военную службу в войска национальной гвардии Российской Федерации и с ними может быть заключен контракт о прохождении военной службы при условии, что эти лица соответствуют требованиям, предъявляемым к гражданам, поступающим на военную службу по контракту, и не достигли возраста 50 лет – лица, имеющие специальное звание до подполковника полиции.

В силу п. 1 и 2 ч. 4 ст. 44 указанного Федерального закона лицам, указанным в ч. 3 ст. 44, при поступлении на военную службу по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации: присваиваются воинские звания, соответствующие специальным званиям; сроки пребывания в специальных званиях засчитываются при присвоении очередных воинских званий [6].

Согласно п. 1 ст. 47 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [2] воинские звания военнослужащим присваиваются до подполковника или капитана 1 ранга включительно должностными лицами в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы [7].

Пунктом 6 статьи 47 определено, что при

поступлении на военную службу гражданина, проходящего либо проходившего службу в органах внутренних дел, органах прокуратуры Российской Федерации, Следственном комитете Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы или иных правоохранительных органах и имеющего специальное звание (классный чин прокурорского работника), воинское звание ему присваивается в порядке, определенном Положением о порядке прохождения военной службы [7].

Статья 21 Положения о порядке прохождения военной службы, определяет порядок присвоения первого воинского звания [7].

Согласно подп. «а» п. 1 ст. 21 названного Положения первыми воинскими званиями считаются: для состава «офицеры» – младший лейтенант, лейтенант [7].

Вместе с тем, из п. 7 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы, следует, что при поступлении на военную службу гражданина, проходящего или проходившего службу в органах внутренних дел Российской Федерации, иных правоохранительных органах, органах прокуратуры Российской Федерации, Следственном комитете Российской Федерации или в федеральной противопожарной службе и имеющего специальное звание (классный чин прокурорского работника), ему может быть присвоено воинское звание, равное его специальному званию (классному чину прокурорского работника), в порядке переаттестации (аттестации), определяемой руководителем федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в котором предусмотрена военная служба [7].

Порядок присвоения очередного воинского звания, определен ст. 22 Положения о порядке прохождения военной службы, из п. 1 которого, следует, что очередное воинское звание присваивается военнослужащему в день истечения срока его военной службы в предыдущем воинском звании, если он занимает воинскую должность (должность), для которой штатом предусмотрено воинское звание, равное или более высокое, чем воинское звание, присваиваемое военнослужащему [7].

Из анализа указанных норм следует, что первое офицерское воинское звание, может быть

также присвоено гражданину, проходившего службу в органах внутренних дел Российской Федерации в порядке переаттестации (аттестации) равное его специальному званию. Согласно действующей в то время редакции п. 1 ч. 4 ст. 44 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» лицам, указанным в части 3 статьи 44, при назначении на воинские должности: присваиваются воинские звания, соответствующие специальным званиям, независимо от занимаемых воинских должностей и без проведения переаттестации (аттестации). Присвоенные воинские звания считаются первыми воинскими званиями [6].

Таким образом, когда присвоено воинское звание на одну ступень выше, имеющегося у него специального звания полиции военнослужащего обязаны включить в реестр участников НИС [4; 9].

В настоящее время для граждан, проходящих службу в МВД РФ, заключивших контракт до 5 апреля 2016 года, предусматривается упрощенный порядок, теперь уже перевода в войска национальной гвардии Российской Федерации. На них продолжают распространяться условия ранее заключенного контракта о прохождении военной службы. Для них не предусматривается переназначения и переаттестация. За ними сохраняются на установленный законом срок, все звания, которые были получены в результате пройденных квалификационных испытаний.

Для тех военнослужащих, которые еще не были включены в реестр НИС, следует определиться с тем, относятся ли они к той категории, которая имеет право претендовать на получения

данных благ от государства. Военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и сотрудники органов внутренних дел, проходившие военную службу (службу) по контракту до 5 апреля 2016 года, а также граждане Российской Федерации, принятые на военную службу (службу) после указанной даты до утверждения штатов соответствующих органов управления, объединений, соединений, воинских частей, подразделений (органов), военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии, продолжают проходить военную службу (службу) в войсках национальной гвардии в соответствии с условиями ранее заключенных контрактов о прохождении военной службы (службы) без переаттестации и переназначения. Таким военнослужащим (сотрудникам) сохраняются воинские (специальные) звания, а также ранее присвоенная классная квалификация (квалификационная категория, квалификационный класс, квалификационные звания) на срок, на который она была присвоена [5].

В соответствии с пунктом 7 статьи 21 Положения при поступлении на военную службу по контракту гражданину, проходившего или проходившего службу в органах внутренних дел Российской Федерации, иных правоохранительных органах, органах прокуратуры Российской Федерации, Следственном комитете Российской Федерации или федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и имеющего специальное звание (классный чин прокурорского работника) [7], может быть присвоено в порядке переаттестации (аттестации) воинское звание, равное его специальному званию (классному чину прокурорского работника), но не выше воинского звания, предусмотренного штатом для воинской должности, на которую назначается гражданин [13].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2020.
2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (изм. от 15.10.2020) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998 г. – № 13 – Ст. 1475.
3. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ с изм. от 31.07.20) «О статусе военнослужащих» // Собрание

- законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 22 Ст. 2331.
4. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3532.
 5. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 29.07.2018 № 264-ФЗ, от 31.07.2020 № 276-ФЗ) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
 6. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ (изм. от 20.07.2020) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4160..
 7. Указ Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в ред. от 6.10.2020 № 616) «Вопросы прохождения военной службы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 38.- Ст. 4534.
 8. Указ Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 41. – Ст. 5802.
 9. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2005 г. № 89 «Об утверждении правил формирования и ведения реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих Министерством обороны Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2005. – № 9. – Ст. 720.
 10. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2005 г. № 655 «О порядке функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих», утвердивших «Правила использования накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 46. – Ст. 4671; 2017. – № 2. – Ст. 368.
 11. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2005 г. № 686 «Об утверждении Правил выплаты участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих или членам их семей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 47. – ст. 4940; 2017. – № 2. – Ст. 368.
 12. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 370 «О порядке ипотечного кредитования участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 46. – Ст. 4671; 2006. – № 44. – т. 4590.
 13. Приказ Главного управления специальных программ Президента РФ от 8 февраля 2019 г. № 27 «Об утверждении Порядка присвоения первых воинских званий отдельным категориям военнослужащих, граждан при поступлении на военную службу в Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации» // <https://cdnimg.rg.ru/pril/166/30/99/53935.pdf>
 14. Приказ Росгвардии от 14.03.2017 № 79 (ред. от 20.05.2019) «Об утверждении Порядка реализации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации» // <https://rosguard.gov.ru/ru/Documents/article/prikaz-federalnoj-sluzhby-vojsk-nacionalnoj-gvardii-rossijskoj-federacii-ot-14032017--79>
 15. Сальников В.П. Кондрат Е.Н., Борисов О.С Проблемы содействия войскам национальной гвардии в выполнении возложенных на них задач, обеспечение полетов воздушных судов войск национальной гвардии // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 142-148.
 16. Сальников В.П. Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия и общие полномочия войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 140-152.
 17. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
 18. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С Войска национальной гвардии современной России и их предназначение // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 130-145.
 19. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии: руководство, управление, дислокация // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 122-129.
 20. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Военная служба в войсках национальной гвардии, комплектование и подготовка кадров для войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 125-136.
 21. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии Российской Федерации – начало большого пути // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 121-125.
 22. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи:

- участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 157-163.
23. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 133-142.
24. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 144-161.
25. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и порядок выполнения ими возложенных на них задач // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 93-103.
26. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 147-153.
27. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Право и порядок применения физической силы, спецсредств, оружия, боевой и специальной техники военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 117-125.
28. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Правовая основа и принципы деятельности войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 136-149.
29. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Применение военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии физической силы и специальных средств // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 142-150.
30. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Прокурорский надзор за деятельностью войск национальной гвардии и заключительные положения // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 128-136.
31. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Специальные полномочия войск национальной гвардии: задержание, вскрытие транспортного средства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 148-155.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент
(г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

МИЛЬКЕВИЧ Наталья Дмитриевна,
советник руководителя Экспертного центра «Национальной безопасности» (г. Воронеж, Россия)
E-mail: Charly22@inbox.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА КАК ФРОНТ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация.** Рассматривается гибридная война против развитых стран Западной Европы, в которой субъектом агрессии являются не вооруженные силы иностранных государств, а многочисленные потоки мигрантов и беженцев из стран Азии и Африки. Отмечается, что руководство Евросоюза создает оптимальные организационные предпосылки для продвижения и размещения агрессора, отодвигая при этом интересы коренного населения. При этом мигранты не ассимилируются, не принимают европейских норм, ценностей и образа жизни, разрушая организационно-политическое влияние органов государственной власти на новое население государства. Формулируется вывод о том, что Европа в ее нынешнем виде в ближайшее время может быть уничтожена, и в данной ситуации России необходимо исследовать механизмы гибридных войн и выработать собственные меры защиты национальной безопасности.*

Редакция не во всем согласна с мнением авторов данной статьи.

***Ключевые слова:** гибридная война; Западная Европа; мигранты; агрессоры; террористические организации; национальная безопасность.*

LITVINOV N.D.
SAL'NIKOV M.V.
MILKEVICH N.D.

WESTERN EUROPE AS A FRONT FOR HYBRID WARFARE

The summary. A hybrid war against the developed countries of Western Europe is considered, in which the subject of aggression is not the armed forces of foreign states, but numerous flows of migrants and refugees from Asian and African countries. It is noted that the leadership of the European Union creates optimal organizational prerequisites for the advancement and deployment of the aggressor, while pushing aside the interests of the indigenous population. At the same time, migrants do not assimilate, do not accept European norms, values and lifestyles, destroying the organizational and political influence of state authorities on the new population of the state. The conclusion is made that Europe in its current form may be destroyed in the near future, and in this situation Russia needs to investigate the mechanisms of hybrid wars and develop its own measures to protect national security.

The editors do not in all agree with the opinion of the authors of this article.

Key words: hybrid war; Western Europe; migrants; aggressors; terrorist organizations; National security.

Западная Европа считается богатейшим и красивейшим регионом мира, основу которому заложили государства и цивилизации Древней Греции, Древнего Рима и др. Западная Европа – колыбель капитализма; научных, культурных, промышленных достижений. На территории Европы существуют: крупные, маленькие, менее крупные и карликовые государства, которые находятся на разном уровне экономического развития. Основная часть государств являются экономически развитыми, и состоят членами Европейского Союза.

На протяжении веков государства Европы активно воевали между собой. Войны сопровождались уничтожением военнослужащих и гражданского населения, разрушением среды обитания. И всякий раз Европа восстанавливалась: демографически и экономически.

В XVII веке воевали: Франция, Австрия, Испания, Голландия, Швеция, Дания, Бранденбург и др. Общие потери Европы в междоусобных битвах составили примерно 2 млн. человек. В XVIII веке в Европе происходили: Северная война, война за испанское наследство; семилетняя война, другие войны. Воевали: Франция, Австрия, Немецкие государства, Англия и Ирландия, Испания, Турция, Швеция, Голландия, Итальянские государства, Польша, Дания, Португалия, Швейцария. Общие потери в живой силе составила 5 млн. 200 тысяч убитыми и ранеными. В XIX веке были: наполеоновские войны;

пруско-датская война; австро-сардинская война; Крымская война; австро-итало-французская война; австро-пруско-датская война; австро-прусская война; франко-прусская война. Были национально-освободительные и гражданские войны [76, стр. 51-75]. Были многочисленные колониальные войны, проходившие за пределами Европы.

В XX веке, преимущественно на территории Европы, прошли разрушительные Первая и Вторая мировая войны, сопровождавшиеся десятками миллионов убитых, раненных, уничтожением среды обитания половины Европы.

В последнее время в многочисленных зарубежных и российских изданиях все чаще звучит мысль, что Западная Европа, в ее нынешнем виде, находится в стадии ликвидации. На протяжении веков захват иных государств осуществлялся вооруженными силами государства агрессора. Захватывалась территория, громилась армия, уничтожалось население. Уцелевшие работали на победителя.

Таким образом, любая война – это вооруженные силы государства – агрессора; это вооруженные силы государства, объекта нападения; это территория битв; это победы и поражения; это захват территории побежденного государства и его населения; накладывание контрибуции и пр. Несмотря на ужасные последствия, о войнах пишут и как об искусстве [42; 75].

В современных условиях полномасштабная

война с применением имеющегося арсенала вооруженных сил и вооружений невозможна. Победителя в такой войне не будет. А уцелевшему нечем будет воспользоваться.

Затевать такую войну с Западной Европой никто не будет. Западная Европа объединяет множество государств, обладающих своими вооруженными силами и блоком НАТО, имеющая новейшие виды вооружений.

Тем не менее, по мнению экспертов, в ближайшее время нынешняя Европа может быть уничтожена. Ибо против самой Европы, против ее многочисленных суверенных государств уже развернута полномасштабная война. При этом используется совершенно новая тактика «войны» и совершенно новый вид «силовых подразделений» агрессора. Субъектом агрессии являются не вооруженные силы иностранных государств, а многочисленные потоки «мигрантов и беженцев» из стран Азии и Африки. Тактика их использования для разрушения государств напоминает принцип вакуумных бомб (боеприпасы объемного взрыва): после взрыва бомбы взрывчатка – высококалорийное жидкое топливо, окись этилена – «проникает в окопы и другие места, недоступные для традиционных видов боеприпасов», заполняет пустоты помещений или местности, а затем подрывается, выжигая все изнутри [9; 10].

В теории военного искусства новый вид военных действий с использованием «гражданского агрессора», в том числе мигрантов, называется гибридной войной. По мнению экспертов, «гибридная война – это однозначно вид враждебных действий, при котором нападающая сторона маскирует свою агрессию: условно скрытые операции спецслужб и сил специального назначения, кибератаки, достаточно открытая поддержка оппозиции и повстанцев на территории противника с последующим, на последнем этапе, привлечением собственных вооруженных сил» [25]. Против Европы ведется именно расовая гибридная война. В этой форме войны в нынешней Европе есть ряд особенностей.

На стороне агрессора, соучастником гибридной войны против Европы, выступает руководство самой Европы в лице Евросоюза. То есть общеевропейская власть совершает преступление против политических и иных, основных прав и свобод граждан, в том числе, посягает на жизнь белого населения Европы. Население

государств Европы, подлежащее уничтожению, не понимая сути гибридной войны и появления в Европе потоков арабов и негров, торжественно встречает агрессора и размещает его в своих домах. Население ложно оценивает «общечеловеческие гуманистические ценности» и считает, что надо отдать свои земли, свою культуру, свои традиции и образ жизни, пришлым людям.

«Под гибридной войной американские военные подразумевают необъявленные, тайные военные действия, в ходе которых воюющая сторона атакует государственные структуры или регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами (олигархами, организованной преступностью, националистическими и псевдорелигиозными организациями)» [6].

Особенность ведения гибридных войн состоит в том, что проводятся невидимые битвы и сражения. Точнее, все спецоперации гибридных войн проводятся открыто, на виду у руководства подвергаемых нападению государств и обществ. Но мало кто понимает, что это – военные действия. Нападающая сторона всячески отрицает свою причастность к конфликту. «Специфическая особенность гибридной войны: до момента фактического подчинения территории обыватель не осознаёт реальности угрозы, не имеет возможности определить истинный источник угрозы и масштаб этой угрозы. Как следствие, общество в целом не понимает, как этой угрозе противостоять».

Автором концепции ведения гибридной войны выступил научный сотрудник министерства обороны США Фрэнк Г. Хоффман, в прошлом, офицер морской пехоты. Он пришел к выводу, что в будущей войне «конфликты будут мультимодальными (ведущимися разными способами) и многовариантными... Будущие угрозы могут в большей степени быть охарактеризованы, как гибридное сочетание традиционных и нерегулярных тактик, это децентрализованное планирование и исполнение, участие негосударственных акторов с использованием одновременно простых и сложных технологий» [59].

Армия вторжения в Европу формируется из иностранных мигрантов, выходцев из Афганистана; Гамбии; Косово; Нигерии; Сомали; Ирана; Пакистана; Мали; Эритреи; Сирии, а

также более 30 стран Чёрной Африки, расположенных южнее пустыни Сахара. Они идут открыто, некоторые – с женами и детьми. У них нет с собой оружия. Эта армия вторжения использует совершенно новую тактику захвата территории и населения государств Западной Европы. Мигранты и беженцы не угрожают Европе, а только просят помощи у Европы. Поэтому оккупируемая Европа, практически, не сопротивляется [57]. С учетом того, что эта форма гибридной войны сопровождается мощнейшими процессами формирования этнической организованной преступности; развитием терроризма на основе радикального ислама, она подлежит исследованию и криминологической оценке.

Несмотря на экономически и политически прочное положение государств Западной Европы, многочисленные исследователи и эксперты США и Западной Европы говорят о надвигающемся кризисе Европы. Западная Европа – колыбель капитализма. Принцип капитализма – прибыль. В своем стремлении к прибыли капитал разрушает моральные, нравственные основы населения, превращая людей в биологических роботов, ориентированных на производство дополнительной прибыли и потребление благ цивилизации. В результате непомерной эксплуатации природы происходит уничтожение среды обитания человечества. И началось вымирание населения капиталистических государств Европы.

Уже в 90-е годы XX века в США и Западной Европе стали появляться книги с пророческими названиями, говорящими о крахе капиталистического общества: «Конец прогресса», «Конец будущего», «Поминки по просвещению» и др. В этих работах давался анализ нынешнего состояния капиталистического общества; геополитических процессов на планете Земля. И делался вывод, что общество ведущих капиталистических государств потеряло веру в прогресс и поступательное развитие. А, как «предупреждал британский историк Эдвард Карр: «Общество, которое потеряло веру в способность к прогрессу в будущем, скорее покинет историю» [79].

Одним из симптомов краха капитализма выступил экономический кризис. «Когда в начале XXI в. стало совершенно очевидно, что экономический прогресс остановился, руша иллюзии непрерывного улучшения, и её место

занял обман», исчезла сама вера в возможность прогресса».

В XXI веке многочисленные интеллектуалы США и Запада продолжали говорить о деградации современного европейского общества, о том, что нынешние капитализм и демократия исчерпали себя. К примеру, в 2018 г. в Англии вышла книга Д. Эндресса: «Культурная деменция. Как Запад потерял свою историю и рискует потерять всё остальное». Как пишет автор: «Недавние политические события привели Соединённое Королевство, Францию и США в состояние катастрофической культурной деменции», медицинский аналог которой – болезнь Альцгеймера» [79].

Основной составной частью государства является население. Основную часть Европы составляет население белой арийской расы, гаплогруппы ДНК-генеалогии R1a и R1b [30]. Население государств Европы на протяжении веков было основным двигателем прогресса, науки, промышленности, культуры. Каждое государство руководствовалось своей религией, своими идеями, повиновалось своим владыкам. На определенном этапе началась мощнейшая и целенаправленная кампания деморализации европеоидного населения Европейских государств. Как отмечают современные эксперты, на протяжении десятилетий европейское население подвергалось мощнейшей информационно – идеологической обработке. Политики и СМИ вырабатывали у населения Германии чувство вины и покаяния за расизм гитлеровской Германии. Политики, СМИ, Ватикан, высшие иерархи католической церкви разрушали обаяние религии; дискредитировали священников; превращали храмы в концертные площадки, ночные клубы, разрушали нравственные традиции населения. У населения европейских государств отобрали религию, государственные и национальные идеи, моральные и нравственные принципы. В результате этого произошла политическая, идеологическая, моральная и нравственная деградация значительной части населения. СМИ на деле доказали, что способны играть не только позитивную, но и негативную, дезорганизующую роль в жизни общества и конкретного человека [19; 20; 21; 60; 81].

Население государств Западной Европы потеряло чувство ответственности за свои государства. Европейские мужчины отказались от

женщин; увлеклись гомосексуализмом и скотоложством [3; 17; 26; 27; 49; 65]. При заполнении европейских государств арабами и неграми европейские мужчины перестали защищать своих женщин от массовых изнасилований арабами и неграми. А «неспособность самцов защитить самок и детёнышей – один из первых признаков вырождения вида, склонного к психическим отклонениям обсессивно-компульсивного истеричного и параноидального типов» [79]. Европейские мужчины увлеклись однополыми браками и скотами, значительное распространение получило лесбиянство. Практически во всех странах Европы стали модными «публичные дома – фермы животных».

Брошенные мужчинами женщины изменили природное предназначение: создавать семью и рожать детей. Они превратились в феминисток, блудниц, лесбиянок. Что резко снизило рождаемость в государствах Европы. Все это, вместе взятое, привело к вырождению коренного населения Европы [79]. Отдельные европейские государства, по оценке собственных государственных и политических деятелей – самоликвидируются [87]. Об этом появились их публикации не только в западноевропейских странах, но и в России [72].

Вырождение государственного населения в странах Европы привело к нарушению его воспроизводства, к массовому старению населения. Уходящих на отдых пенсионеров стало нечем заменять «у станков». Следовательно, резко снижаются налоги. Исчезает возможность государства содержать своих пенсионеров. В целом, началось политическое, экономические, культурное, идеологическое вырождение «Севера». На это обратили внимание руководители государств «Юга».

В 1974 г. президент Алжира Хуари Бумедьен, на сессии Генассамблеи ООН, нарисовал недалекое будущее Европы. «Однажды, – сказал он, – миллионы людей покинут Южное полушарие этой планеты, чтобы ворваться в Северное. Но не как друзья. Потому что они ворвутся, чтобы завоевывать, и они завоеуют это полушарие своими детьми. Победа придёт к нам из маток наших женщин» [50].

Современные российские эксперты пришли к выводу, что, «на протяжении последнего столетия Европу целенаправленно убивали, подтачивали ее основы, из европейцев делали аморфных

потребителей, не способных ни к малейшему сопротивлению, скот, быдло. И вот наступил момент, когда уничтожение Европы подошло к заключительной стадии» [50]. В процессах «реформатирования» населения существенную роль играет европейская культура.

По мнению экспертов, современная «культура» Европы носит Сатанинский, разрушительный характер. Общество практически ушло от следования канонам христианства, любви к ближнему, служения Богу. В культуре Европейского общества демонстрируются разврат, жестокость, любование преступностью и человеческими страданиями, гомосексуализм, скотоложство. Музыкальным символом Европы стала песня «Sympathy For the Devil» («Сочувствие к дьяволу»), музыкальной группы Rolling Stones [83]. Как отмечают эксперты, «в целом складывается впечатление, что современная западная культура полностью утратила веру в свою ценность и смысл, как будто она берет начало от своего рода мафиозной культуры, основной заповедью которой является замалчивание преступлений прошлого» [83].

Более «авторитетные» моральные и нравственные ценности, в том виде, о которых идёт речь, явились следствием падения той Европейской философии, к которой стремились последние 300 лет. С тех пор, как человек стал делать выбор в пользу собственного «Я», а не почитания предков и традиций своего народа, его внутренний стержень стал слабеть под натиском соблазнов.

Основой любого человека служит прочный фундамент, в котором он: уважает родителей, подаривших ему жизнь; полагается на себя, с мужеством и терпением проживая свою жизнь; не ищет «идолов», живя без обожествления чего бы то ни было, находясь при этом в гармонии с природой.

Борьба с противоположностями усматривается в контуре всей истории человека, где он отгаливает от себя грязь и делает выбор в пользу чистого. Здесь основную роль играют принципы современной философии, которые были сформулированы Иммануилом Кантом. Пожалуй, это основное, через что человек должен осмысливать свой «внутренний мир», «бытие», не выходя на путь безрассудства.

В результате европейская культура перестает видеть в Человеке Европы творение

Бога-Творца, создавшего человека, мужчину и женщину, на шестой день творения, «по образу и подобию божьему». Европейская культура прославляет ту ветвь «человеков», которая была создана низкочастотными духами «из праха земного», из мертвой земли. Европейский человек рассматривается, «не более, чем высоко-развитая обезьяна». О. Шпенглер имел возможность выразиться: «Человечество в целом» – это лишь зоологическое понятие или звук пустой» [86]. Соответственно, европейская «культура в большей степени озабочена вопросами сексуальности, общими для всех живых существ, а не тайной человеческого сознания (и духа), отличающего нас от животных» [83].

Вместо католических канонов Европе, с помощью Ватикана, навязываются чуждые ей религии и культы. Римский папа Иоанн Павел II признал частью католической религии нигерийскую сатанинскую секту вуду. Она получила статус конфессии; фактически приравнена к православию и протестантизму [79].

В результате отстранения населения от принятия политических решений, моральной, нравственной и культурной деградации, как отмечают современные Российские аналитики, «Европа умирает. Вернее, умирает Европа, которую мы знали на протяжении тысячелетия, с ее белым, традиционно христианским населением, моралью, обычаями, стремлением к успеху и комфорту любыми способами» [50]. Еще одной чертой все более нигилистической культуры является культ насилия в фильмах и популярной культуре, при постоянной демонстрации сексуальности в общественном пространстве.

В порядке дискуссии сделаем собственное предположение: экономическая, демографическая, религиозная, культурная, политическая и иная деградация Запада не были объективным процессом. Это был результат управляемых международных политических, международно-правовых, информационно-идеологических и иных процессов международных элит. Среди которых, практически, нет представителей белой расы [79].

В криминологии достаточно слабо разработаны вопросы ответственности власти за происходящие в стране события, не так много в этом плане имеется научных публикаций [55]. Хотя в политологии и социологии есть такие понятия, как «качество государственного правления»,

«эффективность органов власти», «эффективность законов» и др. [84]. Государственная власть – обязательная составная часть государства. Власть – достаточно сложное понятие. Власть, это: государственные функции, государственные учреждения, ветви власти, должностные лица, законы... Учение о власти в теории государства и права Российской империи существенно отличается от учения о власти западных теоретиков государства и права. В Российской империи структуры власти составляли: ведущий слой, функциональный слой, государственная элита, верховная власть. На Западе, власть, это ветви власти: законодательная, исполнительная, судебная. Как отмечают российские криминологи, «власть сама по себе... может стать преступной, когда начнет ставить интересы отдельных групп людей, обладающих властными полномочиями, выше интересов граждан» [48, стр. 11]. В Западной Европе государственная власть не связана с защитой национальных интересов государства и государствообразующего населения. Она не мобилизует население государства на защиту общегосударственных интересов. Она служит капиталу, транснациональным корпорациям и т.п. Нередко, как считает американский политолог Фрэнсис Фукуяма – группам влияния [78].

Мы привыкли считать, что ведущими государствами мира управляют избранные президенты и главы правительств. Между тем, все президенты – это наемники, временщики, которые приходят на должности глав государств, чтобы проводить чужую политику. Ибо управление миром осуществляют надгосударственные и наднациональные структуры, не подчиняющиеся никаким международным законам. Как утверждают квалифицированные эксперты, «за всеми президентами и премьерами стоят «люди с кейсами в черных пиджаках и галстуках», которые называются «Мировым правительством», «Глубинным государством», «Бильдербергским клубом», «Советом по международным отношениям», «Трехсторонней комиссией», «Римским клубом», «Комитетом 300», «Институтом еврейских политических исследований», «Вашингтонским Институтом ближневосточной политики», «Чатем-Хаус» (Королевским Институтом международных дел), «Еврейским институтом по вопросам национальной безопасности», «Иерусалимским Институтом передовых

стратегических и политических исследований)... имя им легион» [50]. Это замкнутые структуры, с особым механизмом формирования, не подконтрольные никакому внешнему субъекту. Эти правящие структуры приняли решение зачистить Европу от людей белой расы. Руководство ЕС полностью приняло эту программу и приступило к ее реализации.

К примеру, евразиец князь Н.С. Трубецкой, находясь в Европе, так говорил о роли государственной власти: «Взгляд на государственно организованное человеческое общество, как на живое и органическое единство, предполагает существование в этом обществе особого правящего слоя, т.е. совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого.... Правящий слой... отбирается из общей массы данной общественно-государственной среды по какому-нибудь определенному признаку, но признак этот не во всех государствах один и тот же: в одних этот признак – имущественный, в других – генеалогический и т.д.». И дальше он говорит: «Именно типы отбора правящего слоя, а вовсе не типы формы правления существенно важны для характеристики государства» [85, стр. 162].

Идеологом уничтожения белой Европы выступил известный австрийский философ, писатель и политик Рихард Николаус Куденхове-Калерги. Именно он был основателем и идеологом Панъевропейского союза, который затем стал Евросоюзом. Он придумал и сатанинский флаг Евросоюза, без христианского символа – креста. В своей книге «Практический идеализм» (*Praktischer Idealismus*), Куденхове-Калерги описал идеологическую основу Евросоюза. Он в открытую изложил программу уничтожения белого арийского населения Европы, и «создание нового европейского общества, состоящего из людей средней расы и цвета кожи (египетского типа), среднего вероисповедания, среднего пола, но под руководством «высшей расы» – креативных и умных евреев, которых ассимиляция не коснется ни в малейшей степени».

Вот лишь некоторые фрагменты из высказываний Куденхове-Калерги в его книге. «Человек далекого будущего будет смешанной расы. Сегодняшние расы и сословия растворятся вследствие преодоления пространства, времени

и предрассудков...». «Будущая евразийско-негроидная раса, внешне похожая на древнеегипетскую, придет на смену нынешней. А внешнее различие людей сменится разнообразием личностей...». «Самые известные и наиболее успешные носители христианских идей, которыми в современной реинкарнации являются пацифизм и социализм, это – иудеи...». «Если на Востоке этически доминируют китайцы, то на Западе – иудеи». «Таким образом, маленькое сообщество людей, закаленное геройски вынесенным мученичеством, выросло наконец для реализации высшей цели, будучи очищенным от слабых и слабых духом элементов. Вместо уничтожения еврейства это невольно облагородило Европу искусственным процессом отбора и воспитало будущую нацию-лидера...». «Нет никакого чуда, что этот народ, выросший в гетто-тюрьме, превратился в интеллектуальную элиту Европы...». «Не только еврейство будет двигаться в направлении идеалов западной аристократии – западные идеалы также претерпят изменения, и они встретятся с еврейством на полпути...». «Европа в религиозном смысле будет завоевана евреями...» (Цит. По: [50]).

Затевать Третью мировую войну для выполнения этой задачи, рискованно. Европейские государства имеют спецслужбы, правоохранительные органы, на вооружении – новейшие виды оружия. В случае открытой войны не только Европа будет уничтожена, но и нанесен ущерб внешнему агрессору. Поэтому было принято решение организовать уничтожение коренного населения Европы с помощью иностранных мигрантов, выходцев из Азии, Африки, Ближнего Востока и др.

Как отмечают современные исследователи, Африка активно «плодится и размножается». «По подсчетам экспертов, за тридцать с небольшим лет количество африканцев должно удвоиться, составив ориентировочно 2,6 миллиарда». В Африке отсутствуют свои государства, выросшие из племен. Вся государственность Африки является остатками колониальных владений, либо искусственного насаждения демократии, противоречащей эволюционному развитию племен. Сами негры не смогли создать свою, отдельную цивилизацию, построить свою промышленность, экономику и пр. Все, что есть цивилизованного в Африке, одежда, предметы быта и пр., это все производится в других странах. Естественно,

африканцы хотят хорошей цивилизованной жизни, которую они у себя создать не могут. «Сидеть у себя дома жители Африки не собираются. Путь в Европу стал для них своеобразным квазирелигиозным культом, и добраться до северного континента – главная цель в жизни миллионов обитателей Сомали, Эритреи и Южного Судана» [31].

Идя навстречу «пожеланиям африканцев», Европа, как отмечает российский политолог А. Бовдунов, затеяла политику построения либерального мультикультурного общества и начала замещение коренных народов инородцами. «Это было в Швеции, в Великобритании, в Германии – политика замещения коренных народов выходцами из других стран, политика разложения идентичности, которая... на руку глобалистским элитам... крупным капиталистам» [46]. Самое удивительное, по мнению российского политолога, что страны Европы добровольно включались в эти процессы еще в 1960-е, 1970-е, 1980-е годы XX столетия. А это говорит о том, что правители этих государств не защищают интересы государство – образующего населения.

На этом фоне прозвучал призыв: заполнить Европу арабами и неграми, мигрантами и беженцами.

Отдельные исследователи несколько упрощенно рассматривают причины миграции. Чаще всего, рассматривается вариант «возвратности миграции». Несколько веков назад Европа, опираясь на парусный, а затем и пароходный флот, активно осваивала территории Азии, Африки, Латинской Америки. Это была создающая миграция. Белые мигранты везли в колонии достижения научно-технического прогресса. Поэтому, на наш взгляд, выводы о том, что «бумеранг тысячелетнего ограбления всего мира, богатой жизни за счет природных богатств и рабского труда населения окружающих Европу континентов, гордыни и тщеславия вернулся назад, туда, откуда и был выпущен», не соответствуют действительности. Ибо в Европу потоками идут этносы, не испытавшие на себе создающие процессы европейской миграции [79].

Прежде всего, была запущена мощнейшая информационно-идеологическая обработка населения европейских государств. Население Европы убеждали в том, что нынешняя миграция в Европу носит вынужденный характер, что

в государствах исхода мигрантов «сложилась тяжёлая ситуация; что кочевники улучшат жизнь в Европе. В некоторых странах идет гражданская война. Другие подверглись нападению США и Европейской коалиции, там у них Хаос и отсутствие устойчивой власти, проблемы с работой и снабжением. В Сомали, кроме внутренних распрей, «орудуют печально известные группировки сомалийских пиратов – подобным промыслом у берегов занимается более 1 000 человек» [57].

Сюда же относится «экономико-политическая и национально-правовая нестабильность, захлестнувшая страны Африки и Ближнего Востока. Основным дестабилизирующим фактором стали, безусловно, в разные периоды обостряющиеся в Сирии, Ливане, Йемене, Ираке, Афганистане и других странах, на территории которых велась борьба с Исламским государством» [57]. То есть у населения Европы формировались чувства гуманной ответственности за тяжелую жизнь арабов и негров, и чувство вины за свою причастность к нападениям США и НАТО на государства Азии.

Как говорил в 2017 году, в Брюсселе, президент Франции Эммануэль Макрон: «Мы должны принимать беженцев, поскольку это соответствует нашим традициям и является нашей честью. Беженцы – это не просто какие-то мигранты, не экономические мигранты, это люди, которые покинули свои страны ради своей свободы – из-за войны или политической ситуации» [37].

Зададимся вопросом: подобные проблемы: вооруженные конфликты, войны, религиозные проблемы, экономические кризисы и т.п., периодически возникали, практически, у всех племен и народов, кто уцелел в своем развитии и дошел до нынешнего времени. Западная Европа постоянно воевала, со времен падения Римской империи. Были гражданские войны; были межнациональные и религиозные военные конфликты; были революции; были мировые войны. Население стран Западной Европы после каждой масштабной резни восстанавливало демографический потенциал, экономику и государственное управление своих государств, и, никуда не бежало. После революций были небольшие миграционные потоки французской элиты в Англию и Россию, а все остальные оставались на месте. И трудились, каждый на своем

социальном уровне и попроще. Европа восстановилась и после первой, и после второй мировых войн.

Европейское сообщество не задается вопросом: почему жители Афганистана, Сирии, Гамбии; Косово; Нигерии; Сомали; Ирана; Пакистана; Мали; Эритреи; Сирии, и еще более 30 стран Чёрной Африки, бросают свою Родину, территорию, свои страдающие и разрушающиеся государства, племена, свои семьи, и бегут прочь от родимых домов и могил предков? Почему они не отстаивают, с оружием в руках, свои государства, свою историческую родину? Почему они бегут «быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла», от реальных и мнимых врагов? Как относиться к людям, которые бросают свою родину в годину страшных для нее испытаний? Заслуживают ли такие люди внимания и поддержки?

В качестве еще одной причины массовой инородческой миграции в Европу эксперты нередко называют сексуальную активность этносов, и вызванный этим демографический всплеск в странах исхода мигрантов. По мнению экспертов, «к началу XXI века население “Юга”, главного поставщика эмигрантов на “Север”, превысило 5 млрд. человек» [11]. То есть из всех видов производств население Азии и Африки может только воспроизводить себе подобных. При этом, не имея возможности прокормить себя и своих детей: не развивая промышленность, экономику?

Как отмечают современные исследователи, изначально беженцы концентрировались в «лагерях, созданных для них на территории Турции, Ливана и ряда других стран. Однако отсутствие денег, работы и социальных гарантий, а также сокращение финансирования со стороны принимающих стран привело к ухудшению ситуации уже в лагерях для беженцев. Все это вынудило людей покинуть места своего пребывания и направиться в более благополучные страны еврозоны» [57]. Получается, что гуманизм играет злую шутку с народами, покинувшими родные просторы. Им дали возможность отсидеться в международных лагерях, созданных на территории других стран, вдали от войн и природных катаклизмов. «Лагерники» очень быстро вошли во вкус. И, когда закончилось «финансирование со стороны принимающих стран», они не пошли, отдохнувшие, назад, на Родину. Они направились в другие, «более благополучные

страны еврозоны». Но ведь в этих «благополучных странах» благополучие не появилось само по себе. Их создавало местное население, и создавало для себя, для своих потомков. Почему местное население европейских государств должно делиться «своим благополучием» с людьми, которые не хотят создавать «собственное благополучие собственным трудом»?

Когда население не имеет возможности прокормить себя и своих детей, возникает мощнейший природный регулятор: голод. «В мире есть царь. Этот царь беспощаден. Голод название ему», писал известный российский поэт Некрасов. Возникает вопрос: если народ не имеет возможности прокормить себя и своих детей, то почему это должны делать другие народы? В том числе, за счет уничтожения себя и своего потомства? «В результате возникает демографическая поляризация «Севера» и «Юга»: в то время как население развитых стран практически перестает увеличиваться, а иногда даже начинает сокращаться, население развивающихся стран бурно растет и за короткое время резко меняется соотношение демографических масс разных частей планеты» [11].

В предшествующие века голодающие народы направлялись к более богатым соседям, чтобы грабить и убивать их, захватывать их территории и запасы. У соседей, подвергавшихся нападению, всегда появлялись право и обязанность защищаться вооруженной силой от набегов. Почему Европа отказалась от принципа вооруженной защиты своих интересов, территорий, населения, государственности? Почему Европа не сопротивляется ее захвату со стороны агрессора, который прикрывается названиями «мигранты и беженцы»? И также, грабит и убивает местное население?

Особенность заполнения Европы кочевниками заключается в том, что среди них мало истинно пострадавших. Основная часть кочевников стремиться проникнуть в экономически развитые государства, чтобы паразитировать на достижениях тамошних народов. По мнению российских экспертов, в Европу, в большинстве своем, направляются не настоящие «беженцы».

Согласно положениям Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Уставу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), к категории беженцев относится любое лицо, которое из-за опасений стать жертвой

преследований по признаку расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений оказалось за пределами своей страны, не может или не желает пользоваться её защитой. счетах у их сограждан среднего достатка [41].

К примеру, на сегодняшний день «22% населения Швеции – выходцы с Ближнего Востока и Африки, в том числе и второе поколение, выросшее в Швеции, однако так и не интегрировавшееся в европейское общество. Пятая часть населения страны – чужаки, которые не уважают страну, в которой живут, местные традиции и правила. Коренное население запугано» [46].

Причем, в потоках миграции идут, в большинстве своем, молодые люди призывного возраста. К примеру, 92% беженцев и мигрантов, прибывших в Швецию, одинокие мужчины 20-30 лет. Как отмечают эксперты, «по численности, это полноценный экспедиционный корпус, примерно такая же численность была у коалиционных сил в Ираке после вторжения в 2003 году». По сути дела, Швеция уже оккупирована инородцами [46].

По данным Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев на лето 2019 г., в мире зарегистрировано почти 71 миллион человек беженцев. Среди них, значительное количество лжебеженцев. К их числу относятся лица, бегущие просить «убежище», в основном, в богатые страны. «Тогда как у средних граждан этих государств даже близко нет на банковских счетах сумм, которые потратили эти «несчастные» на своё турне, чтобы сесть им на шею. И не только в финансовом отношении...» [35].

Нынешние «беженцы» в Европу – это искусственно сформированный массовый субъект гибридной войны. Как в свое время коммунисты использовали пролетариат для завоевания господства в ряде развитых государств, так сейчас используют «беженцев». С помощью беженцев глобалистские структуры стремятся решить две задачи. Первая: уничтожение населения белой арийской расы. Эту цель можно понять только через призму Библии (1 и 2 главы Бытие); Корана; эзотерики, демонологии. Вторая, помочь сконцентрировать оставшиеся на планете богатства в руках 1% населения; убрать социальные гарантии для населения капиталистических государств, сделать население управляемым,

готовым трудиться за минимальную оплату.

Как показывают исследователи, инициатором расовой войны выступила ООН. По информации российских экспертов, «в 2012 году в ООН было тайно заявлено о применении миграционного оружия против Европы в 2015 году, а Всемирный банк и ЕС открыли 5 вербовочных центров в Африке и 10 на Ближнем Востоке». Для выполнения этой программы расовой войны надо было организовать и провести масштабную спецоперацию; сдвинуть многомиллионные массы населения в разных регионах Азии и Африки, оторвать их от родных мест. Надо было обосновать и оправдать движение этих масс в Европу. Надо было психологически подготовить население Европы к восприятию и приему арабов и негров. Надо было создать международную правовую базу, законодательную базу государств Европы, и др.

Для мобилизации и продвижения потоков миграции были созданы и привлечены многочисленные благотворительные и «правозащитные» организации; «меценаты» типа Джорджа Сороса, ряд подразделений ООН, левые и либеральные политические партии. В формирование и продвижение миграционных потоков включились криминальные структуры, «работоторговцы», «превратившие нелегальную миграцию в крайне выгодный для себя бизнес» [41]. По сути дела, была создана обеспечивающая сеть гибридной войны против Европы. Которая, с одной стороны, постоянно подпитывает фронты гибридной войны людьми. С другой, позволяет делать бизнес на «пополнении». В результате, как отмечают исследователи, «сейчас транспортировка налажена, и все условия совпали для того, чтобы возник... массовый приток беженцев, который мы наблюдаем сейчас» [57].

Движение «мигрантов и беженцев» носит хорошо организованный характер. Оно формируется на двух уровнях: международном и государственно-территориальном. На высшем, международном уровне, политические и правовые решения принимаются в ООН, ЕС, Совете Европы; создается международная правовая база, формирующая оптимальные, правовые условия, для перемещения инородцев и иноверцев в Европу. Обеспечивается мощнейшее политическое и информационное сопровождение гибридной войны. С одной стороны, политики и СМИ формируют у арабов и негров и др. право

на захват чужих государств, на захват Европы.

С другой стороны, у населения государств, ставших объектами миграционной войны, формируются установки на прием кочевников, на отказ от защиты своих государственных и личных интересов, на капитуляцию в гибридной войне.

Массовое перемещение мигрантов началось тогда, когда руководство ЕС приняло решение о капитуляции перед агрессором. «Европа дала отмашку, что готова их принимать, – вот и случилось то, что мы называем кризисом» [28], – пишут исследователи.

На низовом уровне, в роли организаторов перемещения сотен тысяч людей из разных государств, выступают международные мафиозные структуры. Как писали в 2015 году европейские СМИ, «организацией массового исхода беженцев занимались американские НКО» [13]. Мало кто из людей может бросить свой родной «угол», и идти в неизвестность за тысячи верст. А это значит, что мощнейшие международные структуры проводят целенаправленную работу на территории стран Азии и Африки. Они наладили выявление, вербовку арабов, негров, афганцев, пакистанцев и др. в местах их проживания; сумели убедить их оставить Родину и ехать в Европу; организовали перемещение по достаточно сложным маршрутам; переправку через Средиземное море; перемещение по Европе. На все это требуются крупные денежные суммы; транспорт; информационные каналы; обеспечение безопасности по маршруту следования; уверенность в возможности проникновения в Европу, и др.

Как пишут российские исследователи, «правозащитная мафия, кормящаяся грантами Сороса и Ко, в открытую, под носом у военных кораблей стран ЕС, забирала у самых берегов Ливии с лодок и катеров нелегальных мигрантов и везла их в Европу» [38]. Столь же организованно перемещение мигрантов осуществлялось и по другим маршрутам. «Чуть ли не на турецких военных понтонах другие толпы нелегалов штурмовали греческие Эгейские острова, чтобы потом через всю Европу – на поездах или пешком по автобанам – прошесть в Германию, Швецию и другие, пока что богатые европейские страны» [38].

В стремлении попасть незаконным путем в Европу нелегалы действуют решительно и изобретательно. В марте 2019 года турецкий

танкер El Hiblu-1 «спас» с тонувшей посудины», у берегов Ливии, более сотни беженцев. Экипаж танкера хотел вернуть спасенных в Ливийский порт. Не желая возвращаться назад, спасенные мигранты захватили корабль и заставили экипаж отвезти их на остров Мальту [39].

Вдобавок, в Европу не идут действительно бедные арабы и негры. Как утверждают сами мигранты, они платят пять тысяч долларов с человека, чтобы добраться до Европы. По данным МВД Италии, «путешествие в Европу для усреднённого «беженца» стоит примерно 10 тысяч евро – сумма, которой нет на банковском счёте у большинства европейцев» [39].

По сути дела, налажена международная работорговля [16; 18; 34; 52; 53; 54]. Отличие которой от классической заключается лишь в том, что «рабов-мигрантов» не передают из рук в руки, и не получают деньги от покупателя раба. «Рабы-мигранты» просто «выпускаются в Европу», которая обязана их принять, разместить, обеспечить установленные законом нормы проживания [29]. Вот почему мигранты идут в богатые страны, «чтобы сесть там на шею местным жителям, безобразничать и бездельничать, а в будущем и вообще заявить на них свои права» [38].

Мигранты не бегут от насилия у себя на Родине. Те, кто спасается, готовы принять любую помощь. Мигранты не идут в государства Европы со слабой экономикой и низким жилищным уровнем населения, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Румынию, Косово, Сербию, где местное население не обеспечит им высокий жилищный уровень. Афганцы, арабы, негры стремятся попасть в высокоразвитые страны: Австрию; Великобританию; Данию; Францию; Швецию; Норвегию. А это уже говорит о стремлении паразитировать на достижениях других народов.

О том, что продвижение мигрантов в Европу носит высокоорганизованный характер, можно судить по сформированным маршрутам передвижения. К числу основных из них относятся:

- 1) Западноафриканский маршрут: из Западной Африки. Продвигаются: марокканцы, сенегальцы, граждане Нигера, Нигерии, Мали.
- 2) Западно-Средиземноморский маршрут: из Северной Африки на Пиренейский полуостров. Используется алжирскими и марокканскими гражданами, которые

перемещаются в Испанию, Францию и Италию.

- 3) Центрально-Средиземноморский маршрут: из Ливии в Италию и на Мальту. Передвигаются мигранты из стран Африканского Рога и Западной Африки.
- 4) Апулия и Калабрия: миграции из Турции и Египта.
- 5) Западно-Балканский маршрут: из Албании, Боснии и Герцеговины, Черногории, Сербии, Республики Македония. Пользуются граждане Пакистана, Афганистана, Алжира, стран к югу от Сахары.
- 6) Восточно-Средиземноморский: через Турцию в Грецию, Болгарию, Кипр. Передвигаются мигранты из Сирии, Афганистана и Сомали, и другие [89].

Другим субъектом организации массового перемещения исламского населения в Европу выступает ИГИЛ, которая объявила войну нынешней белой цивилизации и христианству. ИГИЛ направляет «своих людей» в общих потоках беженцев в регионы предстоящих боевых действий. При этом потоки мигрантов используются в качестве прикрытия спецопераций по внедрению боевиков ИГИЛ в государства Европы.

По мнению экспертов, международная террористическая организация «Исламское государство» (запрещенная в России), создало 263 вербовочных центров по маршрутам перемещения основных потоков кочевников в Европу. Они раздают деньги мигрантам за согласие, в последующем, сотрудничать с ними в Европе [8].

Таким образом, у значительной части мусульманского населения государств Европы появляется внешний управляющий, ИГИЛ и другие террористические структуры, действующие на основе радикального ислама. Между тем, цель ИГИЛ, «захват всего мира, установление глобального халифата – так характеризуют в ИГИЛ цели и задачи» [73]. Наряду со сторонниками и членами ИГИЛ, Европа и, особенно, Германия, заполняются тысячами проповедников ваххабизма из стран Персидского залива. Они проникают в Европу без документов, как беженцы из Сирии. За их спиной будет стоять не ИГИЛ, а монархии залива [29].

На наш взгляд, миграционные потоки арабов, негров и других этносов надо рассматривать, как

армию вторжения, которая несет угрозу населению ведущих государств Европы и европейской цивилизации. Применительно к обычным видам вооруженных сил, армию вторжения можно отнести к диверсионно-разведывательным формированиям (ДРФ), войскам специального назначения, которые есть в армиях всех государств мира. В мирное время ДРФ забрасываются на территорию враждебных государств под видом туристов, спортсменов, беженцев, мигрантов. Они оседают в местах предстоящих действий; проводят разведывательную работу; готовятся к совершению диверсионно-террористических актов в час «Ч».

В миграционной армии вторжения в Европу есть ряд особенностей. Основная часть «солдат» – это гражданское население, воспитанное в духе исламской неприязни и ненависти к европейцам и христианам. У них есть одна вера и один образ жизни, изложенные в Коране и в жизнеописаниях пророка Мухаммеда (да возблагодарит его Аллах и приветствует). Все, что противоречит нормам шариата, подлежит уничтожению. Чужая территория подлежит захвату. Население, не повинующееся Корану, подлежит уничтожению. Среди этого потока агрессоров есть высокоподготовленное ядро профессиональных «воинов Аллаха», имеющих опыт диверсионно-террористической деятельности. Они – офицеры будущих сражений с «неверными». Под их знамена и призывы станут тысячи правоверных.

У зацепившихся в ФРГ мигрантов, особенно из стран Азии и Африки, нет не только желания упорно трудиться, но и таких возможностей – нужной квалификации и нормального языка. Немецкие компании, попытавшиеся решить свои кадровые проблемы за счет мигрантов, не смогли этого сделать: низкий уровень образования, отсутствие профессиональных навыков, неумение или нежелание трудиться [88; 72]. При этом 35% новорожденных в стране не являются немцами, не немцами совершаются и 90% тяжких преступлений [35]. Эти данные приводит немецкий профессор ГуннарХайнзон в своей пророческой книге «Сыновья и Мировое Господство. Террор при росте и падении наций», которая появилась в 2003 году. Понятно, что сейчас, когда ФРГ лишь в одном 2015 году приняла свыше миллиона «беженцев», ситуация намного хуже. Хайнзон поднимает в своей книге много злободневных проблем и делает честные выводы. Один

из них лежит на поверхности – чтобы поскорее погубить Европу, пошире откройте её границы для «беженцев». Тогда коренные жители надорвутся кормить, с одной стороны, своих заработавших пенсии стариков, а с другой – толпы мигрантов-бездельников. В результате они совсем перестанут рожать детей и сбегут от такой жизни куда-нибудь подальше – в Канаду или Австралию. И ведь тоже окажутся фактически беженцами. И этот процесс уже запущен. Кочевниками станут все [35].

В проникновении кочевников в Европу есть одна особенность: их «не видят» спецслужбы и правоохранительные органы.

Европа, когда принимала у себя тысячи кочевников, знала, что значительная часть их являются боевиками, членами ИГИЛ, «Джебхат-ан-Нусра» и др. террористических организаций. Тем не менее, пограничники и полиция Европы, «не предприняли никаких шагов к организации фильтрации беженцев и выяснению их деятельности на территориях ИГ, «Джебхат-ан-Нусра» и аналогичных террористических структур» [13]. И это, несмотря на то, что основная часть беженцев – мужчины боеспособного возраста.

Полиция и спецслужбы Европы не обратили внимание еще на одну особенность в составе беженцев. Под видом сирийцев, из Сирии и из Турции, в Европу, в массовом порядке шли «афганцы, пакистанцы, египтяне, сомалийцы, уйгуры, жители Средней Азии». О таком национальном составе беженцев писали европейские СМИ. И никто не пытался даже выяснить, как попали на территорию Сирии и Турции афганцы, сомалийцы, египтяне, жители индийского или Синьцзяньского автономного округа КНР» [13]. И почему они не возвращаются назад, на родину, из Сирии и Турции, а идут в Европу? По сути дела, в Европу направляются боевики из разгромленных в Сирии террористических формирований.

В перемещении миграционных потоков армии вторжения есть ряд особенностей. Прежде всего, руководство Евросоюза создает оптимальные, политические, правовые, организационные предпосылки для продвижения агрессора. Для продвижения и размещения агрессора Европа «отодвигает» интересы коренного населения.

Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд предупредил руководителей государств, членов Совета Европы, что мигранты

пользуются преимущественным правом в Европе. «Всякий, кто прибывает на территорию наших 47 государств – членов Совета Европы, имеет такие же фундаментальные права, как и все остальные» [57], – заявил он. А это значит, что мигранты сразу же получают те политические права, за которые местное население сражалось веками и десятилетиями. При этом Ягланд сослался на Европейскую конвенцию о правах человека, которая создает преимущества для кочевников, в противовес местному населению.

В результате, в Европе, в частности в Германии, наблюдается приоритет интересов мигрантов в органах власти перед коренным населением. Жители Германии жалуются, что в различных социальных центрах Германии вопросы беженцев решаются вне очереди, «подвигая бюргеров». «Мы ждали своей очереди два часа, когда к нам подошли сотрудники центра и сказали, что прием окончен, так как у них 300 сирийцев, которых срочно надо оформить. Это люди, которые будут тут жить на социальные пособия и не работать. А ведь это мы приносим государству деньги в бюджет, и к нам такое отношение!» [57] – рассказала жительница Лейпцига Анна Вербер.

В результате миграционной политики у коренного населения Германии растет возмущение, что «мигрантам создают такие условия, о которых они сами могут только мечтать, и что эти блага сами же они и финансируют за счёт высоких налогов» [38]. Особо бюргеров возмущает то, что у мигрантов не просто есть деньги на «хорошее жильё, хорошую еду и на воспитание детей, при этом, не работая. Но и за счет пособий оплачиваются «все их самые дикие обычаи... и несколько жён» [38]. То есть коренное население Европы оплачивает пребывание в Европе армии вторжения.

Население Европы пытается (робко), говорить о своем несогласии с миграционной политикой. К примеру, в 2015 г. во Франции, 67% французов заявили, «что мусульманские ценности несовместимы с европейскими, а 73% выразили негативное отношение к исламу». Однако, правительства государств не только не учитывают мнение налогоплательщиков, «не только не защищают своих, но жёстко подавляют любые попытки активизации антимиграционных действий, пропагандистски обрабатывают, по сути, дрессируют граждан кнутом политкорректности»

[80]. Безусловно, ценности у различных народов разные, они отличаются, разнятся, например, россиянам трудно принять какие-то ценности Западной Европы и США [22; 62; 63; 66; 67; 68; 69; 70; 71], они иные, не такие, как у нас. Точно так же и западноевропейцам сложно понять ценности, культивируемые у арабов, африканцев, представителей иной религии.

Руководство Германии нарушает главный принцип демократии, что народ является носителем государственной власти. Власть не спрашивает у народа его согласия на захват Германии инородцами и иноверцами. Руководство Германии ставит население Германии перед свершимся фактом. Более того, Германия устанавливает в стране режим оккупации местного населения в пользу «кочевников». Германия хорошо знает, что ее солдаты, оккупируя страны Европы, становились на постой в местных домах. Не спрашивая согласия хозяев, которых в лучшем случае, выгоняли на улицу. Сейчас принцип захвата жилья оккупантами на полную мощь используется в Германии. Причем, самой властью и в интересах мигрантов. «Власти Германии в городе Гамбурге начали конфисковывать квартиры и дома против воли собственников для того, чтобы удовлетворить массовый приток мигрантов, прибывающих в город». Причем, это не просто экспроприация жилья коренного населения захватчиками. Бывшие собственники помещений продолжают нести ответственность за ремонт помещений, их содержание в рабочем состоянии, уплату налогов. Ибо в соответствии с законом, называемом «HamburgHousingProtectionAct (Hamburger Wohnraumschutzgesetz) от 1982 года, («Гамбургский акт о защите жилья»), «изменен социалистическим правительством в мае 2016 года), «все необходимые расходы по содержанию, ремонту жилья, уплате различных налогов все равно будут лежать на плечах прежних владельцев» [50]. До такого уровня цинизма не доходили даже германские фашистские войска в оккупированных странах Европы и России.

Согласно официальным данным, Швеция, население которой насчитывает около 9,5 млн. человек, приняла у себя около 200 тыс. беженцев и мигрантов. Однако на самом деле, мигрантов больше. «22% населения Швеции – выходцы с Ближнего Востока и Африки, в том числе и второе поколение, выросшее в Швеции, однако так и не интегрировавшееся в европейское

общество. Пятая часть населения страны – чужаки, которые не уважают страну, в которой живут, местные традиции и правила» [46]. Коренное население запугано. Кстати, интересное дополнение – «92% прибывших якобы беженцев – мужчины 20-30 лет. По численности это полноценный экспедиционный корпус, примерно такая же численность была у коалиционных сил в Ираке после вторжения в 2003 году. Это означает, что в Швеции уже не существует проблемы миграции. В Швеции существует проблема оккупации [46].

При больших потоках кочевников правоохранительные органы и спецслужбы Европы не в состоянии проверять их личности. Принимающая сторона не в состоянии выяснить, «то ли они правда бегут от смертельной опасности, то ли просто пользуются случаем, чтобы осесть в Евросоюзе» [28]. У немцев, французов, других европейцев, нет необходимого количества переводчиков, чтобы проводить собеседование с прибывшими инородцами. В результате боевики ИГИЛ очень легко проникают в Европу в общей массе мигрантов, проходят «проверки» миграционных организаций, и получают легальные документы в Европе.

Как заявил летом 2017 г. министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии Петер Сиярто, «Европейский союз относится к проблеме мигрантов с лицемерием... Полутора миллионам нелегальных мигрантов удалось попасть на территорию Европы без всякого контроля и регулирования» [37]. И добавил, что: «мы не знаем, кто эти люди, зачем они пришли, каковы их планы. Очевидно, это огромный риск» [37].

Как отмечают современные российские исследователи, руководство Евросоюза и ИГИЛ решают одинаковые задачи: заполняют Европу реальными и потенциальными членами ИГИЛ. То, что делает Евросоюз, мечта ИГИЛ, которую он самостоятельно не может реализовать. К примеру, чтобы забросить боевиков ИГИЛ в государства Европы, надо, прежде всего, придумать для них проверяемые биографии и снабдить документами прикрытия. Европа решает эти вопросы проще. Европа принимает «беженцев» без документов. Верит им на слово, и так же, «под честное слово», обеспечивает их европейскими документами.

Российские исследователи пришли к выводу, что «ИГИЛ получил реальную возможность за

счет европейцев разместить и снабдить документами, а также равномерно распределить по странам ЕС примерно 2-3 тысячи своих активных членов. Это колоссальная цифра, никакие другие инструменты и деньги не дали бы халифату такой возможности» [28].

Для решения задач предстоящих военных, диверсионно-террористических действий армия вторжения размещается по всей Европе. Руководство Евросоюза предписывает государствам Европы взять на содержание определенное количество кочевников. Среди которых будут и «спящие» боевики. По сути дела, действия Евросоюза отвечают интересам ИГИЛ. ИГИЛ заинтересован в распределении своих боевиков по государствам Европы, чтобы сформировать европейскую террористическую сеть. Решить самостоятельно эту задачу ИГИЛ не может, очень сложно. Евросоюз решил эту задачу для ИГИЛ: он сформировал квоты мигрантов для всех государств Евросоюза.

В соответствии с механизмом гибридных войн, инородческая миграция создает внутри европейских государств мощнейший субъект агрессии. На начальном этапе этот субъект действует в режиме «мягкой силы», не уничтожая в открытую местное население.

Прежде всего, меняются этнические характеристики населения государств Европы.

Европейские исследования демонстрируют нравственную деградацию государств Европы. Как показывают статистические данные по семьям в 12 западных странах в последнее 20-летие XX века, происходят мощнейшие процессы разрушения института семьи в Европе. «Процент женщин, рождающих детей вне брака, вырос в Нидерландах с 4,1% до 24,9%, во Франции – с 11,4% до 42,6%, в Великобритании – с 11,5% до 39,5%. В трех наиболее католических странах картина ужасающая: в Италии рождаемость у незамужних матерей выросла с 4,3% до 9,6%, в Испании – с 3,9% до 17,0%, а в Ирландии – с 5,0% до колоссальных 31,8%. И это чуть более чем за 20 лет. Процент домохозяйств, где семьи с одним родителем, за тот же период вырос в Нидерландах с 9,6% до 13,0%, во Франции – с 11,9% до 17,1%, в Великобритании – с 13,9% до 20,7%. Самый большой скачок был в Ирландии, где домохозяйства с одним родителем составляли 7,2% семей с детьми в 1981 году и 16,7% семей с детьми в 2002 году» [50].

Государствообразующие народы «разбавляются» мигрантами. Заслуживает внимания мнение Джорджа Вейгеля, известного богослова-консерватора, биографа папы Иоанна Павла II. Он утверждает, что «Европа переживает суицид, самоубийство, и этот процесс не зависит от влияния внешних сил. ...Все происходящее с европейцами – целенаправленное и планомерное убийство с целью получения новой генерации европейцев на основе пришлых азиатов и африканцев. И во главе этого процесса стоит Ватикан» [50].

Меняются вероисповедальные характеристики регионов. Резко сокращается количество католических храмов, при одновременном росте мечетей. По государствам Западной Европы в массовом порядке закрываются и ликвидируются католические храмы. Между тем, храм, это базовый центр организационно – идеологической работы с населением. Которое собирается в храме в определенные дни, и подвергается информационному и идеологическому воздействию со стороны высокопрофессиональных специалистов, священников. Храмы, мощнейшие организационно – мобилизационные центры работы с местным населением. Вот почему в Европе наблюдается закрытие храмов. Делаться это может только по воле государственной власти. Причем, католические храмы закрываются либо уничтожаются, нередко, против воли прихожан. К примеру, в 2016 года в Париже уничтожили Церковь Святой Риты. Территория церковного двора понадобилась для строительства автостоянки. Прихожане церкви пытались противодействовать ее разрушению: забаррикадировались в храме. Сотрудники полиции штурмом взяли здание, вытащили священника и разогнали прихожан. В том же, 2016 году, во Франции разрушили еще семь церквей. «Среди потерь – часовня святого Бернарда в Клэрмарэ и церковь Ферандьер в Вийёрбан. Помимо этого, в 2016 французское государство... секуляризировало и выставило на продажу еще 26 христианских церквей» [15].

Одновременно происходит активное строительство мечетей. Там же, во Франции, зарегистрировано более двух тысяч мечетей. «В 2003 их было 1 545» [15]. А мечети являются теми же организационно-идеологическими центрами, которые работают с мусульманами, участниками гибридной войны. Поэтому в идеологическом

плане местное католическое население находится в худшем положении, нежели мусульмане.

Между тем, «одна из проблем, которую все чаще ставят представители МВД ЕС, это распространение экстремистской идеологии через мечети и исламские центры, в которых «служат» имамы, приехавшие из мусульманских стран, прежде всего из Турции» [33].

В Германии, из 5 млн. мусульман, основную часть составляют турки, для которых построено более 900 мечетей. Все имамы прибывают «на работу» из Турции, где они получают зарплату. По сути дела, это турецкие государственные чиновники, представляющие в Германии интересы президента Турции Эрдогана, стремящегося воссоздать «Турецкую империю». Действия имамов не подконтрольны правительству Германии [33].

На территории Европы уже началась генетическая война. Массовые изнасилования арабами и неграми белых европейцев, это форма генетической войны. Существует такая наука, как телегония. Существует волновая генетика и ДНК-генеалогия. Белая женщина, воспринявшая в детородные органы сперму арабов и негров, уже не сможет родить белого ребенка. А это значит, что белая арийская раса, «люди, творящие чудеса», творец нынешнего прогресса «Севера», уже уничтожается.

Таким образом, потоки «мигрантов и беженцев» из государств и племен Азии и Африки, это расовая армия вторжения, предназначение которой, физическое либо генетическое уничтожение населения белой арийской расы.

Другой формой гибридной войны является выдавливание местного населения из органов власти и общественно значимых структур. «Кочевники» выдавливают местное население из тех структур, где не требуется высокий уровень образования и технических знаний, в частности, из спорта, из местных органов власти. В 2009 г. в Германии, среди «членов парламента», было 3% «кочевников. В 2017 г. пришлые составили уже 9%. В 1990 г. в сборной ФРГ по футболу были только местные спортсмены. В футбольной команде на первенстве Европы в 2016 г. уже были выходцы из Ганы, Турции, Польши, Сенегала и Испании [79]. В целом, по Европе, «чужие, становящиеся всё более агрессивными, съедают их пространство, отдавливают европейские низшие и средние слои от «общественного пирога»» [80].

Мигранты, адаптировавшись в государствах приема, активно вторгаются в политику, государственное и муниципальное управление. Тем самым формируя кризис государственной власти, которая перестает решать общенациональные государственные задачи, а защищает интересы кочевников. У них есть свои представители, как в местных органах власти, так и в федеральном парламенте. К примеру, в Германии, турок Джем Оздемир стал главой одной из самых влиятельных немецких партий – «Зеленых», которая контролирует 10% мест в Бундестаге [31]. В Голландии, марокканец по происхождению Ахмед Абуталеб, стал мэром Роттердама, крупнейшего города страны. «Спикером национального парламента избрана марокканка Хадиджа Ариб... имеющая двойное гражданство» [36].

На французском политическом Олимпе уже давно царствуют и правят арабы и негры. «До января 2017 года министром юстиции Франции была темнокожая Кристиан Тобира, прославившаяся отказом петь Марсельезу в Люксембургском саду. Теперь же министром образования во Франции стала уроженка Марокко и мусульманка Наджат Валло-Белькасем» [31].

Там же, в Голландии, мигрантами была создана политическая партия DENK, что в переводе с турецкого означает «равенство». Деятельность партии резко меняет политические акценты в работе парламента. В своем первом манифесте партия заявила, что «не считает нужным «интеграцию» мигрантов в голландское общество – голландцы должны принимать мигрантов такими, какие они есть. Вместо «интеграции» требуется «принятие»» [36]. Требования «интеграции мигрантов в западное общество» партия считает расистскими. Тех, кто пытается защитить страну от мигрантов, партия требует «регистрировать в специальном «расистском регистре» с целью дальнейшего запрета на работу на государственной службе. Термин «иммигрант», по мнению партии, «вообще следует запретить» [36]. В школах и вузах «необходимо изучать турецкий, арабский и китайский языки, и даже преподавать на них... некоторые предметы». Государство должно организовать «обучение имамов», но без вмешательства в учебный процесс. Партия предлагает бороться с терроризмом «путем искоренения порождающих его условий – безнадежности, социальной

отверженности и несправедливости».

На международном уровне партия предлагает провести «фундаментальную реформу» ООН, Совета Безопасности, поддерживать палестинцев в конфликте с Израилем. То есть новая, протурецкая партия оценивает все политические события в мире и в Голландии через призму интересов мусульманского населения. Один из лидеров партии посоветовал голландцам «привыкать к мусульманам-мигрантам».

Деятельность новой партии несет угрозу национальной безопасности Голландии. По голландским законам лидер партии, вошедшей в парламент, получает доступ к материалам комитета по разведке. Голландская общественность обеспокоилась, что через эту партию «голландские государственные тайны станут доступны Турции» [36].

Захватывая позиции в органах законодательной власти европейских государств, мусульмане имеют реальную возможность принимать свои законы, обязательные для исполнения всем населением. В 2006 г. голландский министр юстиции Пит Хайн Доннер заявил о возможности, по желанию мусульман, «поменять законы Нидерландов на шариат демократическим путём» [80].

Даже находясь в меньшинстве, мусульмане стараются навязывать местному населению свои идеологические установки. Так, в Берлине мусульмане организовали масштабную акцию по распространению ислама среди местного населения, под названием «Читай» [58]. Было изготовлено 25 млн. экземпляров Корана, который раздавался немцам.

Осенью 2014 года группа молодых мусульман организовала в Берлине инициативную «Полицию шариата». «Члены полиции» посещали европейские бары и казино, где призывали посетителей «отказаться от табака и принять ислам». Когда государственная полиция пресекла действия «полиции шариата», ее руководители подали в суд на полицию [58].

Судя по всему, высшее руководство стран Европы хорошо понимает неизбежность «победы» мусульман. А потому уже «загодя» пытается подготовить к этому местное население. В 2016 г. министр финансов ФРГ Вольфганг Шойбле заявил о необходимости создания «немецкого ислама».

25 апреля 2016 г. министр юстиции Бельгии

Коэн Гинс заявил в Европарламенте: «скоро мусульмане численно превзойдут европейцев, Европа не осознаёт это, но это реальность» [50].

Таким образом, гибридная война заканчивается полнейшей победой ислама и мусульман. Пока еще без активного применения огнестрельного оружия.

То есть уже в высказываниях европейских министров прослеживаются капитулянтские позиции: сдача местного населения мусульманам.

Между тем, в ряде государств Европы сохраняется объективное восприятие и оценка опасности такой политики. Отдельные главы государств, защищая национальные интересы своей страны, пытаются выступать против введения в Европу «войск» гибридной войны. В сентябре 2018 года премьер-министр Чехии Андрей Бабиш заявил в эфире пражского телеканала «Прима», что «Чехия должна оставаться Чехией, а Европа – Европой, однако этому угрожает нелегальная миграция из мусульманских стран, подрывающая христианские основы европейской цивилизации. Мы воспринимаем нелегальную миграцию как угрозу европейской цивилизации. Мы не хотим жить, как живут в Африке или на Ближнем Востоке. Мы должны остановить её. Если же во Франции, Нидерландах или Бельгии хотят иметь больше «Исламского государства», чем сейчас, то это их дело» [40], – подчеркнул Бабиш.

О том, что ждет в ближайшее время Европу, писали: американский исследователь Кристофер Колдуэлл в книге: «Размышления о революции в Европе: Иммиграция, Ислам и Запад»; немецкий профессор Гуннар Хайнзон: «Сыновья и мировое господство. Террор при росте и падении наций», голландские исследователи [36].

Ослабляется организационно-политическое влияние органов государственной власти на новое население государства. Мигранты-мусульмане подчиняются законам принимающих государств лишь в том случае, когда они удовлетворяют их интересы. Все остальные нормы права просто отвергаются мусульманами. У государств приема нет правовых и силовых рычагов заставить осевших мигрантов выполнять правовые нормы.

С участием инородцев в Европе формируется мощнейшая террористическая сеть, на основе мусульманских диаспор. Она формируется из двух блоков. Первый блок: мусульмане, имеющие гражданство государств Европы, выезжающие в Сирию и другие «горячие» точки для отработки

навыков ведения террористических действий. После получения террористического опыта они возвращаются в государства постоянного проживания, где включаются в террористические сети.

Второй блок: мусульманские боевики, проникающие в страны Европы под видом беженцев. По оценке МВД Германии и Италии, «на территорию Евросоюза под видом беженцев проникает большое число террористов и экстремистов». При личном полицейские досмотре у многих из беженцев «обнаруживали в смартфонах и планшетах фотографии и видеозаписи, подтверждающие участие их владельцев в боевых действиях в Сирии и Ираке в составе террористических банд мятежников» [13].

Естественно, что полиция досматривает только рядовых боевиков, не обладающих опытом конспирации. Руководители террористических подразделений, «амиры», более подготовлены, «тщательно законспирированы... и без труда проникают через полицейские фильтры» [13].

По мнению российского эксперта А. Бовдунова, вначале в Европе «будет размыта и уничтожена идентичность коренного населения... Затем примутся за идентичность мигрантов, и мы увидим «человекомассу», которой будет удобно управлять. Которая не представляет из себя единого субъекта, и которая будет загнана в рамки этого либерального концлагеря» [46].

Руководство отдельных государств Европы хорошо понимает, что нынешняя иностранная миграция станет долговременной «удавкой» для Европы. Как заявил премьер-министр Греции Алексис Ципрас, «вопрос иммиграционной политики не является временным, поскольку Европа будет сталкиваться с ним ещё долгие годы. Дилемма заключается в том, будем ли мы заниматься этой проблемой по отдельности или рассматривать её как европейский вызов» [47].

Таким образом, в результате применения «мягкой силы», азиатская и африканская миграция ведут Европу к уничтожению. Они не ассимилируются, не смешиваются с местным населением, не принимают европейских норм, ценностей и образа жизни. Они живут замкнутыми этническими диаспорами, обособленно. Мигранты не воспринимают образ жизни и поведение европейских белых женщин, с их открытой одеждой, открытым телом, косметикой. Они считают их шлюхами, «доступными». На пути к

сексуальному овладению европейскими женщинами у негров и арабов нет препятствий: полиция и закон не действуют, местные белые мужчины наблюдают молча за изнасилованиями белых женщин. «В итоге Европу захлестнула настоящая волна изнасилований. В Дании количество сексуальных преступлений всего за год выросло на 196%, Швеция вырвалась по количеству изнасилований на первое место в Европе и одно из ведущих – в мире» [31].

Ощущая свою незащищенность перед мигрантами, местное население пытается спастись бегством. Оккупация Европейских государств иностранцами-кочевниками способствует появлению совершенно нового вида миграции: бегству коренного населения из своей страны.

В феврале 2017 года «премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заявил, что его страна готова впустить «истинных» беженцев с Западной Европы. По его словам, следует запустить в страну «немцев, голландцев, французов и итальянцев, перепуганных политиков и журналистов, которые здесь, в Венгрии, хотят найти ту Европу, которую они потеряли в своих родных землях»» [7].

Как ни парадоксально, но организатором уничтожения белой Европы выступают не только США, но и Германия. И, конкретно, Ангела Меркель. Немецкие СМИ в открытую обвиняют Ангелу Меркель в подготовке гибридной войны против населения Германии. Так, известный публицист Дмитрий Бакстер заявляет, что «Ангела Меркель планирует европейский Холокост»; что «Европейский Союз стал фашистским государством Ангелы Меркель»; что немцы «снова на марше» и стремятся «разделять и властвовать в свободном мире» с помощью «развязывания террора» [50].

По словам журналиста Дмитрия Бакстера, Ангела Меркель создает из числа «кочевников» собственную армию специального назначения, чтобы взять под контроль всю Европу, «от Франции на Западе до Румынии на Востоке». Меркель рассматривает ИГИЛ «как собственных офицеров СС». В 2016 году, когда в Германию прибыло 1,5 миллиона мигрантов-мусульман, Меркель заявила, «что сейчас в Европе на свободе “десятки тысяч” джихадистов». В Германии организован учет джихадистов, которые затем «распространяются из Германии во все европейские государства,

пользуясь открытыми границами, и работают на подрыв демократических институтов...» [50].

По мнению многочисленных экспертов, Меркель выступает организатором всеевропейской войны. Под ее руководством в Германии создана сеть подземных базовых центров для размещения диверсионно-террористической армии ИГИЛ.

На портале Christ Michael в статье «LEAKED! Official Agenda for the destruction of Germany» (Официальная повестка дня для уничтожения Германии) было опубликовано письмо специалиста по строительству подземных сооружений, доктора Аустей Эмили Доминикас. Она рассказала о своем участии в строительстве сети подземных базовых центров*.

Перед специалистами была поставлена задача: «построить семь глубоких подземных комплексов в семи разных местах в Германии, с подземным железнодорожным сообщением, бункерами для посадочного материала (теплицами), независимым геотермальным энергоснабжением и водоснабжением из глубоких скважин». Каждый такой комплекс предназначался для размещения 300.000 человек. В подземных бункерах строились «помещения с тяжелыми грузовыми лифтами для рельсовых транспортных средств и воздушных судов;... мечети и молельные комнаты». На основании этого можно сделать вывод, что подземные жилые комплексы создавались не для укрытия населения Германии в случае войны, а для размещения спецподразделений ИГИЛ.

С учетом высокой стоимости проекта правительство Германии ввело «дополнительный налог путем принятия, так называемого закона об оптимизации HARTZ4, который позволил собрать за счет малоимущих граждан Германии 200 млрд. евро. Вице-канцлер ФРГ Франц Мюнтеферинг в оправдание изъятия этих средств назвал граждан Германии «овощами» и «недостойным человеческим материалом».

К 2010 году в Германии подземные базовые центры были построены в Берлине, Кельне, Гамбурге, Бремене, Киле, Дюссельдорфе, Мюнхене и Штутгарте. Аналогичное строительство подземных базовых центров велось в Канаде, Нидерландах, Аргентине и Франции.

Были построены два железнодорожных тоннеля «к комплексам Кассель и ФЮРТ». Особого внимания заслуживают характеристики

подземного железнодорожного транспорта. Железнодорожные боксы позволяют «перевозить под землей один боевой самолет (34 VTOL aircraft), 400 солдат с оборудованием, 16 танков с боевым танком или один боевой танк». Поезда могут «передвигаться по подземным тоннелям со скоростью 100 км/ч». В подземелье уходят грузовые лифты, в каждом из которых могут размещаться «4 танка и 60 солдат».

В каждом комплексе построены мечети. «Компания RHEINMETALL судовыми контейнерами доставила боевую технику, пистолеты, штурмовые винтовки со штыками (HECKLER & KOCH) и 10000 тонн боеприпасов. Комплекс был оборудован 18 спальными комнатами с 68000 трехуровневых кроватей, душевыми комнатами на 14000 человек одновременно, с четырьмя больницами, шестью хирургическими операционными и гигантскими запасами медикаментов». Были отдельно построены восемь «шахт для топливных резервуаров емкостью 200000 кубометров каждый для хранения дизельного топлива, мазута и керосина. Емкости для питьевой воды и сублимированных продуктов хватало для обеспечения 200000 солдат, 10000 мужчин обслуживающего персонала и 6000 женщин-проституток».

По мнению Российских экспертов, заключительная, «горячая» стадия европейской расовой войны будет развиваться следующим образом. В час «Ч» канцлер Меркель вводит в Германии особое положение, и «перемещается в 16-уровневый бункер под Берлином, в роскошные апартаменты уровня отелей Хилтон». Туда перемещается Генштаб, «с 2000 солдат для проведения специальных операций» и 1,2 миллиона исламских боевиков. На поверхности начинаются «массовые столкновения между отдельными частями армии и полиции», в уничтожении которых примут участие «подземные солдаты ислама». «Начнется всеобщее истребление немецкого населения».

На начальном этапе в Германии будут «уничтожены 15 млн. детей, стариков и бедных», то есть тех, кому требуется забота государства. «Германию будет бомбить американская авиация. Все несогласные и сопротивляющиеся будут объявлены «врагами демократии и свободы». По всей стране сейчас строятся 180 центров для содержания биологических немцев и их детей, представителей креативного класса и протестующих» [50].

Такую же политику гибридной войны в Европе проводит президент Франции Эммануэль Макрон. Совершенно неизвестный ранее политик был избран с помощью новых избирательных технологий, которые организовала «мало кому известная компания Steele&Holt». К избранию Макрона президентом Франции оказался причастен «Анри де Ла Круа, пятый герцог аристократического дома Круа, президент аналитического центра НАТО, член Бильдербергского клуба, Босфорского института, известного как Турецкий аналитический центр, и французского Института Монтеня» [51].

По мнению российских экспертов, в лице Макрона во Франции к власти «пришла откровенно фашистская партия, ставящая своей целью геноцид коренного белого населения вплоть до его полного исчезновения и превращения европейцев в людей средней расы, средней национальности, среднего вероисповедания и среднего пола». А основным субъектом уничтожения белого населения Франции также «были выбраны многочисленные мигранты-беженцы из мусульманских стран Северной Африки и Ближнего Востока».

Как предупреждают российские эксперты, «Мировая элита совсем не зря выбрала проводником своих идей человека с именем Эммануэль Макрон. Эммануэль – одно из предсказанных имен Мессии в Ветхом Завете. Сам Макрон отвечает очень многим требованиям, предъявляемым к лже-мессии. Можно сказать, что с избранием президентом Макрона в ряду Антихристов с принцем Уильямом и зятем Трампа Джаредом Кушнером прибыло. И в ближайшее время мы также будем наблюдать острую борьбу между различными мировыми кланами за Иерусалимский трон» [50].

Таким образом, нынешняя Европа в ближайшее время может быть уничтожена. В Европе практически не осталось политиков, заинтересованных в ее защите.

Во Франции, Германии, Австрии, за период с 4 октября по 2 ноября 2020 г. произошли четыре исламистские атаки на мирное население. Преступники-мусульмане, совершившие убийства в Париже, Ницце, Дрездене и Вене, не были профессиональными боевиками, хотя принесли дистанционную клятву «Исламскому государству». Свои действия они объясняли мотивами ненависти к «неверным»: к христианской

религии, культуре, свободам и привычкам белых людей [2]. Убийство 16 октября 2020 г. школьного учителя под Парижем было мстостью за демонстрацию им карикатуры на пророка Мухаммеда. Убийство в Ницце 29 октября 2020 г. трех прихожан в церкви объясняется ненавистью к христианам. Нападение на двух немолодых туристов в Дрездене 4 октября 2020 г. было продиктовано ненавистью к гомосексуалистам. Хотя, совершенно непонятно, почему этих мужчин мусульманин отнес к гомосексуалистам. «А убийство четверых в Вене (2 ноября) вызвано намерением покарать “нечестивых”, пришедших в квартал, где много ресторанов и баров» [2]. А по сути дела, единственным мотивом можно считать слова из басни А.И. Крылова: «ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать». Все жертвы были виноваты лишь в том, что они были белыми христианами. Оказалось, что все правоверные преступники вели в приютившей их Европе «священную войну во имя Всевышнего». При этом они не скрывали своих мотивационных установок. О чем писали в соцсети Instagram и откровенно называли себя «спящей террористической ячейкой» [2].

Как отмечают французские СМИ, французам не удалось сделать «никакого «плавильного котла»... Мультикультурализм и французские либералы потерпели сокрушительное поражение». По словам депутата Национального собрания Марион Марешаль, за период «с 2012 года исламские радикалы убили во Франции 267 (!) человек» [44]. Среди убитых дети, военнослужащие, журналисты, марсельские подростки и др. Причем, убийства совершались с особой жестокостью. Сотрудника полиции зарезали на глазах у ребенка. Предпринимателя обезглавили. Священника убили в собственной церкви. Многократные убийства совершались в Батаклане и Ницце.

Лидеры «пострадавших стран», президент Франции Эммануэль Макрон и канцлер Австрии Себастьян Курц попытались высказать свое мнение о том, что надо сделать для противодействия исламскому терроризму.

Даже президент Макрон стал понимать опасность ислама. По его словам, сказанным после убийства школьного учителя мусульманином, «ислам ведёт к появлению во Франции параллельного общества, детей во французских школах обучают принципам, противоречащим законам

Французской Республики» [44].

Главы МВД 27 стран ЕС попытались выработать общую тактику борьбы. Несмотря на успокоительные заявления, население стран Европы живет в ожидании надвигающейся еще большей опасности. Как показывают европейские социологические опросы, «жители государств – членов Евросоюза» боятся, что «присутствие пришельцев может лишить их рабочих мест и усилить угрозу терроризма. В Греции и Италии, например, большинство респондентов заявили, что их собственные страны превратятся в самые худшие места для проживания, если в них поселятся всё больше и больше представителей других рас, этнических групп и национальностей. Большинство респондентов в Германии, Греции, Италии и Великобритании согласились с утверждением, что приток беженцев увеличит вероятность террористических актов в их странах» [56, стр. 49].

Выскажем собственное мнение.

Анализ материалов, посвященных миграционным процессам в Западной Европе, демонстрирует непонимание Европой угроз миграционной войны. Ликвидация белого населения Европы, это международная программа, организованная ООН. Она находится на той стадии, когда ее, практически, нельзя остановить. Руководители МВД стран Европы просто не понимают, что у них происходит. Они пытаются бороться с исламскими террористами, как с белыми преступниками. А у них там арабы и негры, люди другой культуры, другой религии, неподконтрольные государственным институтам Европы. Их не страшит уголовная ответственность, не страшат самые суровые наказания, ибо они совершают преступления во имя «Всевышнего». К тому же, бороться именно с арабами и неграми спецслужбы и правоохранительные органы не могут, ибо это не толерантно и неполиткорректно.

Вот лишь отдельные высказывания экспертов о состоянии и перспективах Европы:

- Хауке Ритц. Конец Запада, каким мы его знаем: нуждается ли мировая цивилизация в переопределении;
- В Европе начинается религиозная война;
- Анисимов Е. Европу уничтожили изнутри. Геноцид белой расы проводится очень изобретательно, разнообразно и

планово;

- Мигранты довели Европу до политического кризиса;
- Как мигранты захватят власть в Европе?;
- Андрей Фурсов: О расовых, культурных и религиозных изменениях в Старом Свете, и другие.

Чтобы понять происходящее в мире и в Европе, надо внимательно прочитать Тору, Библию и Коран. Надо понять, какие космические силы скрываются под названиями: «Всевышний»; «Бог»; «Господь Бог»; «Аллах»; «Яхве»; «Иегова». Надо понять, кого и для чего, на шестой день творения, создал Бог «по образу и подобию Божьему». Надо понять, кто такие «Галактический народ», «Дети Неба», «Сыны Божии». Надо понять, кого и для чего, «из праха земного», создали Господь Бог и Аллах, кто такие «люди пустыни», «люди смерти» [45].

Нет даже необходимости рассматривать пути спасения Европы, она будет уничтожена с особой жестокостью. В соответствии с законами ведения гибридных войн, действия мусульман-мятежников поддержат вооруженные силы ряда исламских государств, которые войдут в Европу, и будут крушить Францию, Италию, Германию, остальные государства Европы. Уже сейчас, зная тактику и механизм гибридных войн, можно спрогнозировать, войска каких государств будут завершать гибридную войну на территории Европы.

В этой ситуации силовое уничтожение белой Европы отразится и на России.

Уцелевшее белое население Европы ринется за спасением в Россию. На территорию России могут устремиться арабы и негры из Европы, пораженной техногенными катастрофами, голодом, резней. На территории России могут активизироваться мусульмане-мигранты из республик Средней Азии и других регионов.

Вот почему России необходимо исследовать механизмы гибридных войн и выработать собственные меры защиты национальной безопасности. Пока еще в российской научной литературе уделяется активное внимание миграционным проблемам как таковым [1; 4; 5; 12; 14; 23; 24; 32; 43; 61; 64; 74; 77; 82], но опасности гибридных войн для России исследуются значительно реже.

Примечания

- * В 2001 году Доминикас пригласили на работу в BBR (Bundesamt für Bauordnung und Raumwesen), германское бюро по архитектурно-строительному контролю и региональному планированию. Задача: строительство секретных «подземных объектов на территории Германия для целей массовой эвакуации населения во время чрезвычайных ситуаций». Перед началом работы она подписала «10 различных обязательств о неразглашении тайны 10-ти различных ведомств, два из которых относились к Министерству обороны (Bundes verteidigungsministerium)», что говорит о высоком уровне секретности объектов. В 2014 году у Доминикас «была диагностирована неизлечимая лейкемия». Решив, что ее дни сочтены, она выложила информацию в интернет.

Список литературы

1. Абатуров А.И., Брылева Е.А., Сальников В.П. Ресоциализация и постпенитенциарный контроль осужденных-мигрантов как один из аспектов миграционной безопасности России // Миграционное право. – 2019. – № 3. – С. 34-38.
2. Агаев В. Европа в западне. Чего не хватает странам ЕС для успешной борьбы с исламским терроризмом// <https://www.kommersant.ru/doc/4574646>
3. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
4. Андрейцо С.Ю., Грищенко Т.А. Актуальные проблемы миграции в России: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2016. – 155 с.
5. Артамонов О.В. Единый рынок труда в рамках Евразийского экономического союза. Тезисы выступления на Третьем Санкт-Петербургском Международном форуме труда (28 февраля – 1 марта 2019 года) // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 100-102.
6. Бартош А. Гибридные войны будущего – прогнозирование и планирование // http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html
7. В Европе начинается религиозная война // https://tsargrad.tv/articles/v-evrope-nachinaetsja-religioznaja-vojna_49112
8. В ЕС формируются исламистские гетто // https://tsargrad.tv/articles/igil-protiv-es-bezhencam-nuzhno-sdelat-predlozhenie-ot-kotorogo-ne-smogut-otkazatsja_47956
9. Вакуумная бомба – сильнейшее неядерное оружие страны // <https://topwar.ru/3923-vakuumnaya-bomba-silnejshee-neyadernoe-oruzhie-strany.html>
10. Вакуумная бомба: правда и вымысел // <https://warbook.club/boepripasy/bomby/vakuumnaya/>
11. Вишневский А. Может ли Юг двинуться на Север? // Демоскоп.Weekly. – 2001. – № 39-40. – 22 октября-4 ноября.
12. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
13. Джерелиевский Б. Нашествие «халифата» на Европу повернет ее исторический путь вспять // <http://kolokolrussia.ru/evropa/nashestvie-halifata-na-evropu-povernet-ee-istoricheskiy-put-vspyat>
14. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
15. Европа сносит «бесполезные» церкви // <http://kolokolrussia.ru/evropa/evropa-snosit-bespolezne-cerkvi>
16. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. – М.: Профобразование, 2003. – 432 с.
17. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
18. Журавлев С.Ю., Пигаев А.М. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования: Научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 216 с.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8.

- С. 11-19.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9-15.
 22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
 23. Золотарев Л.Л. Нелегальная миграция в современной России: некоторые актуальные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 64-68.
 24. Зуева А.С., Хабибулин А.Г., Современная российская государственность в условиях реформирования миграционной политики // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 31-36.
 25. Идёт война гибридная, трусливая война // <http://typrishol.ru/istoriya-obshhestvo-politika/idyot-vojna-gibridnaya-truslivaya-vojna.html>
 26. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
 27. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С. 109-112.
 28. Карпова А. «Придут и отнимут все». Почему Европу заполнили беженцы // <http://snob.ru/selected/entry/97414>
 29. Карпова А. Как и зачем под видом беженцев в ЕС попадают проповедники ИГИЛ и ваххабиты монархий Персидского залива // <https://snob.ru/profile/28728/blog/97420>
 30. Клесов А. ДНК-генеалогия славян: происхождение и история. – СПб.: Питер. 2019. – 400 с.
 31. Князев С. Шариат в Европе введут демократическим путем // <http://kolokolrussia.ru/evropa/shariat-v-evrope-vvedut-demokraticheskim-putem>
 32. Козлов Е.Н., Козлова Л.Е. Миграционная политика в Северо-Западном регионе // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
 33. Кому служат имамы // https://www.kommersant.ru/doc/4577091?from=doc_vrez
 34. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008. – № 1. – С. 30-32.
 35. Латышев С. Доклад ООН: Кочевников становится больше // https://tsargrad.tv/articles/doklad-oon-kochevnikov-stanovitsja-bolshe_204515
 36. Латышев С. Как мигранты захватят власть в Европе? // https://tsargrad.tv/articles/kak-migranty-zahvatjat-vlast-v-evrope_53903
 37. Латышев С. Как мигранты раскалывают ЕС // https://tsargrad.tv/articles/kak-migranty-raskalyvajut-es_71293
 38. Латышев С. Кондуктор, нажми на тормоза: ЕС выделил миллиарды евро на борьбу с мигрантами // https://tsargrad.tv/articles/konduktor-nazhmi-na-tormoza-es-vydelil-milliardy-evro-na-borbu-s-migrantami_114671
 39. Латышев С. Почему мигранты занялись «пиратством» в Средиземноморье // https://tsargrad.tv/articles/pochemu-migranty-zanjalis-piratstvom-v-sredizemnomore_191645
 40. Латышев С. Премьер Чехии назвал главную угрозу Европе // https://tsargrad.tv/articles/premer-chehii-nazval-glavnuju-ugrozu-evrope_155978
 41. Латышев С. Что не так со Всемирным днем беженцев // https://tsargrad.tv/articles/chto-ne-tak-so-vsemirnym-dnem-bezhencev_140434
 42. Лиддел Гарт, Бэзил. Стратегия непринятых действий / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 508 с., [4] с.
 43. Лисицын П.П. Привлечение иностранной рабочей силы в Россию // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 100-104.
 44. Малышев В. Не слишком ли поздно для одряхлевшей «цивилизованной» Европы? // https://www.fondsk.ru/news/2020/10/25/ne-slishkom-li-pozdno-dlja-odrajahlevshej-civilizovannoj-evropy-52120.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
 45. Мальцев Н.Н. Инопланетяне и земные аборигены. – М.: Алгоритм. 2013. – 491, [4] с.: ил.
 46. Мигранты в Стокгольме: продолжение следует // https://tsargrad.tv/articles/migranty-v-stokgolme-prodolzhenie-sleduet_50491
 47. Мигранты довели Европу до политического кризиса // <http://kolokolrussia.ru/evropa/migrant-doveli-evropu-do-politicheskogo-krizisa>
 48. Мозговой О.А. Развитие преступности и власть // Преступность и власть: Сборник трудов конференции. Москва, 01-03 марта 2000 г. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. – 84 с.
 49. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
 50. Никишин А. Европейский апокалипсис: геноцид европейцев и подземные города для исламистов // <http://kolokolrussia.ru/konspirologiya/evropeyskiy-apokalipsis-genocid-evropeycev-i-podzemne-goroda-dlya-islamistov>

51. Никишин А. Избрав Макрона, французы выбрали ритуальную смерть // <http://kolokolrussia.ru/konspirologiya/izbrav-makrona-francuz-vbrali-ritualnuu-smert>
52. Пиров М.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 146-151.
53. Пиров М.Т. Работоторговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 120-134.
54. Пиров М.Т. Торговля людьми и использование рабского труда: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика деяния // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 148-156.
55. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гишинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
56. Потемкина О. Сирийские беженцы в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2019. – № 3. – С. 48-53.
57. Почему в Европе беженцы. Беженцы в Европе // <https://spoonamer.ru/pochemu-v-evrope-bezhency-bezhency-v-evrope-kak-poluchit-status.html>
58. Проблемы миграции мусульман в Европе (часть 2) // <https://parstoday.com/ru/radio/world-i18814>
59. Савин Л. Что такое гибридная война // <https://www.geopolitica.ru/311-chto-takoe-gibridnaya-voyna.html>
60. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
61. Сальников В.П., Брылева Е.А. Критерии «правильной миграционной политики»: отечественный и зарубежный опыт // Миграционное право. – 2018. – № 3. – С. 25-28.
62. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
64. Сальников В.П., Силантьева В.А. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Миграционное право. – 2017. – № 3. – С. 13-17.
65. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
66. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
67. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
68. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
69. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
70. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
71. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
72. Саррацин Т. Германия: самоликвидация / Пер. с нем.. – М.: АСТ, 2013. – 400 с.
73. Синевский И. ИГИЛ: цели, задачи, а главное перспективы // <http://wordyou.ru/igil/igil-i-mirovoo-soobshhestvo/igil-tseli-i-zadach>
74. Степанов А.М. Транснациональные практики и проблема интеграции трудовых мигрантов из республик Средней Азии в России // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 106-112.
75. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с англ. М.М. Михайлова. – М.: АСТ, 2017. – 96 с.: ил.
76. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. – 560 с..
77. Усманов М.А. Основные подходы к адаптации и интеграции иностранных граждан и профилактике межнациональной напряженности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 113-120.
78. Фрэнсис Фукуяма: Америка в упадке. Источники политической дисфункции // <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/12/frensis-fukuyama-amerika-v-upadke-istochniki-politicheskoy-disfunkcii>

79. Фурсов А. О расовых, культурных и религиозных изменениях в Старом Свете // <http://kolokolrussia.ru/evropa/andrey-fursov-o-rasovh-kulturnh-i-religiozhn-izmeneniyah-v-starom-svete>
80. Фурсов А. Постжизнь и способность к сопротивлению // <http://kolokolrussia.ru/evropa/postjizn-i-sposobnost-k-soprotivleniu>
81. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
82. Хабриева Т.Я. Миграционное право в условиях мирового финансового экономического кризиса // Lex Russica. – 2010. – Т. LXIX. – № 2. – С. 250-259.
83. Хауке Ритц. Конец Запада, каким мы его знаем: нуждается ли мировая цивилизация в переопределении? // http://www.perspektivy.info/oikumena/vector/konec_zapada_kakim_my_jego_znajem_nuzhdajetsa_li_mirovaja_civilizacija_v_pereopredelenii_2020-10-12.htm
84. Цапенко И. Движущие силы международной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. № 3. – С. 3-14.
85. Шафаревич И. Народ и власть // Наш современник. – 2009. – № 2. – С. 162-170.
86. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. – 1085 с.: ил. – (Полное издание в одном томе).
87. Sarracin T. Deutschland schafft sich ab: Wie Wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags. – Anstali, 2010.
88. WSJ: немецкие компании не желают брать на работу мигрантов // <https://ktovkurse.com/biznes/wsj-nemetskie-kompanii-ne-zhelayut-brat-na-rabotu-migrantov>
89. <https://meteoplan.ru/personal-account/chego-bezhency-begut-v-evropu-gde-razmeshchayutsya-pribyvayushchie>

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

«ДИССЕРНЕТ», «САМОПЛАГИАТ» И РАЗУМНОСТЬ. ОБСУЖДЕНИЕ КОРРЕКТНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ «ДИССЕРНЕТА»

***Аннотация.** Анализируется работа «Диссернета». Показана как его положительная сторона – борьба с плагиатом, так и отрицательная сторона – неэтичность и неразумность в части попыток признания некорректными многократного тиражирования автором своих мыслей.*

***Ключевые слова:** юридическая наука; плагиат; «самоплагиат»; неэтичность.*

**ZAKHATTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.**

DISSERNET, SELF-PLAGIARISM AND RATIONALITY. DISCUSSION OF THE CORRECTNESS OF INDIVIDUAL DISSERNET PUBLICATIONS

***The summary.** The work of "Dissernet" is analyzed. Shown is both its positive side – the fight against plagiarism, and the negative side – unethical and unreasonable in terms of attempts to recognize as incorrect the author's repeated replication of his thoughts.*

***Key words:** legal science; plagiarism; "Self-plagiarism"; unethicalness.*

Важнейшей проблемой современной юридической науки является доведение результатов своих исследований как до коллег-ученых и работников законодательных органов, так и до массового читателя. На этот факт налагается другой и не менее печальный – россияне, в том числе юристы, стали заметно меньше читать. Особенно это касается печатной продукции, в первую очередь книг и научных журналов. Изложенное приводит к сокращению тиражей научной литературы. Соответственно, идеи специалистов в части права и законодательства стали труднее распространяться даже в научной и профессиональной среде. В результате подчас целые научные разработки «умирают» в диссертациях не оцененными и не внедренными [5, стр. 325-326].

Ведь с диссертациями, особенно кандидатскими, знакомятся, как правило, небольшое количество человек. К ним: относятся научный руководитель, официальные оппоненты, сотрудники кафедры, где проводилось исследование и отдельные специалисты ведущей организации.

Допустим, что предложения диссертанта названному кругу понравились. Соискателю присуждается ученая степень кандидата или доктора юридических наук. А что дальше? Ничего! В Российской Федерации нет государственного органа, отвечающего за претворение научных предложений в жизнь.

Более того, с учетом изложенного выше, с исследованиями и выводами диссертанта не знакомятся даже широкий круг ученых.

Частичным выходом из такой ситуации может стать дублирование автором своих идей в нескольких научных журналах, повторы написанного ранее в других книгах. Такие повторы ранее написанного – есть объективная необходимость в доведении своих взглядов до специалистов. Ведь чем больше ученых и практиков ознакомятся с выводами диссертанта, тем лучше. Если согласятся с выводами – это прямой путь в совершенствование законодательной и судебной практики, в дальнейшее развитие науки. Если ученые не согласятся – тоже здорово. Будут написаны критические статьи и отзывы на предложения диссертанта, даны объяснения, в чем он не прав и что нужно дополнить или убедительнее изложить.

То же, собственно, касается не только диссертантов, но и всех современных ученых-юристов.

Увы бывает, что даже работы известных юристов России проходят незаметными для широкой юридической общественности. Поэтому надо стремиться максимально широко публиковать свои идеи и выводы. При этом одновременно надо обязательно расширить рекламу книг и статей по соответствующей тематике.

Что же касается результатов деятельности различных научных школ, ноу-хау достижений, а равно материалов по юбилеям авторитетных ученых или воспоминаний об их научном и жизненном пути – необходимость многократности их публикаций, думается, ни у кого не вызывает сомнений.

Вместе с тем, в работе одного из диссертационных советов мы столкнулись со следующим случаем, который иначе как глупостью трудно назвать. Диссертационное исследование одного из соискателей в значительной степени совпало с его же научными статьями. Это и логично, поскольку научные выводы и предлагаемые изменения в закон, разумеется, должны быть «слово в слово». После этого система «Диссернет» научную работу этого соискателя поставила под сомнение. Разобрались и увидели, что автор писал сам. И переписывал сам у себя. Однако отдельные члены диссертационного совета к выводам системы «Диссернет» прислушались, назвав увиденное самоплагиатом!

Причем соискателю порекомендовали на будущее писать научные статьи с теми же выводами, но другими словами! Иными словами, как говорил один политик про Россию: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

Такие же рекомендации в другом диссертационном совете дали докторанту уже в части написания монографии, иначе, мол, могут быть трудности в прохождении «Диссернета»!

Давайте разберемся и договоримся. Задача «Диссернета» выявлять плагиат, выдачу чужих мыслей и идей за свои. Но свои-то мысли и идеи пусть ученый многократно копирует во всех своих публикациях хоть дословно. Это же не плагиат. Более того, с учетом современной нелюбви к чтению, чем больше раз учеными будут тиражированы умные идеи, тем больше вероятность, что такие идеи кто-то воспримет или хотя бы прочтает.

Относительно дословности очень важно понимать еще одну, как мы думали ранее, очевидную всем вещь. В праве крайне важна

точность формулировок, ибо любое термин, слово или даже запятая может играть для человека фатальную роль. Классический пример: «Казнить нельзя помиловать!». От запятой в прямом смысле зависит жизнь человека. Как можно излагать основные мысли в работах не дословно?!

Однако не так давно столкнулись с такой ситуацией. Несколько лет назад мы сформулировали компрехендную теорию права. Названную теорию мы опубликовали в нескольких юридических журналах и монографиях. Теория вызвала заметный интерес как у философов, так и юристов России. На наши публикации поступили положительные отзывы от ведущих ученых России, в том числе одного из основоположников отечественной философии права член-корреспондента РАН Д.А. Керимова [10, стр. 78-85]. Еще более заинтересовала эта теория зарубежных специалистов. Наши статьи о ней переведены и изданы в нескольких странах как ближнего, так и дальнего зарубежья. Более того, книга с изложением компрехендной теории права переведена на английский язык и издана в Кембридже [3; 4]. Теперь ее используют при обучении в одном из ведущих вузов мира [1; 2; 11; 12].

Но что происходит далее. Как нам сообщили, в системе «Диссернет» появилось сообщение, что наши публикации о компрехендной теории права относятся к «некорректным публикациям». Мы обратились к системе «Диссернет» и установили, что некорректными наши публикации названы потому, что мы не единожды публиковали нашу теорию в различных журналах с незначительными дополнениями. Да, публиковали. Старались, чтобы с ней познакомилось максимально большое число специалистов. Мы же не можем писать ее разными словами, давая новые понятия, постоянно по-новому излагать ее предмет, придумывать новые аргументы, обоснования и т.д.! Наоборот, как уже не раз отмечалось, в праве как нигде важна четкость и точность формулировок. Постоянно изменять, дополнять, расширять статьи о правовых нормах и научных теориях невозможно. Да этого по названным причинам и нельзя делать. Поэтому здорово, что большая часть специалистов ознакомилась с нашими исследованиями так сказать без изменений.

Мы периодически немного дополняем и

уточняем наши выводы. Однако оставляем за собой право многократно тиражировать наши работы, пусть и с указанными небольшими изменениями. По нашему мнению, некорректности в наших действиях нет.

Вместе с тем, мы негативно относимся к плагиату. Плагиат является актуальной этической проблемой для юридических наук, о чем мы не раз писали.

Более того, как мы отмечали в одной из крайних монографий, в настоящее время юриспруденция не достаточно готова к защите авторских прав научных работ, опубликованных в электронном виде. Юридическому сообществу необходимо выработать какие-то рекомендации по защите авторских прав ученых, особенно по работам, выпущенным в электронном виде, опубликованным в Интернет и т.д. [5, стр. 340-341].

Кроме того специалистам, работающим на компьютерах, надо учитывать следующее. Как правило, находящиеся дома или на кафедре стационарные компьютеры подключены к сети Интернет. Через Интернет совсем не трудно похитить все содержимое компьютера. То есть, заинтересованное лицо может скачать все Ваши записи и пока Вы будете продолжать над ними трудиться быстро опубликует их под своим именем либо как-то иначе воспользуется вашими трудами. Хищения через компьютерную сеть сейчас достаточно распространены. Правда, похитителей в основном интересуют другие сведения: номера банковских счетов, пароли к электронным картам, государственные тайны и др. Поэтому в государственных организациях запрещено составлять секретные документы на компьютерах, подключенных к Интернету. В принципе, работать на компьютере, подключенном к Интернету, это все равно что писать формулы на своем заборе – увидеть что написано при желании может почти каждый. А технические средства и специальные программы по съему информации, как мы неоднократно писали, сейчас находятся не только у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Существуют целые фирмы, специализирующиеся на незаконном снятии информации с технических каналов связи, прослушивании переговоров по компьютеру, контроле электронных почтовых отправок, хищении имеющейся на компьютере информации. Увы, такие реалии

современной жизни. А у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, накопилось много других проблем, из которых факты научного плагиата не являются основной [6; 7; 8; 9]. Но не надо быть провидцем чтобы понять, что заинтересованные люди, увы, будут похищать и юридические идеи, и работы.

Нам кажется, что сейчас основная причина плагиата связана со снижением в научной среде морали и нравственности. И то, что пытаются вести борьбу с плагиатом, это хорошо. Плохо то, что она ведется не в том направлении и крайне не этично по отношению к честным ученым.

Мы не знаем, как и каким образом функционирует «Диссернет». Однако призываем людей, вовлеченных в процесс поиска плагиата, самим соблюдать этичность и корректность.

Наша позиция по поднятой проблеме проста и понятна. Мы не просто не видим никакой беды, а считаем отличным то, что соискатель распространяет результаты своих исследований в различных научных изданиях (монографиях, сборниках, статьях и т.д.). Чем больше ученых с этими результатами ознакомятся, а то и выскажут отношение к ним, тем более объективно будет оценен труд исследователя. И очень важно, чтобы

основные выводы исследователя тиражировались именно «слово в слово». Для гуманитарных наук, особенно юридических, как все понимают, очень важна точность слов. Замена одного слова казалось бы синонимом может значительно изменить (расширить или ограничить) действие закона.

По таким принципам функционировала система защит диссертаций в СССР, когда требовалось, чтобы основные результаты диссертаций обязательно были опубликованы в научных журналах. И никто не ставил вопрос о том, что «диссертант списал сам у себя». Наоборот. Было важно, чтобы диссертант в статьях и выступлениях точно привел результаты своих исследований и сформулированные на их основе предложения.

Надо учитывать и то, что XXI век – век информационных технологий. Мы не видим никакой беды, что ученые публикуют, например, свою удачную статью в различных изданиях. Даже если вносят в нее совершенно незначительные изменения и уточнения. Повторимся, что чем больше людей ознакомится с научными открытиями, достижениями, важными выводами и просто с интересными суждениями – тем лучше.

Список литературы

1. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 304-307.
2. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2(52). – С. 206-208.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
4. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
6. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
7. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.

8. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П.Сальникова. – С.-Пб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
9. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 135-139.
10. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 78-85.
11. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 191-194.
12. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 181-188.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

 Федеральная служба
 по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
 (Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 от 01 июля 2010 г.

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ» (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шердин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
 Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
 Технический редактор Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2020, № 12

Выход в свет 06.01.2021. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
 тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

**ЦЕНТР ЗАЩИТЫ
ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

РОО «ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Специалисты нашего центра всегда готовы проконсультировать Вас по любым вопросам, связанным с правами потребителей и защитой этих прав в таких сферах как:

- покупка-продажа недвижимости;
- покупка-продажа любых товаров;
- выполнение строительных или ремонтных работ;
- бытовые услуги;
- транспортные услуги;
- медицинские услуги;
- туристические услуги;
- кредитные вопросы;
- услуги ЖКХ;
- возврат мебели;
- страхование недвижимости и автомобилей.

ЧЕСТЬ И ЗАКОН
АДВОКАТСКОЕ БЮРО

Адвокатское Бюро «Честь и Закон»

В рамках Адвокатского Бюро можно получить услуги в следующих направлениях:

- гражданско-правовые споры, в т.ч. семейные;
- уголовный процесс;
- жилищное право;
- арбитражный процесс;
- административное право;
- трудовые споры.

**ПЕРВАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОЧТА**

Первая юридическая почта предлагает для физических и юридических лиц оказание услуг подачи любого документа посредством курьера в государственные органы без траты личного времени лица.

Это удобно, потому что предоставляется полное сопровождение документов:

- личная консультация и четкое определение гос. органа-получателя;
- составление и оформление юридически грамотных документов;
- своевременная доставка документов в государственный орган.

Преимущества использования Первой юридической почты:

- снятие ограничения по количеству обращений юридического лица в гос. органы за день;
- колоссальная экономия личного времени, нервов и денежных средств подающего;
- отсутствие необходимости в большом штате курьеров;
- отсутствие необходимости оформлять доверенность на подачу и получение документов.

Принципы нашей работы:

- гарантия полной конфиденциальности;
- индивидуальный подход к каждому клиенту;
- детальность и внимательность в каждом вопросе;
- стоимость услуг всегда соответствует результатам проведённой работы.

Лидер Консалт Право осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Комплексное юридическое обслуживание – это полное юридическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности компании по всем правовым вопросам (гражданским, трудовым, финансовым, таможенным, административным, налоговым, земельным), возникающим в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сопровождение включает в себя широкий спектр услуг, в частности:

- регистрацию компаний и ведение малого бизнеса, помощь при оформлении фермерских хозяйств;
- регистрацию Некоммерческих организаций;
- аккредитацию иностранных филиалов и представительств;
- взаимодействие с государственными органами и иными организациями;
- консультации по вопросам корпоративного права;
- подготовку документов для лицензирования деятельности предприятия;
- открытие счетов, оформление зарплатных проектов;
- бухгалтерское сопровождение бизнеса;
- представление интересов в арбитражных судах РФ и судах общей юрисдикции РФ;
- правовой комплаенс;
- реорганизацию фирм, приведение в соответствие с законодательством, внесение изменений в учредительные документы;
- ведение процедуры банкротства компании;
- ликвидацию компаний.

**Адрес : г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, дом 78, корпус 2, лит. А, 6 этаж.
Тел: 642 01 11; 607 64 43; E-mail: info@legalhelp.pro**

СУМКИ И КАРТИНЫ РКНАМАТ

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Rkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Rkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

**ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ
ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!**